

НАТАЛИЯ БУДУР

## ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ, ИЛИ ГЕНИИ И ЗЛОДЕИ

### ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО

«Гений и злодейство - две вещи несовместные», - утверждал А.С. Пушкин, однако сам же и опровергал себя, описывая, с каким поистине гениальным злодейством и изяществом Сальери отравляет Моцарта, воспользовавшись его наивной доверчивостью:

*Моцарт*

Он же гений,  
Как ты да я. А гений и злодейство -  
Две вещи несовместные. Не правда ль?

*Сальери*

Ты думаешь?

*(Бросает яд в стакан Моцарта.)*

Подобным изощрённым гением-злодеем в Средние века была и инквизиция, учрежденная католической Церковью для борьбы с инакомыслящими.

Сразу надо оговорить, что инквизиция возникла вовсе не как самоцель, но орудие определенной церковной и светской политики, и что сама эта политика – как церкви, так и государства – диктовалась очень часто материальными интересами, хотя «идеологический покров» носил, конечно, церковный характер.

Инквизиция, по сути, была «последним доводом королей»<sup>1</sup>, залпом из пушки, против которого несогласным с Церковью и королем нечего было возразить.

Инквизиция была сильнейшим орудием воздействия на человека и общество, ибо возбуждала в отдельной личности страх и стремление любым путем спасти свою жизнь. Инквизиция играла на самых низменных чувствах и качествах людей - зависти, подлости, жадности. Она толкала человека на предательство и оговор, которые не только не порицались, но всячески приветствовались. Как сказал однажды папа Римский Григорий IX, «в конечном итоге родители будут вынуждены предавать своих детей, дети - родителей, мужья - своих жен, а жены - мужей». Вот уж воистину «гениальное злодейство», омерзительное в своем неприкрытом цинизме!

Инквизиция «родилась» в лоне католической Церкви.

Католицизм - одно из основных направлений в христианстве, наряду с православием и протестантизмом, полностью сформировавшееся после разделения христианской церкви в 1054 году на западную (католическую) и восточную (православную).

Само название «католицизм» образовано от греческого слова «katholikos» - «всеобщий».

Католицизм имеет ряд особенностей в вероучении, культуре и структуре религиозной организации. Католики особенно чтят Пресвятую Деву Марию, признают догматы о ее непорочном зачатии и телесном вознесении на небо. Они также признают догмат о чистилище - промежуточном месте между адом и раем, где души грешников, не получившие прощения в земной жизни, но не отягощенные смертными грехами, прежде чем получить доступ в рай, горят в очищающем огне.

Католическому богослужению присущ театрализованный культ, широкое почитание всевозможных реликвий, культ мучеников, святых и блаженных.

---

<sup>1</sup> Французский кардинал А. Ришелье распорядился на всех отливаемых пушках чеканить латинскую надпись «Ultima ratio regum» - «Последний довод королей».

Католическая Церковь строго централизована и имеет в настоящее время единый всемирный центр в Ватикане.

Ватикан - название одного из семи холмов Рима, на котором расположен комплекс зданий, включающих храм святого Петра, апостолический дворец с Сикстинской капеллой, в которой с XV века избирают глав католической церкви - пап Римских. С 1870 года Ватикан является официальной папской резиденцией, это город-государство, площадь которого составляет 44 гектара. Официально государство Ватикан возникло в 1929 году в результате договоров папы Пия XI с Муссолини.

Глава Ватикана - папа Римский, обладает неограниченной властью и считается наместником Иисуса Христа, непогрешимым в делах веры и нравственности. Полное наименование папы: епископ Рима, наместник Иисуса Христа, преемник князя апостолов, верховный понтифик вселенской церкви, патриарх Запада, примас Италии, архиепископ и митрополит Римской провинции, монарх государства-города Ватикан, раб рабов Божьих.

Ватикан - Папское государство. Первое же Папское государство с центром в Риме было основано в Средней Италии в 756 году. Возникло оно в результате дарения этих земель папе Стефану II королем франков Пипином Коротким. Особенностью Папского государства было то, что его глава - папа Римский - являлся одновременно и главой всех католиков. В XII - XIII веках папам удалось существенно расширить территорию своего государства, в которое стали входить такие крупные итальянские города как Болонья, Римини, Феррара, Перуджа. Император Рудольф Габсбург официально признал независимость Папского государства от императоров Священной Римской империи<sup>2</sup>. Папское государство просуществовало до 1879 года, когда было присоединено к Италии.

В отличие от православной Церкви, строго подчиненной царской, а позднее - императорской, власти, католическая Церковь в Средние века нередко играла самостоятельную политическую роль, особенно в условиях феодальной раздробленности Западной Европы. Церковь пыталась ограничить размер феодальных усобиц, приносящих огромный ущерб обществу, для чего приняло постановление о Мире Божьем и Божьем перемирии - запрет на ведение военных действий в определенные периоды и дни. Организовав крестовые походы - войны против иноверцев-мусльман, папство способствовало оттоку на Восток из Европы наиболее опасных анархических слоев общества.

Уже в Раннем Средневековья католическая Церковь стала одним из крупнейших феодалов. Историки говорят, что ей принадлежало около трети всей обрабатываемой земли в Западной Европе.

В XIII веке католическая Церковь достигла пика своего могущества, сделав многих европейских монархов папскими вассалами. В это время именно папы Римские определяли политическую ситуацию в Европе. Однако создание сильных государств - прежде всего, Франции и Англии - привело к упадку политического могущества пап.

Католическая Церковь сыграла огромную роль в культурном развитии Европы. Почти все известные деятели науки и искусства Раннего Средневековья были лицами духовного звания. До сих пор мы восхищаемся шедеврами «религиозной» архитектуры - соборами и монастырями, для которых писали картины выдающиеся живописцы того времени. При монастырях были школы и скриптории. В скрипториях - мастерских по переписке рукописей - создавались настоящие произведения искусства - книги, украшенные прекрасными миниатюрами.

Вместе с тем католическая Церковь всеми силами и самыми жестокими методами боролась с инакомыслием. Одним из орудий этой борьбы и стала инквизиция.

Инквизиция - это церковный трибунал, действовавший во всех католических странах. Само слово «инквизиция» произошло от латинского «inquisitio» - «розыск». Священный трибунал, или «Мировая рука», как иногда называют инквизицию, занимался поиском и судом еретиков - людей, которые отрицали догматы католицизма.

Инквизиторы практиковали тайное следствие, в ходе которого использовали доносы и лжесвидетельства, а также применяли пытки и многочасовые допросы. При

---

<sup>2</sup> Священная Римская империя - средневековое государство, занимавшее значительную часть Западной Европы и включавшее в себя германские, итальянские, чешские земли, Нидерланды и часть других территорий. Основано в 962 году. Священная римская империя формально просуществовала до 1806 года

осуждении еретиков все их имущество конфисковалось, а инквизиция часто принималась за родственником и потомков осужденных до третьего поколения включительно.

Осужденного могли подвергнуть порке, штрафу, публичному покаянию в грехах, тюремному заключению, а также сожжению на костре - аутодафе.

Очень часто несчастные и измученные люди оговаривали себя и своих близких в состоянии, близком к помешательству, ибо в момент оговора хотели одного - избавления от мучений.

Особенно свирепствовала инквизиция в Испании, где преследовала не только и не столько «обычных» еретиков, сколько, в первую очередь, марранов - крещеных евреев - и морисков - новообращенных мавров-мусульман. Во времена завоевания Америки испанская инквизиция перенесла «свою деятельность» за океан.

Во времена Возрождения инквизиция принялась за деятелей культуры, осудив многих из них.

Французская революция 1789 года положила конец бесчинствам инквизиции во Франции, а Наполеон отменил «Мировую руку» во всех завоеванных им странах. После поражения Наполеона инквизиция во многих из них, например, в Испании, была восстановлена, но вскоре окончательно упразднена.

В Испанской Америке инквизиция была отменена в ходе войны за независимость (1810 - 1826).

Дольше всего сохранялась папская инквизиция, учрежденная в 1542 году. После ликвидации светской власти пап в 1870 году, когда Папское государство было присоединено к Италии, папская инквизиция стала действовать исключительно путем отлучений от Церкви, проклятий и включения опасных с точки зрения католичества книг в список запрещенных изданий. Под названием Конгрегации святой канцелярии инквизиция просуществовала до 1965 года, когда была преобразована в Конгрегацию вероучений.

\* \* \*

В нашей книге мы рассматриваем отдельные эпизоды из истории инквизиции, уделяя внимание, прежде всего, самым интересным, неизвестным и страшным фактам деятельности «Мировой руки».

Наибольший интерес в истории инквизиции вызывают, как правило, так называемые «процессы над ведьмами», поэтому именно им и будет посвящена первая глава.

Заранее оговорим, что, хотя в России и не было инквизиции, тем не менее нередко происходили «суды о них». Поэтому в приложении мы поместили отдельную главу из книги Я Канторовича о процессах над колдунья на Руси.

## **ВЕДЬМЫ И ВЕДОВСТВО**

С конца XIV до второй половины XVIII века, в течение почти четырех столетий, во всех странах Европы не переставали пытать костры, раздуваемые невежеством, фанатизмом и суеверием, и сотни тысяч невинных людей после страшных мучений и пыток обрекались на смерть по обвинению в связи с дьяволом и в разных чудовищных преступлениях колдовства.

Жертвы сжигались во имя "Бога, короля и правосудия".

Разум населения большей части Европы был помрачен - и причиной тому была вера в колдовство, которая, впрочем, существует и в наши дни. Средним же векам принадлежит весьма сомнительная честь возведения этой веры в систему, в миросозерцание, господствовавшее во всех классах общества.

По верованиям средневековых людей, власть над миром и над человечеством оспаривается двумя силами, почти равными по могуществу, но различными по своим принципам – Богом и сатаной. Бог мог бы уничтожить сатану и его силу, но Он сохраняет его и предоставляет ему право действовать в мире, искушать и совращать человечество – для того, чтобы последнее своим сопротивлением соблазну нечистой силы заслужило спасение.

Борьба ведется между этими двумя силами на равных основаниях, по установленным правилам: у Бога есть воинство Небесное, а у дьявола - легионы демонов. Сатанинское войско управляется начальниками, которых зовут Вельзевул, Асмодей, Магог, Дагон, Магон, Астарота, Азazel, Габорим. Ученые насчитывают в дьявольской армии 72 000 князей, графов и маркизов и 7 405 928 чертенят.

У человеческой души есть свои ангел-хранитель и демон-искуситель. Ангел и демон борются за душу человека. Всевышний установил это равенство сил в борьбе и дал врагу равное оружие – для возвышения человечества и для очищения души путем испытаний.

Основная цель дьявола - овладеть душой человека и вселиться в его тело, для чего существует великое множество хитростей. Сатана может явиться к женщине в образе галантного кавалера, к верующему - в облике благочестивого монаха, словом, он может принять образ, какой ему угодно. чтобы обольстить и соблазнить жертву. Причем соблазнить не только душу, но и склонить брненное тело человека к вступлению с ним - сатаной - в плотскую связь. Дьявол может явиться в любое время суток и в любом месте - в богатом замке и в бедной хижине, в лесу и на многолюдных городских улицах.

Во всех слоях средневекового общества существовало твердое убеждение, что дьявол вмешивается во все человеческие дела. Присутствие черта предполагалось везде и в самых разнообразных видах: за каждым кустом или деревом, старым камнем или стеной, на чердаке и в колодезе. Были демоны земные, водяные, воздушные, горные, лесные, подземные. Он являлся также в образе зверя - дракона, обезьяны, собаки, кошки, жабы - или превращал людей, одержимых им, в зверей, преимущественно в волков, которые стаями и в одиночку нападали на людей и скот и вредили им.

Повсюду дьявол выслеживает жертвы, пользуется всяким случаем вступить в связь с человеком и отнять его от Бога. И когда это ему удастся, он закрепляет свою власть над человеком посредством формального договора, подписанного кровью, и ставит на теле человека свой «чертов знак», или «дьявольскую печать». Одержимый дьяволом становится его рабом, он должен во всем ему повиноваться, исполнять все его приказания, совершать все преступления, которые ему внушает его повелитель.

Помните легенду о докторе Фаусте? Классический пример соблазнения души дьяволом. Доктор Фауст хотел возвыситься над Богом, познать все тайны бытия - надо заметить, ради благой цели: помочь людям стать счастливыми. Сатана охотно обещает помочь ему в познании мира - но в обмен на бессмертную душу. Доктор Фауст соглашается и не обращает внимания на знак Господень: в последний момент перед подписанием договора с дьяволом из надреза на руке у Фауста не идет кровь, которой он и должен скрепить договор. Сатана верой и правдой служит доктору Фаусту оговоренное время - а потом забирает с собой его душу и отправляется в ад. При этом выясняется, что жертва Фауста никому не была нужна - людям не требовались его знания и умения, а нужно было лишь получить побольше презренного металла - золота.

Но людей, подобных ученому Фаусту, как мы поняли из легенды, на свете мало, а потому сатана предпочитает соблазнять бедных и наивных девушек, покинутые своими возлюбленными. Уж их-то на белом свете достаточно. Соблазненные дьяволом девицы становятся ведьмами. На первых порах они перенимают его искусство, чтобы отомстить изменившим им юношам или своим соперницам. А затем «втягиваются» в процесс колдовства и «усваивают» дьявольскую науку. Именно так процесс превращения невинных дев в ведьм представлял людям Средневековья.

Люди верили, что ведьма насылает болезни и бесплодие на людей и скот, губит тело и душу христиан, умеет вызывать грозы и ветры, насылает град на поля, мор на стада, сеет вражду и ссоры между людьми и изо всех сил старается испортить жизнь семейных пар, вселяя в супругов отвращение друг к другу. Какова цель ведьм, которые стремятся разрушить счастливые семьи? Простая - помешать воспроизведению рода человеческого, или, говоря современным языком, помешать рождению детей. Почему? Да потому, что дети будут крещены в церкви - и достанутся Богу, и надо будет опять бороться за их душу и совращать, и соблазнять их, и тратить на это дело великое множество сил. А дьявол, который, не будем забывать, является «врагом рода человеческого» стремится облегчить себе задачу и призвать в свои ряды как можно больше помощниц-ведьм и помощников-оборотней. О последних мы поговорим еще особо - ниже.

Считалось, что ведьма могла навести порчу, взяв куклу, подобную определенному человеку и начав колоть ее булавками. Человек, на которого была направлена порча, начинал худеть, а вскоре умирал. Ведьма могла с помощью адамовой головы - корня растения мандрагоры, выкопанной у подножия виселицы зубами собаки, которая оттого непременно умрет - расстроить рассудок человека, превратить человека в животное, сделать женщину безумной. А еще с помощью дурмана она могла довести человека до яростного исступления, заставить его танцевать до полного истощения сил, заставить его натворить тысячу позорных дел, так что тот не будет сознавать того, что делает, не вспомнит об этом и потом.

Невежественные люди верили в чудеса, а вот люди практичные охотно пользовались находками травниц, которыми, по сути, ведьмы часто и являлись. Так, воры очень часто прибегали к настойке дурмана. Однажды они напоили ею палача одного французского города и его жену с целью отобрать у них деньги. Палач и его супруга пришли в такое неистовство, что всю ночь, совершенно голые, проплясали на кладбище.

О ведьмах часто рассказывали самые невероятные вещи. Так, считалось, что одним из средств, которыми дьявол снабжает ведьм для принесения вреда людям, была волшебная мазь или колдовской порошок, который делается из трупов новорожденных некрещеных младенцев, в особенности из их сердец, или из опилок костей этих детей, смешанных со слюной жабы. Достаточно всыпать кому-нибудь в пищу маленькую горсточку этого порошка, и человек заболевает неизлечимой болезнью. Некоторые ведьмы, по представлениям суеверного Средневековья, были столь сильны, что им оказывалось достаточно незаметно бросить на человека несколько крупинок порошка - и тот моментально умирал. Замечательно, что этот порошок терял свои магические свойства в руках обыкновенных людей, а действовал только в руках ведьм; это и служило на инквизиционных судах доказательством их виновности - то, что в руках обыкновенных людей порошок не действует; такова была логика судей. Такое же магическое действие имеет и волшебная мазь, которая, кроме того, служит для ведьм средством превращаться в какого-нибудь зверя - кошку, волчицу, собаку, - чтобы в этом виде легче вредить.

Затем существовали магические слова, заклинания, которые ведьме достаточно было произнести, чтобы причинить всякие бедствия: портить поля, уничтожать посевы, вызывать мор скота, производить бурю, град и разные прочие ужасы.

Считалось также, что ведьмы не только мешали рождению детей, но и занимались убиением младенцев перед крещением. Тела детей ведьмы отдавали дьяволу или употребляют для своих колдовских целей.

Сейчас нам такие рассказы кажутся совершенно невероятными, но самое удивительное, что всего несколько веков назад люди искренне верили в существование ведьм и оборотней.

Порча и вред роду человеческому они могли наносить и вступая в половую связь с дьяволом и оскверняя свое тело, тем самым внося порчу и пагубу в человеческий род.

Земным - плотским - утехам с дьяволом часто предавались и замужние женщины, недовольные своими мужьями или стесненные нуждой.

Женщины во все века до недавнего времени считались существами слабыми и подверженными порокам. Именно так считали и в Средневековье, поэтому дьяволу всего легче приобретать власть над слабым полом, а не над сильной половиной человечества, и поэтому именно женщины - преимущественно его жертвы.

Дьявол является к женщине с хитрой речью, утешает ее в горе, обещает ей горы золота и камней, обволакивает ее заботой и сладкими речами, - и в результате соблазняет бедняжку. Если же какая особь женского пола оказывается невосприимчивой к речам и уговорам сатаны, то что же делать? - он прибегает к испытанному веками мужскому способу убеждений: колотит несчастную и запугивает ее. Результат в обоих случаях - и добровольного, и принудительного соблазнения - один и тот же: женщина становится ведьмой.

На основании признаний осужденных инквизицией было твердо установлено, что дьявол охотнее вступает в связь с замужними женщинами, находя двойное удовлетворение - в совращении самой женщины и в оскорблении брачного таинства.

Инквизиторы, пытающие ведьм, были очень любопытны и старались допросами узнавать от признающихся о различных подробностях половых сношений с дьяволом – о форме полового органа у дьявола, об ощущении, испытываемом женщиной от совокуплений с дьяволом и т. д. Ответы были различные, смотря по темпераменту и фантазии женщины, и описания половых сношений с дьяволом часто между собою расходились. Но это служило в глазах судей только доказательством новых хитростей дьявола, умевшего разнообразить свои удовольствия и соблазны...

Обвинение в половой связи с дьяволом было самым излюбленным пунктом обвинительного материала против ведьм. Подозрение в этом преступлении падало на всех ведьм независимо от возраста их. Оно приписывалось как старым женщинам, так и подросткам-девочкам.

Самым важным актом сношений с дьяволом было участие в шабаше ведьм - как мы бы сейчас, сказали - в «ведьминской тусовке». Эти оргии ведьм обыкновенно совпадали с христианскими праздниками – Пасхой, Троицей, Ивановым днем, Рождеством, а также происходили в мае (Вальпургиева ночь). В малом размере шабаш справлялся также и в будни, один раз в неделю. Местом для этих сходов ведьм выбирались горы или равнины, перекрестки, кладбища, развалины замка или даже городские погреба.

На эти сходы ведьмы едут верхом на метлах и кочергах, предварительно намазавшись волшебною мазью. Путь идет обыкновенно чрез дымовую трубу по воздуху, высоко над землею, иногда же ведьмы бегут туда пешком в образе собаки, кошки или зайца.

Посещение шабаша было обязательно для ведьмы, потому что на шабаше происходило поклонение сатане и совершались акты преданности ему и отступления от Бога и Церкви.

При открытии собрания сатана садится на трон и все собравшиеся падают ниц пред ним, после чего поочередно подходят и отвешивают ему низкий поклон, повернувшись к нему спиной, и целуют ему левую руку, левую ногу и задние части тела: на шабаше действует принцип «все наизнанку». После этого участники торжественно отрекаются от Бога, Богородицы, святых и посвящают себя сатане, называя его Господином, Творцом, Богом. Затем все начинают кружиться и плясать, образуя круг, но повернувшись друг к другу спиной. Пляска сопровождается самыми бесстыдными оргиями, во время которых сатана предается блуду с каждой из ведьм. Затем начинается пиршество. Самая старая ведьма, царица шабаша, садится рядом с сатаной и все помещаются вокруг трапезы. Трапеза состоит из самых отвратительных блюд, особенно много поедается жаб, трупов, печенок и сердец детей, умерших некрещеными; при этом не употребляется вовсе соли, хлеба и вина. После пиршества начинаются опять пляски и блуд. Когда бьет полночь все снова падают ниц пред своим повелителем. Это момент наивысшего поклонения сатане.

Одна из ведьм на суде описала сатану - так, как она видела его на шабаше. По ее словам, он сидел за черной кафедрой. На голове у него была корона из переплетенных черных рогов. Кроме того у него были два рога на шее и один на лбу, которым он освещал все сборище. Волосы у него были всклокочены, лицо бледное и хмурое, глаза круглые, слегка вытаращенные, огненные и пронзающие человека; борода, как у козла; шея и туловище безобразного сложения, тело частью человеческое, частью козлиное; руки и ноги как у человека, только все пальцы одинаковой длины, костлявые и с когтями; руки согнуты, как гусиные лапы, а хвост длинный, как у осла; голос ужасный, но без тонов. Он вел себя очень надменно, а на лице его было выражение скуки и пресыщения. Вот такой вот «милый» портрет дьявола.

К концу шабаша происходила черная обедня<sup>3</sup>. Это было святотатством, истинным надругательством над святой верой христиан. Сатана, облаченный в черную ризу, выходил на алтарь и пародировал обедню, повернувшись спиной к дарохранильнице<sup>4</sup>. Это служило общим посмешищем: в момент возношения Святых Даров<sup>5</sup> он предлагал для поклонения свеклу или красную морковь. Вообще на шабаше всячески передразнивалось богослужение и все церковные обряды изображались в искаженном и смешном виде. Вновь

---

<sup>3</sup> Обедня - литургия, церковная служба.

<sup>4</sup> Дарохранильница - вместилище Святых даров, сосуд для их хранения.

<sup>5</sup> Святые Таины, Святые Дары - истинные Тело и Кровь Господни, вкушаемые под видом хлеба и вина в таинстве причащения.

обращенных сатана крестил кровью и серой, и при этом все присутствующие издавались над истинным таинством крещения и наступали ногой на крест.

Оргии продолжались до появления зари и пения петухов. Тогда все исчезало и все разлетались в разные стороны. На пути ведьмы разбрасывали свои мази и яды на поля, скот и людей и сеяли повсюду порчу и пагубу. Чтобы вернуться незамеченной домой, ведьма часто принимала образ какого-либо домашнего животного – собаки или кошки.

О Вальпургиевой ночи - ночи, когда на горе Бровкен собираются на шабаш ведьмы - сложено невероятное количество легенд и сказок.

Ведьмами часто объявляли знахарок - женщин, сведущих в медицине. Таких «ведьм» сейчас называют травницами.

Средневековые лекарки, объявленные «исчадиями ада», пользовались растениями семейства пасленовых, которые также называют в народе "травами-утешительницами" (пасленовые растения). Растения эти весьма опасны и могут употребляться как для успокоения, так и для возбуждения человека.

Это широко известные и очень распространенные растений, которые встречались и встречаются повсюду под ногами и у любого плетня. Неверно взятое количество одного растения может оказаться смертельным для человека. Неудивительно, что травниц поэтому считали ведьмами - ведь они могли устанавливать точные пропорции лекарства и даровать либо жизнь, либо смерть больному.

Травницы использовали и всем знакомые томаты, называемые в народе также "яблоком любви", и вербишник (царский скипетр), употребляемый для примочек. Но брали они для своих лекарств и более опасный горький паслен, который на вкус сладок, как мед, постепенно превращающийся в нестерпимую горечь. Но благодаря этой горечи и наступающему временному омертвлению тканей умерщвляется боль. Как вы догадались, это средневековая болеутоляющее, анальгетик и анестезия. Пасленом также лечили многие кожные заболевания. Еще большей «обезболивающей» силой обладает паслен черный.

Ведьмы, дающие обращающимся к ней людям травы, сильно рисковали. Растения, смешиваемые в одну кучу под общим названием "ведьмовские травы", были смертельно опасными, а потому и ведьм, в руках которых эти травы находились, люди считали отравительницами. Толпа, слепая и жестокая в своей боязни, могла в одно прекрасное утро избить ведьму камнями до смерти, устроить ей "испытание водой" - попросту утопить. Или прибегнуть к еще более жестокому средству – набросить на шею несчастной лекарке веревку, притащить на церковный двор и устроить благочестивое зрелище для всего желающих, бросив ведьму на костер.

Травницы собирали лекарственные растения в определенные дни, часто ночью или на рассвете, что не могло не вызывать страха и ужаса непосвященных. Несмышленный подросток-пастушок видел ее и рассказывал затем в деревне о том, как шныряла ведьма в старых развалинах, оглядывалась по сторонам и что-то бормотала себе под нос. Какой ужас! Ведь ведьма могла заметить подпаса и превратить его в ящерицу, черепаху или в летучую мышь... Она собирала какую-то поганую траву, бледно-желтую с черно-красными, точно адское пламя, бороздками. А сам стебель растения - точно косматый человек... весь покрыт длинными, черными, липкими волосами.

Вот так и рождались легенды, так травниц, которые могли помочь и помогали больным, объявляли колдуньями и волокли на костер. А страшным растением была белена, обладающая не только опасными свойствами, но и болеутоляющими.

Другое из ряда таких же ядовитых лекарственных растений – белладонна, красавка, оказывающая успокоительное действие во время родовых болей.

Поскольку ведьмовские травы, как правило, были ядовиты, то невежественные люди считали, что дает их этому миру сатана, который употребляет эти средства с целью воздействовать на душу; ими он дает человеку забвение, любовь, грезы, посылает любую страсть.

Одной из тайн ведьм было также изготовление любовного напитка. Сведения относительно такого напитка и других приворотных средств, которыми пользовались ведьмы, обычно очень фантастичны.

Любовные напитки были весьма различны. Одни из них вызывали возбуждение, волновали кровь, как все те возбуждающие снадобья, которыми изобилует Восток. Из других весьма опасны были напитки, с помощью которых можно вызвать всякого рода иллюзии,

лишить человека воли, отдать его в полное распоряжение другого. Были, наконец, и такие, которыми хотели испытать силу страсти, узнать, до какой степени страстное желание может изменить все чувства, заставить все, что имеет отношение к предмету любви, даже вещи весьма мало приятные, принимать как высшее благо.

Вернуть утерянную любовь старались при помощи «любовного» пирога. Пекся такой пирог на поясице обнаженного человека - дамы или кавалера, что, естественно, было нестерпимо больно. На спину клалась доска, на который разводился огонь и пекся пирог. Вот уж воистину - любовь зла!

Пирог, пропитанный страданиями и любовью, подносится возлюбленному. И как только тот съедает этот подарок, странное волнение охватывает его, голова начинает кружиться, кровь приливает к сердцу. Он краснеет, он весь пылает. Он охвачен бешеной страстью, вечным, неутолимым желанием. Колдовство свершилось.

Каким образом ведьмы добивались результата? На этот вопрос не может дать однозначного ответа ни один человек. Наверняка, они были сведущими травницами и хорошо знали возбуждающими эффекты растений. Но большую роль играло и внушение - в том числе и самовнушение. Современные врачи признают, что человек может излечиться только в том случае, если верит в свое выздоровление - получается эффект «самогипноза». Именно этим и пользовались знахарки, приготовляя свои настои из лечебных трав. Однако это - тема отдельного разговора, на который у нас в этой книге просто нет места.

Ведьмы, как считали, могли превращаться в волков сами и могли превращать в серых хищников других людей. Волки-оборотни могли красть из домов взрослых и детей и пожирать их.

Полагали, что превращение в волка - излюбленный способ дьявола вредить роду человеческому. В писаниях того времени мы находим указания на существования трактирщиков, которые якобы давали своим посетителям какие-то снадобья в сыре и таким образом превращали их в животных.

Надо сказать, что верование в оборотней существовало в той или другой форме во всех странах Европы. Оно свирепствовало в особенности там, где было много волков - в Норвегии, в Ирландии, в Греции, даже у нас в России. В Италии же ведьмы большею частью превращались в кошек.

Вера в оборотней принимала в некоторых местах Европы характер настоящей эпидемии. Все дело в том, что существует особая форма безумия, во время которой больные воображают себя превращенными в зверей. Так случалось и в Средние века. Многие воображали себя обросшими шерстью, вооруженными ужасными костями и клыками и утверждали, что во время своих ночных скитаний они разрывали людей, животных и детей.

Дольский парламент во Франции нашел даже нужным в 1573 году издать следующее постановление: "В виду полученных верховным судом Дольского парламента сведений, что часто видят и встречают человека-волка, похитившего уже нескольких маленьких детей, которых затем более не видали, и нападавшего в поле на некоторых всадников... названный суд, в предупреждение большого зла, разрешил и разрешает жителям этих и других мест, не взирая на существующие законы об охоте, собраться с рогатинами, алебардами, пиками, пищалями, дубинами и учинить охоту по названному оборотню, преследовать его всюду, где только можно его найти, поймать, связать и убить, но отвечая за это никаким штрафом или взысканием".

Выслеживание этих оборотней и придание их суду составляло одну из главных забот администрации и судебной власти.

О ведьмах-оборотнях в Европе сложено великое множество легенд. В одной из них рассказывается о некоем французском охотнике, который однажды ночью охотясь в горах Оверн, подстрелил волчицу, у которой оторвало лапу, но она, хромая, успела убежать. Охотник поднял лапу, положил ее в свою охотничью сумку и пошел в соседний замок просить гостеприимства и ночлега. Владелец замка принял его очень радушно и любезно осведомился у гостя, много ли он настрелял добычи. Чтобы ответить на этот вопрос, охотник хотел показать хозяину лапу волчицы, но каково было его изумление, когда вместо лапы волчицы, оказалась человеческая рука с кольцом на одном из пальцев ее, по которому хозяин замка узнал, что рука принадлежит его жене. Он направился немедленно в комнату жены и нашел ее раненой и скрывающей свое плечо, которое, как оказалось, не имеет руки. Приставили к плечу руку, которую принес охотник, она оказалась как раз подходящей к

плечу. Тогда она призналась, что может принимать вид волчицы, и в этом виде она напала на охотника, который ее подстрелил, после чего она спаслась бегством, оставив руку. Муж передал ее инквизиции, и она была сожжена.

### **«Молот ведьм»**

В те далекие времена само собою разумелось, что предавшийся дьяволу – враг человечества..

Церковь соединила колдовство с преступлениями ереси<sup>6</sup> и выставила положение: «Высшая ересь – не верить в колдовство». Поэтому она считала своей главной и важнейшей задачей – борьбу с дьяволом и его орудием – ведьмой. Главы римской католической церкви - папы - издавали специальные указы - буллы, - призывающие к уничтожению ведьм, и назначали для каждой местности особых уполномоченных для этого инквизиторов.

В булле папы Иннокентия VIII, изданной в 1484 году, говорилось о том, что «в Германии многие лица обоего пола входят в союз с дьяволом, вредят людям и скоту, портят поля и плоды, отрицают христианскую веру и побуждаемые врагом рода человеческого, совершают еще другие преступления». Поэтому два профессора теологии, монахи Генрих Инститорис и Якоб Шпренгер, были назначены инквизиторами с обширными полномочиями, один для Верхней Германии, другой для прирейнских областей. Они должны были «исполнять свои обязанности относительно всех и каждого, без различия звания и состояния, и наказывать тех лиц, которых они найдут виновными, сообразно их преступлениям: заключать в темницу, лишать жизни или имущества. Все, что они найдут нужным сделать для этого, они могут совершить свободно и беспрепятственно, призывая в случай надобности помощь светской власти».

Такие же буллы были изданы и для других стран. Постановлениями пап и духовных соборов предписывалось следить за распространением колдовства и без пощады искоренять всех причастных к нему.

Отцы церкви и ученые теологи посвящали колдовству обширные трактаты, в которых существование дьявола выводится из текста Святого писания и вера в колдовство выставляется как основа христианской религии.

Целые теологические факультеты университетов старались научно обосновать необходимость борьбы с дьяволом и издавали трактаты, излагавшие со всею академической систематичностью учение о союзе с дьяволом, о составе преступлений колдовства, о мерах преследования ведьм, о специальных формах следствия над ними и о наказании.

В 1489 году в Кельне был издан «Молот ведьм» - книга, приобретшая огромную известность и ставшая вскоре авторитетом для духовных и светских судов.

Она принадлежит авторству упомянутых в булле Иннокентия VIII инквизиторов Шпренгера и Инститориса в сотрудничестве с другим инквизитором Кремером и, с точки зрения современного человека, представляет настоящий бред или собрания сказок и легенд о колдовстве и ведьмах, сопровождающихся ссылками на тексты Священного писания и труды святых отцов. Авторы также щедро делятся примерами из своего кровавого опыта. Книга построена в форме вопросов и ответов и состоит из трех частей.

В первой части излагается учение о дьяволе, о его власти над человечеством, о связи ведьм с дьяволом, о шабаше и о разных преступлениях ведьм. Вторая часть содержит указания, как бороться с дьяволом в лице ведьм, как их обнаруживать и преследовать, и рассказывает про разные хитрости и козни дьявола и всякого рода ужасы дьявольских наваждений. Третья часть представляет собой руководство для судей с подробными указаниями, как вести допросы, какие признаки виновности, как добиться признания и т. д.

Авторы "Молота ведьм" верили в самые чудовищные преступления ведьм и утверждали, что одно подозрение в колдовстве уже достаточно для осуждения. Одним росчерком пера они отправляли на костер сотни и тысячи ни в чем не повинных людей.

---

<sup>6</sup> Ересь - церковное учение, противоречащее догматам, сформулированным Церковью.

Пытки для получения признания считались совершенно допустимыми и даже желательными. Пытать предписывалось до тех пор, пока ведьма не сознается и если, не смотря на все пытки, она все-таки будет продолжать отрицать свою вину – следовало бросить ее в самую грязную тюрьму и держать там до тех пор, пока она добровольно, или под влиянием новых пыток, не сознается. Совершенно очевидно, что несчастная женщина рано или поздно сознается в том, чего не совершала, да еще и оговорит великое множество людей - только бы прекратить бесконечные мучения. Ужасный замысел инквизиторов и заключался в том, что жертвы понимали всю безвыходность своего положения: шансов на спасение или хотя бы надежды на прекращение у них мучений не было. В XXI веке понять это абсолютно невозможно, но люди действительно верили в полете на метле, превращение ведьмаков в оборотней, изготовление варева из младенцев, принятие колдовскими способами облика другого человека.

В «Молоте ведьм» приводятся совершенно серьезно (да и как иначе они могут приводиться!) самые невероятные рассказы. Так, например, утверждается, что падучая болезнь, или эпилепсия, передается людям с помощью яиц, которые кладутся с телами умерших в могилы, и главным образом, с телами таких, которые тоже занимались колдовством. «Такие яйца, вынутые спустя некоторое время из гроба, давались с исполнением известного ритуала в питье или в еде. После этого вкусивший становился эпилептиком».

В другом месте авторы трактата о ведьмах повествуют о рабочем из Базельской епархии, который сделал одной сварливой женщине резкое замечание. В ответ женщина стала ему угрожать и сказала, что вскоре отомстит. Он не придавал ее угрозам никакого значения, но очень скоро заметил, что у него на шее образовался прыщ. Когда он начал его тереть и дотронулся до лица, то почувствовал, что его лицо и шея распухли. Присмотревшись, он увидел, что ужасающая проказа покрыла все тело. Недолго думая, он призвал друзей и представителей городского совета и рассказал им историю ссоры с указанной женщиной и припомнил ее угрозы. Вскоре предполагаемую ведьму взяли под стражу. Подвергнутая пыткам, она созналась в преступлении. Когда судья стал расспрашивать о причинах, побудивших ее на колдовство, она ответила: «Когда этот мужчина сделал мне резкое замечание, я вернулась домой в большом гневе, и злой дух стал допытываться о причине моей печали. Я рассказала подробности и настаивала на том, чтобы эта резкость была отомщена. Демон спросил: «Как же я должен ему отомстить?» Я ответила: «Хочу, чтобы у него распухло лицо». Тогда демон удалился и навел на человека болезнь, которая оказалась значительно серьезнее, чем та, о которой я просила. Я никогда не думала, что он поразит его такой проказой». Ведьма эта была сожжена.

Сжечь человека за то, что у другого человека на шее вскочил прыщ! А если вспомнить русское пожелание, которое каждый из нас не раз слышал и сам произносил: «Типун тебе на язык!», то, в соответствии с инквизиторским трактатом, любого хорошо владеющего русским языком гражданина вполне можно объявить ведьмаком или ведьмой.

Жестокость и тупоумие инквизиторов - или их фанатизм? - поразят любого нашего современника. Хотя один описанный в «Молоте ведьм» случай показался мне не так уж и невероятным. Инквизиторы описывают, как одна замужняя и всеми уважаемая женщина явилась к ним и дала следующее показание: «Позади моего дома, — сказала она, — у меня имеется сад, прилегающий к саду моей соседки. Однажды я заметила, что кто-то истоптал мои грядки с овощами. Следы шли из сада соседки. Стоя перед калиткой к овощным грядкам, я, досадуя про себя на убытки и на то, что кто-то проходит из соседнего сада, заметила приближение соседки, которая спросила, не подозреваю ли я ее в совершении этих проступков. Зная, что о ней идет дурная молва, я ничего другого не сказала, как следующее: «Следы в траве указывают, откуда убытки». В раздражении она удалилась. Она, видимо, думала, что я вступлю с ней в пререкания. Уходя, она произносила какие-то слова. Я их слышала, но разобрать не смогла. По прошествии нескольких дней я заболела, у меня были рези в желудке и сильно кололо с левой стороны. Боли были таковы, что мне казалось, будто два меча или два ножа воткнуты в мою грудь. Так я прострадала целые сутки, мешая соседям своим криком. Среди людей, пришедших проведать меня и утешить, явился и некий горшечник, который был любовником моей соседки. Сказав несколько сочувствующих слов, он удалился. На следующий день он пришел снова и сказал: «Я хочу сделать опыт, чтобы узнать, не происходит ли ваше заболевание от колдовства.

Если это так, то я верну вам здоровье». Он взял свинец, растопил и вылил его в сосуд с водой, поставленный мне на живот. Заметив в воде различные изображения и фигуры, получившиеся из застывшего свинца, он сказал: «На вас наслали порчу. А под порогом входных дверей находятся некие предметы, при помощи которых на вас были наложены чары. Мы их найдем и устраним, после чего вы почувствуете себя лучше». Он пошел с моим мужем, поднял порог и предложил моему мужу просунуть руку в образовавшееся углубление и вытащить то, что он там найдет. Муж так и сделал: вытащил восковую фигурку длиной с тарелку. Она была со всех сторон просверлена насквозь, а с боков в нее были воткнуты две иглы, идущие слева направо и справа налево. Там же находились узелки с зернами, семенами и костями. Когда все это было брошено в огонь, я выздоровела, но не совсем. Хотя боли и колотье прекратились, появился и аппетит, я все же по сей день не совсем оправилась. Задавая горшечнику вопросы, как все это могло причинить мне болезнь, я хотела, чтобы он совсем меня излечил. Он мне сказал: «Где-нибудь в ином месте спрятаны другие предметы колдовства. Но я не могу их отыскать». На мой вопрос, каким образом он нашел спрятанные ведьминские зелья, он ответил: «Я узнал это благодаря любви, с помощью которой один человек от другого узнает тайны». Этим он указал на свою любовницу. В ней я узнала свою соседку». Таково было показание пострадавшей. Ведьму, само собой, сожгли.

Вы знаете, почему эта история показалась мне не такой уж невероятной? Да потому что в детстве, когда я с бабушкой ходила на даче в соседнюю деревню за молоком, то с замиранием сердца слушала рассказы нашей молочницы о такой же вот местной ведьме. И хотя мое детство было не вчера - но ведь и не сто и даже не сорок лет назад! Предубеждения, связанные прежде всего с людским невежеством, удивительно живучи в веках. И хорошо бы помнить о том, что вера в ведьм и колдовство не так уж безобидна!

Но вернемся к «Молоту ведьм».

Пособие для инквизиторов за короткое время выдержало три издания и приобрело такой авторитет, что ему был присвоен статус закона. Папа Иоанн XXIII рекомендовал эту книгу к руководству всем епископам и высшим представителям светской власти.

Ведьма имела вполне реальный образ. Как правило, она представлялась в виде уродливой старухи, сидящей на черном козле или на метле задом наперед, с прялкой в правой руке, летающей по воздуху и насылающей на поля и леса град и буря.

Народные представления и практика процессов распространяли преступления колдовства преимущественно на женщин. "На одного мужчину – десять женщин" – утверждают в виде тезиса все средневековые теологи и юристы. Это объясняется тем, что с волшебством соединяется таинственное, скрытное, более отвечающее характеру женщины, чем мужчины. Поэтому женщина искони считалась способнее мужчины на всякое колдовство. Уже древние считали волшебство исключительным достоянием женщин; кроме того иудейско-христианская теология постоянно представляла женщину существом низшим, отверженным. Самый грех, по библейскому учению, сошел на землю через посредство женщины.

«Молот ведьм» утверждает, что дьяволу предаются преимущественно женщины, ибо женщины легчевернее, глупее и легкомысленнее мужчин и еще потому, что невоздержанны на язык и любят рассказать о колдовских тайнах подругам, а еще потому, что любят мстить тайно при помощи секретных средств. Говоря проще, легкомысленные, болтливые, завистливые и мстительные женщины - находка для дьявола.

Средневековые священники-мужчины отказывали несчастным ведьмам даже в элементарном мужестве, ибо то, что некоторые из них переносят пытки, объясняется вовсе не их силой воли или невиновностью, а исключительной их «животной похотливостью, которая толкает к крайностям и заставляет женщин отдаваться дьяволу, чтобы испытать наслаждения чувственности».

Женщина была объявлена теологами «сосудом зла и греха», ибо она, подобно прародительнице Еве, легко вступает в контакты с дьяволом.

В процессах о колдовстве фигурируют почти исключительно женщины и только в редких случаях - мужчины.

Тем не менее есть и один очень известный процесс над колдуном и слугой сатаны - Жилем де Рецем.

## **Синяя Борода**

Помните сказку Шарля Перро о богатом дворянине, который убивал своих жен?

Однажды девушка вышла замуж за герцога Синяя Борода, и вскоре после свадьбы муж объявил ей о своем отъезде и вручил ключи от замка. Ей разрешалось бывать повсюду, кроме комнатки в нижних покоях. Налюбовавшись на богатства замка, молодая женщина не удержалась от любопытства и нарушила запрет мужа. В потайной комнатке она обнаружила трупы тех женщин, на которых был женат Синяя Борода и которых он зарезал одну за другой. Выронив от страха ключ, она затем подняла его и тут-то заметила, что на нем появилось несмываемое кровавое пятно. Вернулся домой Синяя Борода и по этому пятну догадался, что жена открывала дверь запретной комнаты. Он заявил ей, что она должна умереть, но жена попросила свою сестру Анну подняться на башню и посмотреть, не едут ли их братья. Когда Синяя Борода уже было собрался отсечь бедной женщине голову, в замок ворвались подоспевшие братья и пронзили злодея шпагами. А сестра их стала наследницей всех богатств Синей Бороды и со временем вышла замуж за достойного человека.

К чему тут пересказана сказка и какое отношение Синяя Борода имеет к инквизиции и судам над колдунами и ведьмами? Самое прямое, ибо сказочный злодей - историческое лицо, бретонский дворянин Жиль де Лаваль, маршал де Рец, который прославился своими жестокостями, убийствами женщин и младенцев и сатанинскими занятиями, за что и был казнен в 1440 году.

Жиль де Лаваль происходил из старинной французской аристократической семьи и получил блестящее по своему времени образование, которое развило в нем страсть к чтению и дальнейшему познанию тайн природы. Он собрал богатейшую библиотеку и тратил безумные суммы денег на приобретение новых книг и изготовление роскошных переплетов для них.

Оставшись в 11 лет сиротой, он попал под опеку своего дяди, человека старого и болезненного, который не смог сдержать кипучие страсти и необузданный нрав своего воспитанника. Жиль скоро отбил от рук и вел в высшей степени беспорядочный и порочный образ жизни. Именно эта преступная и разгульная жизнь, по словам самого Жилия на допросах инквизиции, и ждовела его впоследствии до преступления и казни.

Некоторое время де Лаваль блистал при дворе короля Карла VII, но в 1433 году удалился в свои владения, где был полновластным хозяином. Он по-прежнему ни в чем стеснял себя и тратил много денег. В это время у него проявились противоестественные наклонности: он крал мальчиков, творил над ними разные скверности, а затем убивал их. Народная молва приписывала маршалу де Рецу до восьмисот таких жертв, однако в протоколах суда инквизиции проставлена другая цифра - 140 детей. Но это было уголовное преступление. Не имеющее ничего общего с колдовством. По колдовской же части обвинения инквизиции ему ставилось в вину занятие алхимией и связь с дьяволом.

Все дело в том, что в своем замке Жиль устроил алхимическую лабораторию, в которой работал итальянский маг Франческо Прелати. У этого кудесника был, по его словам, демон-помощник по имени по имени Баррон. Многие историки отмечали, что при чтении протоколов допросов де Реца и Прелати они не знали, чему больше удивляться - наивности французского маршала или наглости итальянского шарлатана. Итальянец вытворял самые немыслимые вещи. Так, он однажды объявил Жиллю, что демон Баррон решил помочь им и приволок в его комнату целую грудку слитков золота. Естественно, Жиль пожелал увидеть слитки. Умный мошенник повел его в свою комнату, но, отворив дверь, мгновенно отшатнулся и с ужасом сообщил маршалу, что в комнату на грудку золота сидит громадный зеленый змей! Жиль тем не менее настаивал на «знакомстве» со змеем и предложил взять распятие, чтобы христианская святыня спасла их от чудовища. Однако Прелати отговорил хозяина от столь необдуманного шага. Между тем демон, узнав одним ведомым ему путем о кознях маршала, разгневался и превратил золото в мишуру. Но Жиль поверил в эту сказку. Он написал кровью договор, в котором уступал Баррону свою душу в обмен на знание, богатство и могущество.

Жиль де Рец, вероятно, мог бы еще долго предаваться своим пагубным страстям, однако его сгубила людская зависть. Все дело в том, что для занятий алхимией и ведение разгульной жизни были нужны деньги, и маршал принялся продавать свои

владения. И продавал он угоды своим ближайшим соседям - герцогу Бретани Иоанну и его канцлеру епископу Нантскому Малеструа. В договоре купли-продажи было условие: за маршалом оставалось право на обратный выкуп владений, то есть речь шла фактически не о продаже, а о залоге. Историки доказали, что герцог и епископ из-за алчности и желания сохранить за собой владения де Лавалья отдали последнего на растерзание суду инквизиции.

Безусловно, жалеть де Реца, убийцу стольких детей нет ни малейшего основания, однако нельзя не удивляться и подлости верховных правителей Бретани.

Жиль де Рец был обвинен в сатанинских занятиях колдовством и убийстве детей для своих дьявольских экспериментов. После долгих пыток он признался в содеянном и был приговорен к повешению и сожжению трупа.

В 1980-х годах в его владениях были проведены раскопки, в ходе которых были найдены доказательства, полностью опровергающие убийства маршалом детей. Так что, вполне вероятно, Жиль де Лаваль погиб из-за чужой жадности и подлости, а также из-за глупой веры невежественных людей в колдовство и ведьм.

### ***Процессы над ведьмами***

Вера в ведьм возникла вовсе не в Средние века. С древних времен существовали люди, которых соплеменники считали магами и колдунами, способными творить чудеса. Они могли помогать или вредить людям, способствовать урожаю или насыпать град и ливни.

В раннем Средневековье ведовство рассматривалось как «злодеяние», подсудное светским судам. Народные же суеверия и уверенность в способностях ведьм летать, варить колдовские зелья и превращаться в кошек объявлялись церковью нелепицей и следствием народного же «безумия». Ведьмы объявлялись «грешницами не по злему умыслу», а священники должны были внушать прихожанам, что все рассказы о ведовстве - всего лишь ложь.

Отношение к ведьмам резко меняется в XII - XIII веках. Как раз в это время в Европе получает распространение ересь катаров, которые считали, что зло на земле происходит от дьявола. С ним-то ведьмы и вступают в добровольный союз. Следовательно, речь тут идет не о грехе «не по злему умыслу», а о добровольном предательстве Бога.

Первая булла против ведьм была опубликована папой Иоанном XXII в 1326 году.

В XVI веке вера в колдовство овладела воображением Запада и, как зараза, распространилась по всей Европе с силою настоящей эпидемии. К началу XVII века началась «охота на ведьм». Во многих странах Европы, где католицизм был силен, не было женщины, над которой не висело бы подозрение в колдовстве.

Но и протестантские страны не были свободны от этого ужасного заблуждения. Сам Мартин Лютер был одним из глубоко верующих в силу дьявола. Он говорил о своих разговорах с дьяволом, который по ночам бил у него оконные стекла и ворочал под его кроватью мешки с орехами. Дьявол являлся к нему, когда он писал свои сочинения, и он должен был вступать с ним в пререкания. Однажды, разозлившись на болтливого дьявола, Лютер запустил в него чернильницей с такой силой, что залил стену чернилами. Лютер разделял учение об инкубах и суккубах, демонах, которые соблазняют людей, потому что, по его мнению, дьявол охотнее всего совращает человека в образе юноши или молодой женщины.

С начала XVI века борьба с сатаной в лице ведьм становится делом первой важности, и преследование женщин, обвиняемых в колдовстве, входит в задачи религии и государства и принимает невероятные размеры. Во всех европейских странах начинаются судебные процессы над ведьмами.

Время «охоты на ведьм» совпало с эпохой Возрождения, идеалами которой была красота и гармония в природе и человек. Именно в эту эпоху человечество стало бороться с влиянием церкви, с самим ее духом, которым были пронизаны почти все стороны общественной и частной жизни.

Преследование ведьм со стороны церкви было одним из проявлений кризиса старой жизни. Менялся сам строй, основы привычного существования человека, что не

могло не породить страх и неуверенность в людях. Немедленно возникло желание защититься - и «козлами отпущения» стали ведьмы и их главный козлообразный предводитель - сатана.

Анализируя «Молот ведьм» историки говорили, что это ответ на рост индивидуализма, трактовка его проявления во всех областях (культура, политика, личное поведение) как результата дьявольских козней.

Боязнь дьявола породила всеобщий страх и подозрительность, склонность к истерии и доносительству.

Процессы над ведьмами длились в Европе на протяжении почти четырех столетий. Число их жертв доходит до девяти миллионов. Невероятная цифра. Но также невероятны и абсурдны были и сами процессы, во время которых присуждались к сожжению женщины на основании самых смехотворных обвинений, но об этом мы уже говорили.

Обвинения в колдовстве часто принимали эпидемический характер. В той или другой стране Европы огромные толпы женщин одна за другой воображали себя в связи с сатаной и чинили пред судьями признания, в которых охотно расписывали во всех подробностях свое времяпрепровождение на шабаше и все обстоятельства, при которых вступили во власть дьявола. Так, спустя 5 лет после сожжения Жанны д'Арк в городе Арра многим женщины вообразили себе, что они участвуют в шабаше и рассказывали о себе утром удивительные подробности проведенной накануне ночи с сатаной. Они все были сожжены живыми.

В 1504 - 1523 годах распространилась ужасная эпидемия демономании в Ломбардии, и искоренение ее было предоставлено монахам-доминиканцам, которые сжигали каждый год по 1000 ведьм. Во многих монастырях монахини оказались одержимыми бесами и целые монастыри опустели, так как все монахини были сожжены.

XVI и XVII века были, как мы уже говорили, временем расцвета преследования ведьм. В Германии процессы о ведьмах начались позже, чем в других странах, но зато Германии принадлежит первое место по размерам, которые приняло преследование ведьм.

В Англии и Шотландии преследования достигали чудовищных размеров, в особенности в царствование короля Якова I. Этот король был ревностным защитником преследования ведьм и написал сочинение, посвященное демонологии, в котором между прочим, полемизируя с противником преследований, Реджинальдом Скотт, говорит: "Некто Скотт имел бесстыдство публично опровергать в печатном сочинении существование колдовства, подтверждая таким образом старинное заблуждение саддукеев, утверждающих будто духов не бывает". Король Яков принимал борьбу с дьяволом, как личное дело. Он вообразил себе, что дьявол преследует его и строит ему козни за его усердие на пользу церкви и поэтому считает его самым злейшим своим врагом. в целом свете. Король часто присутствовал при допросах ведьм и принимал самое ревностное участие в процессах.

Вскоре после восшествия короля на английский престол был издан в 1603 году закон, признающий колдовство наказуемым, независимо от причинения вреда, и не требующий никаких доказательств для наличности преступления.

В 1662 году в Шотландии было сожжено 150 женщин. Один путешественник рассказывает, что ему пришлось в 1664 году видеть костер, на котором горели вместе 9 женщин. Граф Мор рассказывает, как однажды несколько женщин, уже полусожженных, вырвались с пронзительным воплем из медленного огня, пытались бежать, но не смогли - и с с богохульными криками и страшными криками о своей невинности упали в пламя в предсмертных судорогах.

Из Европы зараза перешла в Америку, где она нашла благоприятную почву в среде крайне суеверного пуританского духовенства и пуритански-набожного населения.

\* \* \*

Колдовство в это время стали рассматривать не только как преступление, которое рассматривает гражданский суд, но и как преступление против Бога. А потому в процессе должны были участвовать представители как светских, так и церковных властей.

Первоначально процессы по делам о колдовстве велись исключительно духовными судами, но затем по мере ослабления духовной власти, в особенности в

протестантских странах, эти процессы всецело перешли в ведение светских судов. Часто для этих процессов назначался особый трибунал с специальным составом судей, так называемых "комиссаров ведьм". Во всех странах Европы были также специальные комитеты ведьм, которые обязаны были повсюду выслеживать ведьм и доносить на них. Так как членам этих комитетов полагалась значительная доля из конфискованного имущества осужденных, то они не удивительного в том, что они старались повсюду находить ведьм - желательно, богатых.

В те времена преступления делились на обыкновенные и исключительные. К последним относились такие преступления, как оскорбление величества, измена и ересь. Эти преступления были, по мнению законов Средних веков, столь велики, что суд по таким делам имел особые полномочия и мог, в случае необходимости, переходить границы установленного законом порядка.

Колдовство же считалось преступлением особенным, ибо совершалось тайно, во тьме, под предводительством темных сил. Сам дьявол помогал ведьме на суде, подстрекал ее отрицать свою вину и лгать на суде, закалял ее против мучений пытки, затемнял память свидетелей, утомлял плачем и еще многими-многими способами вредил судьям и мешал суду. Дьявол, по мнению инквизиторов, часто присутствует во время допроса ведьмы и видим ведьмою. Большею частью он сидит под столом, высовывает язык, строит гримасы и угрожает ведьме, если она вдруг захочет признать свою вину.

Само собой, такой процесс требовал от судей особой стойкости и мужества - ведь бороться приходилось с самим дьяволом, и, чтобы его перехитрить и одолеть, нужно было иметь особые средства и принимать исключительные меры. Для процессов о ведьмах были выработаны специальные и строгие судопроизводственные формы.

Для возбуждения обвинения в колдовстве достаточно было одного лишь подозрения, основанного на народной молве, на слухах и догадках по внешнему виду ведьмы, по случайным ее поступкам. Объективных доказательств не требовалось. Достаточно было одного предположения о виновности. Легко можно себе представить, как часто дела о ведовстве возбуждались на основании злобных наветов, из соображений корысти, мести или зависти.

Свидетелями могли быть опороченные, подвергавшиеся наказанию, даже малолетние дети. Часто показанием служил бред больных горячкой, с которых снимался допрос. Противоречия в показаниях свидетелей не опорочивали эти показания, если они все свидетельствовали о виновности подсудимого. Имена свидетелей сохранялись в тайне.

Обвиняемому не давалось никаких средств защиты и отнималось право апелляции.

Он не имел права возражения против обвинителей. Отвод можно было дать лишь в случае "смертельной вражды". Но как обвинить свидетеля в недоброжелательности, если даже не знаешь его имени?!

Взятие защитника по свободному выбору подсудимого не допускалось. Суду разрешалось назначить защитника верного и надежного, т. е. твердого в вере. При этом следует учесть, что назначенный судом защитник в атмосфере всеобщего доноительства и вселенской подозрительности, должен был быть очень осторожным, чтобы излишне пылкими речами не навлечь на себя подозрений в отрицании колдовства и в покровительстве ведьмам, и самому не подвергнуться участи подсудимого. Кроме того, защитнику не сообщали никаких данных из допросов свидетелей.

Как мы уже помним, когда с XV века суды над ведьмами стали «чинить» инквизиторы, они начали широко применять пытки, которые считались самым действенным средством для получения признания.

Инквизитору запрещалось обнаружить милость и снисхождение. Никакое раскаяние не могло изменить приговор, даже если суд был уверен в искренности обвиняемого. Суд тогда объяснял обвиняемому, что судебному ему не верят. Осужденные наказываются смертью на костре. Кроме того невинная семья осужденного лишалась всего имущества, которое конфисковалось и поступало в пользу доносчиков, членов суда и инквизиторов.

В одной булле Иннокентия VIII говорится, что сыновьям еретика должна быть оставлена только одна жизнь и то как милость.

Инквизиторы издевались над обвиняемыми изо всех сил. Инквизиторам предписывалось давать ложные обещания и прибегать к хитростям, например, обещать обвиняемому, что если он сознается, то его не приговорят к смерти. Когда же дело доходило до приговора, то судья, давший это обещание, мог предоставить другому судье подписание смертного приговора.

Ратовавшим за чистоту веры инквизиторам позволялось нарушать тайну исповеди - поступок, совершенно недопустимый для мало-мальски верующего человека. Исповедь обвиняемого могла считаться признанием.

Суд мог подослать к обвиняемому в тюрьму ловких людей, которые бы вкрадчивыми речами или другими искусными приемами вошли бы к нему в откровенность и вырывали у него какое-либо неосторожное признание.

Словом, инквизиторы действовали по принципу «цель оправдывает средства» и не останавливались не перед совершением подлого, ни перед подлостью или предательством.

Существование ведьм предполагалось повсюду – в каждом доме, в каждой семье. Требовалось только их распознать, выследить, уличить и арестовать.

Странствующий инквизитор или "комиссар ведьм" переходил с одного места в другое и везде старался собирать сведения о ведьмах – на основании допросов, доносов и слухов.

Кроме того он вывешивал объявления на дверях церкви или ратуши, в котором каждый обязывался, под страхом отлучения от церкви или уголовного наказания, в течение 12 дней доносить на всех, кто чем либо вызывал подозрение в причастности к колдовству. Как мы уже говорили, доказательства в действительном ведовстве не требовались - было бы желание навредить ближнему, оговорить невинного, захватить имущество богатого. Доносчику обещалось благословение неба и денежное вознаграждение и гарантировалось, что имя его будет держаться в секрете.

В некоторых селениях дело в церквях даже имелись особые ящики с отверстиями посередине, куда можно было бросать анонимные доносы.

Чаще всего обвинение основывалось на факте вреда, будто бы причиненного подсудимой свидетелю лично или его имуществу. Причинную связь находили в таких случаях удивительно легко. Если у крестьянина заболело дитя или скот, если урожай пострадал от града, и ведьма под пыткой сознавалась, что она с помощью дьявола нанесла порчу дитяти, скоту или производила град, то все было ясно. Причинная связь между фактом порчи и сознанием ведьмы не подлежала никакому сомнению, и участь ведьмы была решена. Раз существовало подозрение, все считалось знаком виновности.

Даже самые нелепые обвинения признавались истинными. Если вы трудно встаете по утрам - то дело вовсе не в ваших «биологических часах», а в пристрастии к колдовству. Наверняка ночью вы успели слетать на шабаш и повеселиться там с сатаной и другими ведьмами и оборотнями. Чуть, скажете вы? Глупости? Может, оно и так, да только в Средние века вялость по утрам могла стать причиной для отправления человека на костер. Даже родимое пятно необычной формы на теле расценивалось как знак дьявола, с которым подозреваемое лицо было в сношениях.

Если подсудимая была испугана при ее задержании, то это служило явным признаком ее вины. Если же, напротив, она сохраняла присутствие духа, то вина ее была еще более налицо, потому что никто, кроме дьявола, не мог дать ведьме присутствие духа.

Но самой опасной уликой, объясняющей, каким образом один процесс вел за собою обыкновенно сотни других процессов, было показание пытаемых о соучастниках. Судье недостаточно было получить признание подсудимой, ему было еще необходимо выяснить, кого ведьма видела на шабаше и кто ее научил предаться дьяволу. Доведенная до отчаяния пыткой и невыносимыми страданиями в тюрьме, полной безысходностью и всяким отсутствием надежду на избавление, подсудимая называет первые попавшиеся имена или имена, подсказываемые ей судьей. Часто также злоба и гнев руководят обвиняемой, и она под муками пыток в отчаянии вымещает свою злобу, называя имена своих воображаемых врагов или тех, по чьей вине она считает себя, невинную, преданной суду.

Получатся «ведьмовской» заколдованный круг. Одни из страха или зависти предадут своих соседей, которые, под пытками, в свою очередь, оговаривают других соседей или своих обидчиков.

Обыкновенно по правилам судопроизводства обвиняемый считается оправданным, если он выдерживал пытку в продолжение целого часа, не сознавшись в приписываемом ему преступлении. Но когда дело касалось колдовства, то подобных ограничений не было. Закон обходили тем, что возобновление мучений называлось не "повторением", но "продолжением" пытки. Правда, для повторения пытки требовались новые доказательства ее вины; но мы можем представить, как легко подобные доказательства находились при этих процессах! То, наконец, что пытаемая могла выдержать пытку, считалось новым знаком ее виновности, доказательством того, что ей помогал дьявол.

Обыкновенно не довольствовались двумя, тремя степенями пытки; пытали вплоть до получения сознания. В 1591 году в немецком городе Нордлингене одну девушку пытали двадцать два раза. Только при двадцать третьем разе она созналась. В Баден-Бадене одну женщину пытали 12 раз и оставили ее сидеть после последней пытки в продолжение 52 часов на так называемом «стуле ведьм» (особом пыточном кресле)..

Как это ни удивительно, но были и такие, кто геройски выдерживали все пытки и судьям не удавалось вырвать от них признания. Это объясняется как невероятной силой воли, так и общим состоянием организма, который «отказывался» чувствовать боль.

Значительное число пытаемых умирало под пыткой или непосредственно после пытки. Это являлось только подтверждением подозрения: было ясно, что дьявол их умертвил, чтобы помешать им сознаться, – и их закапывают под виселицей.

В тех редких случаях, когда заключенные, выдержавшие всевозможные мучения, не сознавшись, были выпускаемы на свободу, они должны были присягать, что они не будут мстить членам и слугам суда за вытерпленные муки.

Конечную целью всех допросов, угроз и пыток было признание. Суду нужно было во что бы то ни стало добиться от подсудимых сознания во всех возведенных на них обвинениях. К этому сводилось все судебное следствие и в этом заключалась главная задача суда.

Содержанием этих признаний служили ответы на вопросы инквизиторов.

"Молот ведьм" рекомендует, чтобы в первую очередь спросили у подозреваемой, верит ли она в то, что существуют ведьмы? Если она, отвечает отрицательно, то это уже высшая ересь и она должна быть осуждена. После этого общего вопроса приступали к другим вопросам, касающимся отдельных пунктов обвинения.

Вот содержание первых шести вопросов:

- 1) Почему заключенная отрицает, что она ведьма?
- 2) Как давно она находится под проклятой властью колдовства?
- 3) Что ее к этому побудило?
- 4) Под каким образом явился к ней впервые дьявол и в какое время – утром, днем, вечером или ночью?
- 5) Что он с нею говорил, делал и о чем уговорился?
- 6) Чего он от нее затем требовал и почему она согласилась?

Потом следует длинный ряд вопросов об осквернении церкви, о полетах на шабаш, о вырывании детей из могил, о плотской связи с дьяволом, и т.д.

Эти вопросы в виде общей схемы должны были касаться всех видов колдовства, которые знали за ведьмами и составляли вопросный лист генеральной инквизиции, который потом с ответами подсудимой на каждый вопрос («да» или «нет») приобщался к протоколу судебного заседания и давал материал для обвинительного акта и основанного на нем мотивированного приговора. Так как при первом допросе обвиняемые отвечали большею частью на предлагаемые вопросы отрицательно, а лишь потом под пыткой признавали свою вину, то ответы в вопросном листе менялись и отрицательные ответы постепенно заменялись положительными – до тех пор, пока весь лист не заполнялся соответственно желанию судей.

Часто пытаемые признавались в таких фактах, которые тут же на суде с очевидностью оказывались ложными, нелепыми, плодом фантазии. Так, одна женщина из города Фульд призналась, что убила колдовством своих детей и также одного чужого ребенка. Между тем, оказалось, что все трое живы. Но суд такими нелепицами не смущался

и принимал самые невероятные факты как истину, объясняя, что признание очевиднее, чем сама очевидность.

Часто случалось, что признавшаяся при вторичном допросе отрицала свою вину и отказывалась от вырванного пытками признания. Тогда следовали новые мучения и новое признание. Признание было единственным исходом для этих несчастных. Оно, по крайней мере, сокращало страдания и приближало к тому, что было неизбежно, – к костру.

Недели, месяцы, а часто и годы заключения в отвратительнейших тюрьмах, страшные муки, жестокое и унижительное обращение с несчастными и полностью деморализованными жертвами обращение судей и палачей часто доводило заключенных до умопомрачения - иногда временного, а иногда и настоящего. От боли и потрясения заключенные были готовы признать все, что угодно, а потом и сами начинали верить в совершенные преступления. Они рассказывали о себе удивительные вещи с такими подробностями, точно все это происходило в действительности. Они действительно думали, что они виновны в возводимых на них обвинениях, и искренно обвиняли себя и других, умоляли спасти их души, признавали себя недостойными жить, просили скорее сжечь их на костре, чтобы освободиться от власти дьявола и возвратиться к Богу. Многие из них в этом состоянии решались на самоубийство.

Суд легко добивался от заключенных нужных ответов, заставляя повторять их вновь и вновь - в результате обвиняемые могли рассказывать только то, что служило утвердительным ответом на поставленные им вопросы. У них вырабатывался своего рода рефлекс - только так затуманенный болью разум мог прекратить мучения тела.

Процессы над ведьмами позволяют оценить по достоинству суеверие и невежество инквизиторов. И нет ничего удивительного в том, что инквизиторы обвиняли в чародействе людей, намного превышавших их ученостью и глубокими знаниями.

### ***Пытки инквизиции. Тюрьмы и костры***

Очень часто нам кажется, что мы можем преодолеть боль, но как выстоять против невероятных мучений и воистину адской боли, которым подвергали свои жертвы инквизиторы? Пытки были самые разнообразные и рассчитанные на различные степени физической боли – от тупой ноющей до острой и нестерпимой. Приходится поражаться и удивляться изобретательности святых отцов, с которой были придуманы эти страшные орудия пытки и с которой они умели разнообразить причиняемые ими муки.

Пытки начинались с самых простых и затем постепенно усложнялись. Часто различные пытки «комбинировались», образуя целую систему пыток – категории, разряды, степени. Это была настоящая адская гамма мучительных терзаний. Ведьма переходила от одной степени мучений к другой, от одного разряда пыток к другому, пока не исторгалось у нее признание.

Совершенно здоровые и очень мужественные люди уверяли его после пытки, что невозможно вообразить более сильной, более нестерпимой боли, чем та, которую они испытали, что они тотчас же признались бы в самых страшных преступлениях, о которых они не имеют отдаленнейшего понятия, если бы им снова угрожали пыткой, и что они согласились бы охотнее десять раз умереть, если бы это было возможно, чем дать себя еще раз пытать.

Перед непосредственными пытками в застенках инквизиции подозреваемую подвергали некоторым испытаниям, чтобы убедиться в ее виновности.

Одним из таких испытаний было "испытание водой". Женщину раздевали, что само по себе уже невероятно унижительно и может лишить остатков мужества, связывали «крестообразно», так что правая рука привязывалась к большому пальцу левой ноги, а левая рука - к пальцу правой ноги. Естественно, что любой человек в таком положении шевелиться не может. Палач опускал связанную жертву на веревке три раза в пруд или реку. Если предполагаемая ведьма тонула, ее вытаскивали, и подозрение считалось недоказанным; Если же жертве удавалось тем или иным способом сохранить в себе жизнь и не утонуть, то ее виновность считалась несомненной и ее подвергали допросу и пытке, чтобы заставить ее признаться, в чем же именно заключалась вина. Это испытание водою мотивировалось или тем, что дьявол придает телу ведьм особенную легкость, не дающую

им тонуть, или тем, что вода не принимает в свое лоно людей, которые заключением союза с дьяволом стряхнули от себя святую воду крещения.

Испытание водою объяснялось также легкостью тела ведьмы. Вес ведьмы представлял весьма важное указание виновности. Существовало даже убеждение, что ведьмы имеют очень легкий вес. Что тут можно сказать? Только то, что все нынешние хрупкие девушки - не говоря уже о манекенщицах, наверняка ведьмы!

Пробой виновности служило также то, что заподозренную заставляли произносить "Отче Наш", и если она в каком либо месте запинаясь и не могла дальше продолжать, она признавалась ведьмой.

Самым обыкновенным испытанием, которому подвергали всех заподозренных прежде, чем их пытаться, а иногда и в тех случаях, когда они выдерживали пытку, не сознавшись – было так называемое "испытание иглой", для отыскивания на теле "чертовой печати".

Существовало убеждение, что дьявол при заключении договора налагает печать на какое либо место на теле ведьмы и что это место делается вследствие этого нечувствительным, так что ведьма не чувствует никакой боли от укола в этом месте и укол даже не вызывает крови. Палач искал поэтому на всем теле подозреваемой такого нечувствительного места и для этого колол иглой в разных частях тела, в особенности в таких местах, которые чем-нибудь обращали на себя его внимание (родимые пятна, веснушки и пр.), и делал бесчисленные уколы, чтобы убедиться, течет ли кровь. При этом случалось, что палач, заинтересованный в уличении ведьмы, (так как обыкновенно получал вознаграждение за каждую изобличенную ведьму), колол нарочно не острием, а тупым концом иголки и объявлял, что нашел "чертову печать". Или он делал только вид, что втыкает иголку в тело, а на самом деле только касался ею тела и утверждал, что место не чувствительно и из него не течет кровь.

Как известно, организм человека имеет неизвестный нам «ресурс выживания», и в некоторых критических ситуациях может «блокировать» боль. Поэтому инквизиторы описывают не мало случаев, когда подозреваемые, действительно, были нечувствительны к боли.

Прежде чем переходить к пыткам «в закрытом помещении» от подсудимых старались добиться добровольных признаний - но не простыми вопросами и угрозами, а угрозами пыткой. Обвиняемого предупреждали, что, если он не признает свою вину, судья будет вынужден добиться правды другими средствами. Если сломленные и обезумевшие от предварительных «испытаний» и боли люди после этой угрозы давали показания, то это были "добровольные" показания. Такое запугивание пыткой называлось *territion*, что мы бы перевели на русский как «психологический террор». Пред обвиняемым являлся палач, приготовлял все свои «инструменты» к пытке, попутно объясняя несчастному узнику их назначение, а иногда и закручивая некоторые из них на теле жертвы. Если обвиняемый после такого «террора» сознавался, его признание считалось добровольным. Невероятно? Конечно, но именно так оно все и было!

Особенно унизительна процедура «приготовления к пыткам» была для женщин, которых палач раздевал догола и осматривал внимательно все ее тело, чтобы убедиться, не сделала ли несчастная себя волшебными средствами нечувствительной к действию орудий пытки или не спрятан ли у нее где-нибудь колдовской амулет или иное волшебное средство. Чтобы ничто не осталось скрытым от глаз палача, он сбрасывал или сжигал факелом или соломой волосы на всем теле, «даже и на таких местах, которые не могут быть произнесены пред целомудренными ушами, и рассматривает все тщательно», как написано в протоколах инквизиционных судов. Подсудимую, нагую и изувеченную, привязывали к скамье и переходили к самой пытке.

Одной из первых пыток применяли «жом»: большой палец ущемлялся между винтами; завинчивая их, получали такое сильное давление, что из пальца текла кровь.

Если это не приводило к признанию жертвы, то брали затем "ножной винт", или "испанский сапог". Нога клалась между двумя пилами и сжималась в этих ужасных клещах до такой степени сильно, что кость распиливается и выходит мозг. Для увеличения боли палач ударял от времени до времени молотком по винту. Вместо обыкновенного ножного винта часто употреблялись зубчатые винты, "так как, по уверению инквизиторов-палачей, боль достигает при этом сильнейшей степени; мускулы и кости ноги сдавлены до того, что из

них течет кровь и, по мнению многих, самый сильный человек не может выдержать этой пытки".

Следующую степень пытки составлял так называемый "подъем", или «дыба». Руки пытаемого связывались на спине и прикреплялись к веревке. Тело или оставалось свободно висеть в воздухе или клалось на лестнице, в одну из ступеней которой были воткнуты острые деревянные колья. На колья-копья клали спину пытаемого. С помощью веревки, переброшенной через блок, который прикрепляли к потолку, человека поднимали вверх и так вытягивали, что нередко происходил вывих «вывороченных» рук, находившихся при этом над головой. Тело несколько раз внезапно опускали вниз и затем каждый раз медленно поднимали вверх, причиняя человеку нестерпимые муки.

Судя по актам инквизиции, только немногие могли выдерживать пытку. И эти немногие большей частью сознавались непосредственно после пытки под влиянием увещания судей и угроз палача. Заключение уговаривали сознаться добровольно, ибо в таком случае они могут еще спасти себя от костра и заслужить милость, т. е. смерть от меча, в противном же случае жертва будет сожжена живою.

Если у человека и после таких ужасных пыток оставались силы отрицать свою вину, то к большому пальцу его ноги привешивали всякие тяжести. В этом состоянии узника оставляли до полного разрыва всех связей, что причиняло невыносимые страдания, и при этом время от времени палач порол обвиняемого розгами. Если и тогда пытаемый не признавался, палач приподнимал его до потолка, а потом вдруг выпускал тело, которое падало с высоты вниз, и в протоколах описываются случаи, когда после такой «операции» отрывались руки, за которые оно было привешено.

Затем переходили к "деревянной кобыле". Это была деревянная перекладина, треугольная, с остроконечным углом, на который сажали верхом жертву и на ноги подвешивали тяжести. Острый конец «кобылы» медленно врезался в тело по мере того, как оно опускалось, а грузы на ногах постепенно увеличивались после очередного отказа сделать признание.

Была также пытка "ожерелье" – кольцо с острыми гвоздями внутри, которое одевали на шею. Острия гвоздей чуть касались шеи, но при этом ноги поджаривались на жаровне с горящими угольями, и жертва, судорожно извиваясь от боли, сама натыкалась на гвозди ожерелья.

Поскольку заключенный мог быть подвергнут пытке лишь однажды. То судьи объявляли в ходе пытки частые перерывы и удалялись, чтобы подкрепить свои силы закуской и выпивкой. Заключенный оставался на дыбе или кобыле и мучился часами. Потом судьи возвращались и продолжали пытку, меняя орудия.

В некоторых местах пытаемым давали опьяняющие напитки, чтобы ослабить их силу воли и заставить дать показания. Вот уж истинное ханжество: тех, кого судили за приготовление колдовских напитков, сами инквизиторы не стеснялись опьянять теми же варевами.

Между орудиями пытки мы находим также вертящуюся кругообразную пластинку, которая вырывала мясо из спины пытаемого.

Если палач отличался особенным усердием, то он выдумывал новые способы пытки, например, лил горячее масло или водку на обнаженное тело пытаемой или капал кипящей смолой, или держал под ее руками, подошвами или другими частями тела зажженные свечи.

К этому присоединялись и другие мучения - например, вбивание гвоздей между ногтями и мясом на руках и ногах.

Очень часто висевших пытаемых секли розгами или ремнями с кусками олова или крючьями на концах.

Но пытаемым не только причиняли физические страдания «материальными способами». В Англии, например, была применена пытка бодрствованием. Обвиняемым не давали спать, их без отдыха гоняли с одного места на другое, не разрешая останавливаться до тех пор, пока ноги не покрывались опухольями и пока люди не приходили в состояние полного отчаяния.

Иногда арестованным давали исключительно соленые кушанья и при этом не давали ничего пить. Несчастные, мучимые жаждой, готовы были на всякие признания и

часто с безумным взглядом просили напиться, обещая отвечать на все вопросы, которые судьи им предлагали.

Дополнением мучений пытки составляли тюрьмы, в которых содержались жертвы инквизиции. Тюрьмы эти само по себе были одновременно и испытанием, и наказанием несчастных жертв.

В то время места заключения вообще представляли собою отвратительные вонючие дыры, где холод, сырость, мрак, грязь, голод, заразные болезни и полное отсутствие какой бы то ни было заботы о заключенных – в короткое время превращали несчастных, попадавших туда, в калек, в психических больных, в гниющие трупы.

Но тюрьмы, назначенные для ведьм, были еще ужаснее. Такие тюрьмы строились специально для ведьм, с особыми приспособлениями, рассчитанными на причинение несчастным возможно более жестоких мук. Одно содержание в этих тюрьмах было достаточно для того, чтобы в конце потрясти и измучить попадавшую туда невинную женщину и заставить ее признаться во всевозможных преступлениях, в которых ее обвиняли.

Один из современников той эпохи оставил описания внутреннего устройства этих тюрем. Он утверждал, что тюрьмы помещались в толстых, хорошо укрепленных башнях или в подвалах. В них находились несколько толстых бревен, вращающихся около вертикального столба или винта; в этих бревнах были проделаны отверстия, куда просовываются руки и ноги заключенных. Для этого бревна развинчивались или раздвигались, в отверстия между верхними бревнами клались руки, в отверстия между нижними бревнами – ноги заключенных; после чего бревна привинчивались или прибивались кольями или замыкались так тесно, что заключенные не могли шевелить ни руками, ни ногами. В некоторых тюрьмах находились деревянные или железные кресты, к концам которых крепко привязываются головы, руки и ноги заключенных, так что они должны были постоянно или лежать, или стоять, или висеть, смотря по положению креста. В некоторых тюрьмах были толстые железные полосы с железными же запястьями на концах, к которым прикреплялись руки заключенных. Так как середина этих полос цепью была прикреплена к стене, то узники не могли даже пошевелиться.

Иногда к ногам прикреплялись еще тяжелые куски железа, так что несчастные люди не могли ни вытянуть ног, ни притянуть их к себе. Иногда в стенах были сделаны углубления такого размера, что в них с трудом можно было сидеть, стоять или лежать; заключенные там запирались железными затворами.

В некоторых тюрьмах находились глубокие ямы, выложенные камнем и отворявшиеся вверх узкими отверстиями и крепкими дверями. В эти очень глубокие ямы заключенных опускали на веревках и таким же образом их вытягивали наверх.

Во многих местах заключенные страшно страдали от холода и отмораживали себе руки и ноги, и если их даже выпускали на свободу, они оставались на всю жизнь калеками.

Некоторые узники содержались постоянно в темноте, никогда не видели солнечного света и не могли различить дня от ночи. Они находились в неподвижности и лежали в собственных нечистотах. Они получали отвратительного качества еду, не могли спокойно спать, мучимые заботами, мрачными мыслями, злыми снами и всякими ужасами. Их страшно кусали и мучали вши, мыши и крысы.

К этому присоединялись еще ругань, злые шутки и угрозы тюремщиков и палачей.

И так как все это продолжалось не только месяцы, но и целые годы, то люди, вступившие в тюрьму бодрыми, сильными, терпеливыми и в трезвом уме, становились очень быстро слабыми, дряхлыми, искалеченными, малодушными и безумными.

Неудивительно, что во время содержания в тюрьме многие женщины впадали в иступленное состояние, у них начинались видения, и они представляли, что их посещает в тюрьме дьявол, говорит с ними, дает им советы, указания, имеет с ними половые сношения. Об этих посещениях они потом рассказывали на допросах, стремясь прекратить невыносимую муку заключений и пыток, и это служило новым доказательством их виновности. Часто дьявол являлся в лице тюремщиков, которые совершали над заключенными молодыми женщинами зверские насилия.

Другие женщины впадали в состояние апатии и встречали мучения пытки с удивительным равнодушием, которое судьи объясняли участием дьявола, помогающего ведьме переносить без боли все страдания.

Последствием процесса было наказание – наказание в любом случае, даже если испытания пыткой не приводили обвиняемую к признанию и не оказывалось достаточных доказательств к осуждению.

Но даже если свершалось чудо и несчастная получала свободу, радоваться ей было совершенно. Искалеченная физически и морально, всеми презируемая и вызывающая отвращение женщина выпускалась на свободу не как оправданная, а как подозреваемая. Ее чаще всего ждало новое обвинение и арест.

Часто выпущенным на свободу узникам инквизиции запрещался вход в церковь, а если разрешался, то им отводилось в церкви особое место, отделенное от других. Даже в их собственном доме бывшие заключенные должны были быть изолированы и жить в отдельной комнате. Нередко этих несчастных отталкивала собственная семья, которая боялась принять их к себе обратно – из страха навлечь на себя подозрение или из-за того, что считали их все-таки во власти дьявола, хотя суд и оправдал их.

Но оправдательные вердикты были очень редки. Большею частью пытки кончались признанием и за процессом следовала казнь. Осужденную сжигали на костре – живьем или после задушения или обезглавливания. Последний вид казни считался смягчением наказания.

Практикой было принято за правило, что живьем сжигаются лишь те из ведьм, которые упорствовали, и не обнаружили признаков раскаянья; по отношению же к раскаявшимся оказывалась милость и их сжигали после предварительного задушения или отрубления головы.

И если по отношению к осужденным ведьмам допускалось «снисходительное облегчение наказания», а именно задушение пред сожжением на костре, но по отношению к оборотням такое облегчение наказания не было допустимо, и они должны быть сожжены живыми.

Приговор суда о предании ведьмы сожжению на костре обыкновенно вывешивался на ратуше к общему сведению, с изложением подробностей выяснившегося преступления ведьмы.

Осужденную к сожжению на костре волокли к месту исполнения казни, привязанную к повозке или к хвосту лошади, лицом вниз, по всем улицам города. За нею следовали стражники и духовенство, сопровождаемое толпою народа. Пред совершением казни прочитывался приговор.

В некоторых случаях костер зажигался небольшой, с маленьким пламенем, для того, чтобы усилить мучения медленной смерти. Нередко также для усиления казни, осужденным пред казнью отрубали руки или палач во время исполнения приговора рвал накаленными щипцами куски мяса из их тела.

Сожжение было более или менее мучительное в зависимости от того, гнал ли ветер удушающий дым привязанному к столбу в лицо или, наоборот, отгонял этот дым. В последнем случае, осужденный медленно сгорал, вынося ужасные муки. Многие имели нравственную силу ждать молча последнего удара сердца, другие оглашали воздух раздирающими криками. Чтобы заглушать крики несчастных, им привязывали язык и затыкали рот. Окружающая толпа слышала только треск горящего костра и монотонное пение церковного хора – пока тело несчастной не превращалось в пепел...

### ***Выступления против преследования ведьм***

Еще в XVI веке, в самый разгар преследования ведьм, время от времени стали раздаваться протестующие голоса против безумия, охватившего всю Европу и стоившего жизни стольким тысячам жертв инквизиции. Голоса эти были слабые, робкие, побуждаемые более жалостью и состраданием к несчастным жертвам, чем уверенностью в их невинности, более возмущенные бесчеловечною жестокостью судей и палачей, чем убежденные в безумии своего века.

Удивительное, беспримерное в истории заблуждение, господствовавшее над умами в течение целых четырех столетий, подчинившее себе здравый смысл, чувство человечности, правосудие, науку, философию, – имело слишком глубокие корни и обуславливалось слишком сложными и разнообразными причинами, чтобы реакция против этого заблуждения могла обнаружиться смело и энергично.

Нужно было иметь невероятное мужество, чтобы возвысить голос против преследования колдовства в то время, когда одно сомнение в существовании дьявола и ведьм признавалось высшей степенью ереси и соединялось для выразившего чем либо такое сомнение с опасностью подпасть под обвинение в сношениях с дьяволом. Поэтому те немногие, которые сомневались в действительности колдовства и возмущались бесчеловечным преследованием ведьм, только робко и боязливо решались выступить против заблуждения своего века и в защиту несчастных жертв инквизиторского мракобесия.

Церковь, как мы знаем, отдавала судье и обвинителю имущество, конфискованное у обвиненных в колдовстве. Поэтому всюду, где церковное право оставалось в силе, число процессов по обвинению в колдовстве увеличивалось и духовенство обогащалось. Всюду, где такого рода дела подлежали ведению светских судов, они становились редки и совсем исчезали. Это можно сказать по крайней мере относительно Франции в период 1450 - 1550 годов.

Первые проблески света показываются в середине XV века и проникают во Францию. Пересмотр процесса Жанны д'Арк в парижском парламенте и ее оправдание заставляют поразмыслить о заблуждениях церковных судов. Жанна д'Арк – ведьма для Англии и для великих богословов Базельского собора, для Франции же она является святой. Ее оправдание можно считать началом эры веротерпимости. Парижский парламент оправдывает также мнимых вальденсов (еретиков) из Арраса. В 1498 году этот же парламент признает сумасшедшим приведенного к нему колдуна и отпускает его на свободу. В царствование королей Карла VIII, Людовика XII, Франциска I не было ни одного осуждения за колдовство.

Наоборот, Испания под властью благочестивой Изабеллы и кардинала Хименеса принимается за сожжение ведьм. Женева, подвластная в то время (1515 год) своему епископу, за три месяца сжигает триста человек. Император Карл V напрасно старается установить, что "дела о ведовстве, наносящем ущерб имуществу отдельных лиц, должны подлежать ведению светского суда, а не церковного". Напрасно налагает он запрет на конфискацию имущества. Епископы, для которых этого рода дела были самыми выгодными, продолжают яростно сжигать людей.

Первое по-настоящему громкое слово терпимости против фанатиков-изуверов Шпренгера и Инквизитора, их ужасного руководства «Молот ведьм» и доминиканцев-инквизиторов было сказано легистом Констанца Молитором. Он высказал здравое соображение, что нельзя серьезно считаться с показаниями ведьм, ибо устами их говорит сам отец лжи - дьявол. Он смеется над чудесами дьявола, заявляя, что все это – пустые иллюзии. Насмешники Гуттен и Эразм в своих сатирах на идиотов-доминиканцев наносят косвенный, но сильный удар инквизиции. Кардан решительно заявляет: "Ради конфискации они сами обвиняют, осуждают, изобретают в доказательство тысячи всяких историй".

Апостол терпимости – Шатильон, писатель XVI века, - настаивая, что не следует вовсе сжигать еретиков, не говоря уже о колдунах, выступает таким образом разом против католиков и протестантов и дает умам лучшее направление.

Начало мрачного царствования Генриха II и Дианы Пуатье положило конец эпохе веротерпимости. При Диане снова принимаются жечь еретиков и колдунов. Екатерина Медичи, наоборот, окружает себя астрологами и магами, всячески покровительствуя им. Число их страшно увеличивается за это время. Колдун Труа-Эшель, осужденный в царствование Карла IX, насчитывает их сотнями тысяч и заявляет, что Франция вся целиком – колдунья.

Но в Германии продолжают протесты процесс процессами нпд ведьмами. Одним из самых заметных «выступающих» был Корнелий Агриппа Нетесгеймский, генеральный адвокат в Меце.

В своем сочинении "Оккультная философия" (1531) он обнаруживает скептическое отношение к магии и другим философским и научным воззрениям своего времени и касается суеверий и колдовства. Несмотря на то, что он прямо не восстает

против преследования ведьм, он тем не менее подпал под подозрение, что он находится в сношениях с дьяволом, и был посажен в тюрьму. Он вскоре умер и, как рассказывали, пред смертью у него из затылка вышла черная собака, под видом которой скрывался дьявол, послуживший причиной его гибели.

Учеником Агриппы был Иоган Вейер, придворный врач герцога Вильгельма IV в Дюссельдорфе, который под покровительством герцога и при его содействии энергично боролся против инквизиторов и преследования ведьм. В 1563 году вышла его книга о ведьмах и процессах инквизиции против них, выдержавшая в короткое время шесть изданий и приобретшая большую популярность. Вейер смело выступает против бесчеловечного преследования ведьм и доказывает несправедливость этих обвинений и абсурдность приемов, практикуемых в процессах. Но Вейер все-таки не отрицает существования дьявола и возможности причинения им вреда людям. Он старается только очистить это верование от грубых представлений своих современников о непосредственных телесных сношениях между дьяволом и человеком, объясняя многое из обвинений ведьм естественными причинами; вместе с тем, он призывает палачей-инквизиторов к состраданию и человечности.

По мнению Вейера, "ведьмы – это большею частью слабые, старые, не вполне разумные женщины, которыми, когда они отягчены горем или недомоганием, овладевает бестелесный дух или дьявол, который путем ослепления и наваждения так сильно внушает им, что они причинили людям всякого рода несчастья, вред и порчу, что они начинают верить в действительность всего этого, между тем как они совершенно невинны". Вейер считает все случаи колдовства результатом фантазий и объясняет галлюцинациями, которые насылает на «ведьму» дьявола, помимо ее воли.

Поэтому Вейер считает преследование ведьм несправедливостью и в предисловии к своему трактату обращается с горячим воззванием к государям Европы, чтобы они остановили пролитие невинной крови. "Безумные, бедные женщины, говорит Вейер, одержимые злым духом, которых без пощады бросают в темную мрачную тюрьму, мучают под пытками, осуждают на смерть и сжигают на костре, оказываются виновными единственно на том основании, что они сознались в своих мнимых преступлениях. Только этим порядком судопроизводства объясняется то, что многие несчастные предпочитают один раз умереть в огне, чем много раз переносить бесчеловечные пытки. И бессердечные судьи и палачи не хотят понимать, что часто проливается невинная кровь и что несчастные себя обвиняют только благодаря ужасным мучениям пытки. Ибо если какая либо из них не сознается и испускает дух под страшными пытками или решается в отчаянии на самоубийство в тюрьме, то судьи объясняют это тем, что дьявол свернул им шею, для того чтобы помешать им признаться и подвергнуться публичной казни".

Книга Вейера произвела сильное впечатление, она была запрещена католической церковью, а сам медик обвинен в колдовстве и принужден был бежать из Дюссельдорфа в Мекленбург, где он нашел защиту у графа фон Бентейма.

Сразу же по выходе книги разгорелась дискуссия между теологами и преследователями ведьм.

Как это ни странно, книга Вейера вызвала еще более яростную борьбу с дьяволом, и конец XVI века в особенности изобилует процессами о ведьмах во всех странах Европы, где еще в течение двух столетий костры не переставали дымиться.

В 1690 году в Амстердаме на голландском языке вышла книга Балтазара Беккера, реформатского пастора, в которой впервые объявляется война самому принципу колдовства и рассматривается учение о дьяволе и его власти на земле. Ссылками на Библию, историческими сопоставлениями и философскими рассуждениями Беккер разбивает всю систему ортодоксальных воззрений на природу дьявола, как темную ему, действующую в мире с соизволения Бога и рядом с силами добра для искушения человечества и для погубления человеческих душ. Он доказывает, что многие места из Библии, на которых основывается учение ортодоксии о дьяволе, совершенно не подтверждают этого учения и даже, напротив, находятся в полном противоречии с господствующими воззрениями. По Библии сатана вовсе не есть всесильный князь тьмы, властвующий над тайнами природы, всезнающий, могущий иметь власть над человечеством и по своему желанию принимать различные образы и действовать во вред человеку. Он скорее падший дух, ввергнутый в бездну и там ожидающий суда и наказания, немощный,

которому чуждо знание сокровенного в природе и который неспособен принять вид плоти, являться в образе и каким либо образом действовать на физический мир. Представление о союзе ведьм с дьяволом – не более как поэтический образ, выдуманный древними языческими поэтами и принятый ортодоксальными представителями христианства, как основа христианства – в противоречие с действительными основами евангельского учения и на посрамление церкви.

Книга Беккера имела огромный успех и вызвала во всем христианском мире сильное движение. В особенности она произвела большое волнение среди теологов. Появилось много ответных сочинений и полемических памфлетов.

Еще более сильный удар нанесло средневековому заблуждению о колдовстве знаменитое сочинение Христиана Томазия, которое появилось в 1701 году, о котором современники говорили, что благодаря ему, женщины получили возможность в безопасности состариться и спокойно умереть.

Хотя и после сочинения Томазия процессы над ведьмами продолжались и инквизиция продолжала сжигать колдунов, но процессы эти потеряли эпидемический характер и возникали редко.

Отдельные правители издают специальные постановления, вовсе запрещающие всякое преследование ведьм; другие устанавливают ограничительные правила употребления пыток, многие из них милуют и освобождают осужденных.

Между царствующими особами следует выделить Гогенцолернов, которые твердой рукой выступили против колдовства. Уже великий курфюрст Фридрих допускал много раз помилования и установил строгие требования относительно применения пытки, порядка допросов и признания. Лично он, однако, не был свободен от веры в дьявола, что видно из того, что в Бранденбургском военном уставе запретил под угрозой наказания пребывание в лагере колдунам, заклинателям оружия и всяким мастерам дьявольского искусства. Это же законоположение, под угрозой даже смертной казни, было повторено во второй главе отмененного его преемником военного устава от 1713 и 1724 годов. Тем не менее фактически процессы о колдовстве постепенно прекращаются.

Вы только подумайте - начало XVIII века, которое кается нам чуть ли не современность, во всяком случае, сравнительно недалеко отстоит от современных представлений морали - в официальном уставе есть статья о ведьмах!

Но особенно яростно выступал против преследования ведьм его преемник, король Фридрих Вильгельм, который 18 декабря 1714 года издал указ, в котором требовал улучшения судопроизводства и приказывал все приговоры ведьм к пыткам или к смерти посылать на его утверждение. В этом же указе особо оговаривается слабая база доказательности процессов над ведьмами, "благодаря которой дела о колдовстве не всегда расследовались с соответственной осторожностью, а исходя из мало достоверных показаний, вследствие чего много невинных подвергались пыткам, погибали на костре и таким образом много невинной крови проливалось в стране».

Изменения в процедуре судов над ведьмами в Пруссии, начатая курфюрстом, была достойно закончена Фридрихом Великим, который окончательно отменил пытки в 1740 году.

Примеру Пруссии последовали и другие протестантские страны, где, начиная со второй четверти XVIII века процессы о ведьмах совершенно прекращаются. В католических же странах они еще продолжают в течение всего XVIII века.

В Австрии вера в ведьм была сильна и в начале XVIII века и процессы по обвинению в колдовстве получили сильную опору в новом уголовном уложении, изданном королем Иосифом I в 1707 году, для королевства Богемского, маркграфства Моравского и герцогства Шлезвигского. Это уложение санкционировало почти в полном объеме все прежние постановления относительно преследования колдовства.

С вступлением на престол немецкой императрицы Марии Терезы в 1740 году был положен конец всем преследованиям ведьм, если не по закону, то по крайней мере фактически. Она приказала, чтобы все подобные процессы до объявления приговора были отправляемы ей лично на утверждение. Вместе с тем она назначила комиссию для выработки нового уголовного уложения.

Несмотря на просвещенные взгляды Марии Терезы, процессы против ведьм в католических странах ее короны не прекращались до самого исхода XVIII века, а в

некоторых из них продолжались даже в XIX веке. В Виртемберге, Вюрцбурге, в особенности в Баварии встречаются процессы еще в последней четверти "просвещенного" XVIII века – по самым чудовищным обвинениям, напоминающим процессы во время расцвета преследования колдовства в XVI и XVII веках.

Во Франции в царствование Людовика XVI был издан эдикт, в котором отвергается существование ведьм и воспрещается судам впредь принимать обвинение в колдовстве. Парламент счел своим долгом сделать королю внушение, ссылаясь на то, что Святое Писание приговаривает к смерти всех, кто занимается колдовством, что у всех народов, начиная с древних времен, было правилом подвергать колдунов смертной казни и что в самой Франции издревле установлено в практике и по закону преследовать колдовство и наказывать ведьм смертью. Это внушение, однако, не подействовало на короля, и он не отменил эдикта.

Однако еще в XVIII веке встречаются часто обвинения в колдовстве и возникают процессы против ведьм. Только Великая французская революция законом от 22 июля 1791 года положила конец этим процессам, признав одержимых бесом больными и предписав их, как таковых, передавать в дома для сумасшедших для лечения.

В Швейцарии процессы о ведьмах продолжались долго. Еще в 1782 году была обезглавлена молодая девушка, Анна Гольди, служанка одного врача, обвиненная в том, что она околдовала ребенка, вследствие чего он заболел.

Позже, чем во всех других странах Европы, продолжались процессы в Испании, где еще в 1781 году была сожжена одна ведьма по обвинению в любовной связи с дьяволом. Преследование колдовства продолжалось в Испании и в XIX веке.

В католической республике Мексика процессы против ведьм прекратились совсем недавно - по меркам истории: последний процесс, произведенный там по всем правилам судопроизводства, был 20 августа 1877 году, по обвинению пяти женщин в колдовстве, которые все были осуждены и сожжены на одном костре.

Такова история преследования ведьм на протяжении нескольких веков.

Однако не только колдуны и ведьмы имели связь с дьяволом. Враг рода человеческого не единожды пытался соблазнить и духовных лиц и, прежде всего монахинь. Но об этом мы поговорим в следующей главе.

## **ОДЕРЖИМЫЕ И МОНАСТЫРСКИЕ ЭПИДЕМИИ XVII ВЕКА**

Дьявол, как верили в Средние века, действует двояким образом. Или он совращает свою жертву, вступает с нею в союз, закрепляет с её согласия свою связь с нею договором и сообщает ей колдовскую силу, посредством которой она, как добровольная союзница дьявола, причиняет вред и порчу людям. Или же он овладевает ею без её ведома и помимо её воли, вселяясь в её тело, действуя через нее, говоря её устами и пользуясь ею для своих богохульных и пагубных целей.

В первом случае инквизиторы имели дело с активными ведьмами, который виновны в преступлении колдовства и должны были быть сожжены. Во втором случае – с пассивными ведьмами, которые называются одержимыми бесом и которые считаются невинными и подлежат исцелению посредством заклинания и изгнания поселившихся в них бесов.

Одержимыми бесом, по мнению инквизиторов, могут быть также животные и даже трупы людей, которые оживают или превращаются в ходячих мертвецов. О таких одержимых бесом упоминается ещё в Библии.

Но в XVII века одержимость стала болезнью века, настоящей эпидемией, поразившей Европу.

Большую часть эти бесовские эпидемии появлялись в женских монастырях, где уединенный образ жизни, религиозная экзальтация и сосредоточенность на мистических представлениях способствовали развитию среди монахинь истеричности, которая и составляла, по мнению психологов и историков, сущность одержимости.

Зараза постепенно распространялась и вне монастыря – по окрестностям до самых отдаленных местностей. Огромные толпы женщин начинали впадать в странные конвульсии, кричали, мяукали, лаяли, принимали странные позы, ползали и катались по полу, причем заявляли, что они одержимы бесами и называли имена этих бесов.

Священники непрерывно производили заклинания, переходя из одной церкви в другую. Некоторые из них сами делались жертвою одержимости и во время произнесения заклинаний падали на пол в конвульсиях, высовывая язык и проделывая все движения одержимых, из которых они изгоняли бесов.

В сочинении монаха Захарии, вышедшем в 1600 году и посвященном одержимости, приводятся следующие признаки одержимости злым духом:

"У одержимой злым духом язык опухает, покрывается темной коркой, вываливается изо рта, горло также опухшее; одержимая как бы задыхается, плачет, сама не понимая о чем; с гневом отвечает на вопросы и зачастую вовсе не хочет говорить. Стискивает зубы и отказывается от пищи; обнаруживает ненависть по отношению к некоторым лицам; произносит бессмысленные слова. Она удручена чем-то страшным и как бы лишена всех чувств, бьет себя кулаками, рвет на себе одежду и волосы, дико вращает глазами, испытывает необычайный страх, а вскоре внезапно успокаивается. Подражает голосу различных зверей: рычанию льва, бляению овец, мычанию быка, лаю собак, хрюканью свиньи. Она скрежещет зубами, изо рта идет пена. и вообще ведет себя, как бешенная собака. Иногда её насквозь пронизывает страшный зной или холод; она чувствует, что по её телу бегают муравьи, скачут лягушки, ползут змеи, рыбы, мухи. Она слышит и видит сверхъестественные вещи. Когда священник кладет ей руку на голову, она чувствует то холод, то жар, и кричит, если ей ставят Святые Дары на голову, восклицая: "Уберите это, я не могу выносить этого, мне дурно". Затем она рычит, трясет головою, пытается опрокинуть Святые дары, раздражается на священника и присутствующих. Ненавидит все церковные предметы, чувствует ужас при виде престола. Не желает смотреть на иконы и особенно на распятие, у подножия которого она извивается. Не произносит никаких молитв, и если хотят её к тому принудить, то бормочет что-то непонятное; под влиянием заклинаний теряет сознание, раздражается, рычит и отбивается. Будучи безграмотною, понимает наиболее трудные места Священного Писания и говорит на неизвестных ей языках; предсказывает будущее и творит сверхъестественные вещи».

Исцеление одержимых производится путем молитв и заклинаний. Процедура заклинания сопровождается целым рядом приемов, и была торжественно введена в ритуал церковью.

Формул заклинаний было очень много. Вот одна из таких: "Изыди, злой дух, полный кривды и беззакония; изыди, исчадие лжи, изгнанник из среды ангелов; изыди, змея, супостат хитрости и бунта; изыди, изгнанник рая, недостойный милости Божией; изыди, сын тьмы и вечного подземного огня; изыди, хищный волк, полный невежества; изыди, черный демон; изыди дух ереси, исчадие ада, приговоренный в вечному огню; изыди, негодное животное, худшее из всех существующих; изыди, вор и хищник, полный сладострастия и стяжания; изыди, дикий кабан и злой дух, приговоренный к вечному мучению; изыди, грязный оболъститель и пьяница; изыди, корень всех зол и преступлений; изыди, изверг рода человеческого; изыди, злой насмешник, полный лживости и возмущения; изыди, враг правды и жизни; изыди, источник несчастий и раздоров; изыди, бешенная собака, подлая змея, дьявольская ящерица; изыди, ядовитый скорпион, дракон, полный злых козней; изыди, лакей сатаны, привратник ада; изыди, козел, страж свиней и вшей; изыди, зараженное страшилище, черная ворона, рогатая гадина; изыди, лжец коварный, поганый, зачумленный и т.д."

Другое заклинание, более короткое, было таково: "О, ты, душегубец окаянный, дьявол, несчастный дух, искуситель, лжец, еретик, пьяница, безумец! Зачинаю тебя, именем Господа Нашего, выйти немедленно из этого человеческого тела; скройся в пучинах морей или исчезни в бесплодных деревьях или в пустынных местах, где нет ни одной христианской души, куда ни один человек не может вступить, и там пусть уничтожить тебя небесный огонь. Изыди, проклятый змий, ступай, спеши и, оставляя это Божие создание, не делай ему вреда, ни ему, никому другому, провались в преисполню ада и оставайся там до дня страшного суда".

### ***Эпидемия в Эксе***

Первая большая эпидемия была в 1610 году в Провансе, в Эксе, в монастыре урсулинок. У двух монахинь стали случаться припадки, которые внушили всем уверенность,

что эти монахини одержимы дьяволом. Из них попытались изгнать дьявола, но безуспешно. Одна из монахинь внезапно призналась, что в ней сидят три дьявола, в том числе Веррин, добрый дьявол, один из демонов воздуха, и Левиафан, злой дьявол, любящий рассуждать и протестовать, и дух нечистых помыслов.

Кроме того она заявила, что чародей, наставший на нее этих дьяволов – патер Луи Гофриди, бывший в то время приходским священником в Марселе. Другая монахиня Магдалина де ля Палю, обезумевшая от страха, созналась также в и том, что Гофриди испортил её своими чарами и наслал на нее целый легион демонов, именно 6 666 дьяволов. Инквизитор Михаэлис, которому обе монахини были переданы для заклинаний, донес на чародея Гофриди прованскому парламенту. Несмотря на защиту, который Гофриди имел в лице марсельского епископа и всего духовенства, он был арестован и предан суду.

Обвинение было основано на показаниях этих двух монахинь и Михаэлиса, наблюдавшего во время заклинания, как дьявол обращался с своими жертвами.

"Во время заклинания, - показывал Михаэлис, - Вельзевул продолжал терзать Магдалину, то с силою бросая её на живот, то опрокидывая на спину; до трех или четырех раз он принимался душить её за горло. За обедом демоны продолжали истязать её постоянно, пригибая ей голову к земле, а за ужином они её пытали в течение целого часа, выворачивая ей руки и ноги с такой силой, что у нее кости трещали и все внутренности переворачивались; окончив истязания, они погрузили её в такой глубокий сон, что она казалась мертвой".

Монахини показали, что Гофриди, хотя делал вид, что не ест мясной пищи, но на самом деле наедаясь до отвала мясом маленьких детей, которых он душил или откапывал из могил. Магдалена также показала, что священник совратил ее.

Несчастный Гофриди клялся именем Бога и святых, что все эти обвинения ложны, но ему не верили, связь между его чародейством и дьяволами, которыми одержимы монахини, была вполне установлена показаниями монахинь, ибо мы помним, что инквизиция считала доказательством донос и даже простое подозрение.

Гофриди подвергают пытке, чтобы добиться признания; он понимает, что погиб, мужество его покидает, и он сознается во всех преступлениях, в которых обвиняется. Он сознался, что дьявол посещал его часто, что он обыкновенно поджидал сатану у дверей церкви и заразил до тысячи женщин ядовитым дыханием, сообщенным ему Люцифером. "Признаюсь и в том, - говорил он, - что когда я желал отправиться на шабаш, я становился у открытого окна, чрез которое являлся ко мне Люцифер, и вмиг переносился на сборище, где я оставался два, три, а иногда и четыре часа".

На теле Гофриди нашли в трех местах "печать дьявола", т. е. в трех местах тела вонзали иглу и он не чувствовал никакой боли и кровь не текла. После этого его виновность не подлежала сомнению и 30 апреля 1611 года его сожгли в Экси, после того как он был отрешен от сана и палачом подведен к главному входу в церковь, где он должен был публично каяться и просить прощения у Бога, короля и правосудия.

Такова официальная «церковная» версия произошедшего, тем не менее дело Гофриди очень запутано и крайне противоречиво. Существует несколько точек зрения на эту первую «бесовскую» эпидемию. Одна из версий была изложена выше. Другая связана с самим существованием женских монастырей в Европе того времени.

Историки, располагающие многими документальными свидетельствами современников Гофриди, убедительно доказали, что женские монастыри в Европе часто превращались в серали священников и настоятелей.

В монастырях часто воспитывались девочки как из знатных, так и из простых семей. Как правило, в монастыре многие из них умирали - погибали от скуки и отчаяния. Их поражала жестокая монастырская болезнь, о которой еще в V веке писали ученые – тупая скука, уныние в часы после полудня, тихая грусть, переходившая в страшную слабость или бешеное неистовство. Последнее состояние и было определяющим во время бесовских эпидемий в женских монастырях.

Постепенно строгая система «затвора» в монастырях заменяется более свободной формой существования Монахини перестают быть затворницами в монастыре. К ним постоянно приходят посетители - по крайней мере, их родственники, а кто знал наверняка, кто чей родственник?

Католическая церковь в это время поражает своим распутством. Например, в 1491 году во французском монастыре Кенуа духовник - единственный мужчина, посещавший монастырь, - смог стать любовником всех монахинь. В испанских же монастырях, конечно, не во всех, но в очень многих, считалось, что священник, удаивая женщину своею любовью, освящает ее таким образом и потому грех с ним является священнодействием. Взгляд, очень распространенный и во Франции: в Париже даже любовниц духовенства обычно зовут "освященными".

Во Франции, где короли использовали церковь как инструмент укрепления церковной власти за счет подавления протестантов, крупных феодалов и самоуправления областей, за поведением духовенства присматривала сама монархия. В стране царствовал закон, который «озвучил» король Людовик XIV: «Государство - это я», То же самое можно было сказать и о церкви. Священники творили самые невообразимые вещи и предавались распутству. Не был исключением и Гоффриди.

По мнению историков, именно в роли «всеобщего» любовника он и появился в монастыре урсулинок. Кроме того, абсолютно точно установлен факт, что монахиня Магдалина действительно была его любовницей. Гоффриди совратил ее, когда она была еще его воспитанницей.

Гоффриди вошел в монастырь в качестве духовника Магдалины, но занялся другим делом. Урсулинки чувствовали его могущество, а поведение безумно влюбленной в него девочки заставило их заключить, что это – могущество дьявола. Всех их охватил страх, а многих и любовь. Воображение разыгралось вовсю, у томящихся от скуки женщин закружились головы. И в результате пятеро или шестеро с плачем и воплем заявили, что ими овладел дьявол.

Особенно усердствовавшая Луиза, которая, как полагают, была также влюблена в Гоффриди и навела на него «поклеп», обвинив в чародействе именно из ревности к Маделене. Вероятно, что Луиза действительно была одержима - только не бесом, а ревностью (хотя и ревностью - несомненно, бес, сидящий в человеке). Кроме того, она почти наверняка была не совсем нормальна.

Автор "Записок о государстве" (известных только по отдельным отрывкам из них, так как остальное весьма благоразумно было уничтожено, как слишком откровенное) – знаменитый отец Иосиф заявляет в своем труде, что ему посчастливилось открыть некую ересь, страшно распространившуюся и захлестнувшую собой бесконечное число духовников и руководителей монастырей. Это - плотская любовь, которой они предавались в женских монастырях.

Самое интересное, что все это открылось слишком поздно. Дело зашло так далеко, что скрыть его стало невозможно. Капуцины клятвенно утверждали, что в одной Пикардии этим безумием мистической любви было охвачено шестьдесят тысяч "наставников". Значит, все духовенство, все духовники, все руководители монастырей. Надо, конечно, иметь в виду, что в это число в качестве входило много светских людей, горевших тоже усердием спасать женские души. Один из них – Дэмарэ из Сен-Сарлена – прославил себя впоследствии талантливыми и смело написанными "Духовными утехами".

Чтобы понять, какой неограниченной властью, во много раз большей, чем во все предшествовавшие времена, пользовался руководитель женского монастыря, надо принять во внимание некоторые обстоятельства.

Реформа монастырей, принятая Триентским собором и устанавливающая более замкнутый образ жизни в них, серьезно начала проводиться только в царствование Людовика XII. До того ей следовали очень мало, и монахини принимали у себя весь высший свет и устраивали балы. После реформы же лишь один мужчина являлся в монастырь ежедневно и мог войти в любую келью. Таким образом, реформа эта, закрывая двери монастыря от всего мира, избавляла руководителя от всякого соперничества, давала только ему возможность видаться с глазу на глаз с монахинями и тем усиливала его влияние.

Что происходило в результате? Вопрос этот заинтересовал людей, специально занимавшихся медициной. Уже в XVI веке медик Визр писал, что многих монахинь любовь доводила до бешенства. Он рассказывает о весьма почтенном испанском священнике, который, зайдя случайно в один из женских монастырей в Риме, вышел оттуда сумасшедшим и заявил, что все эти супруги Иисуса принадлежат и ему, священнику,

наместнику Иисуса. Он заставлял служить обедни, чтобы Господь даровал ему милость жениться на всем монастыре.

Чувственность стояла далеко не на первом месте у этих женщин. Прежде всего они хотели избавиться от скуки разнообразить свое существование, отвлечься от своей монотонной жизни.

Даже миряне, при всем разнообразии их жизни, стараются добиться, чтобы исповедники разрешали им грех непостоянства. И духовенство сдается. В обществе основным принципом становится принцип терпимости, а высшим правилом света становится следующее: "Ни за что не наказывать и надо всем смеяться".

Господствующий дух терпимости позволяет кардиналу Тенсену открыто быть мужем своей сестры. Терпимость позволяет монастырскому начальству обладать монахинями, а тем открыто заявлять о беременности и самым законным образом регистрировать рождения детей. Глава каноников де Пиньян из Прованса открыто жил с монахинями своего края. У него их было шестнадцать. Монастырское ведомство в один год получило от монахинь шестнадцать заявлений о беременности. Такая гласность имела лишь один плюс: преступление монастырей – детоубийство - стало совершаться реже. Монахини де Пиньяна отдавали их на воспитание крестьянам, которые усыновляли их и воспитывали вместе со своими сыновьями. Еще и в XIX веке немалое число крестьян считалось детьми благородного духовенства Прованса.

Но вернемся к эпидемиям.

«Бесовское наваждение» поразило не только женский монастырь, в который был вхож Гоффриди. Не менее известным стало дело о лунденских ведьмах. Эта эпидемия разразилась в 1631 году в монастыре урсулинок в Лудене.

### ***Луденские бесы***

Процесс против священника Грандье - почти «близнец» инквизиторского суда над Гоффриди. Та же драма, основанная на показаниях истеричных монахинь, обвиняющих священника в том, что он их околдовал. Та же процедура изгнания и заклинаний бесов и суда над несчастным духовником одержимых.

По одной из версий, выдвигаемых историками, молодой священник Грандье, прибывший из Бордо в провинциальный Луден, был просвещён, любезен, обладал даром хорошо писать и еще лучше говорить. В короткое время он перессорил весь городок, причем женщины были за него, почти все мужчины – против. Он становится заносчивым, несносным, старается поразить всех своим великолепием; отпускает насмешки по адресу кармелитов, говорит с кафедры дерзости против монахов вообще. На его проповеди собиралась такая толпа, что можно было задохнуться.

Женщины были в его полном распоряжении. Жена королевского адвоката была необычайно нежна к нему, а у дочери королевского прокурора родился от него ребенок.

В Лудене был совсем небольшой монастырь урсулинок из благородных и бедных девиц. Сам по себе монастырь был беден, при его основании ему было дано только помещение – старая гугенотская школа. Настоятельница, дама из очень знатной и родовитой семьи, горела желанием расширить и обогатить монастырь, сделать его известным. Весьма возможно, что она пригласила бы к себе Грандье, но в монастыре уже был в качестве руководителя священник, имевший прочные связи в краю, близкий родственник двух главных чиновников города - каноник Миньон. И вот оба они из признаний исповедующихся монахинь (настоятельница также исповедует своих монахинь) делают ужасное заключение, что молодые монахини только и мечтают, что о Грандье, только и говорят о нем.

«Заговорщики» - кононик Миньон и настоятельница, а также еще двое весьма именитых и обиженных Грандье горожан среди покровительствуемых ими бедняков находят двух человек, которые соглашаются громко заявить, что больше не могут терпеть у себя такого развратного священника, колдуна, дьявола, вольнодумца, который "в церкви становится только на одно колено", что он насмехается над всеми постановлениями и дает разрешения в ущерб правам епископа.

Грандье же в ответ отправляется к самому королю, бросается на колени и просит отомстить за него. Король готов был стать на его сторону, но нашлись люди, донесшие королю, что оскорбление – это результат любовных походов Грандье и ярости обманутого мужа.

Церковным судом в Пуатье Грандье был приговорен к отбытию покаяния и изгнанию из Лудена, то есть был обещан как священник. Но светский суд, пересмотрев дело, нашел Грандье невиновным. За него был также и Сурди, архиепископ Бордо, стоявший выше епископа Пуатье.

Оправданный Грандье, вместо того чтобы покинуть Луден, решил воспользоваться победой и остается в городе. Кроме того, он угрожает своим врагам и требует удовлетворения. Противники его, сами попав таким образом в опасное положение, вспоминают дело Гофриди, в котором дьявол, отец лжи, реабилитированный самым почетным образом, фигурировал в качестве свидетеля, заслуживающего веры как со стороны церкви, так и со стороны чиновников короля. Отчаявшись в других средствах, они зывают к дьяволу, и тот появляется к их услугам в образе урсудинок.

Луденская история началась с того, что настоятельница и некая вполне послушная ей монахиня начали биться в конвульсиях и бормотать на дьявольском наречии. Другие монахини принялись им подражать.

О новой эпидемии говорят повсюду – даже в Париже при дворе. Французская королева – испанка с сильно развитым воображением и очень благочестивая – присылает своего священника, а лорд Монтегю, заядлый папист, – своего верного чиновника, который все видел, всему поверил и обо всем донес папе Римскому. Таким образом, чудо было признано. Все видели раны одной из монахинь и стигматы на руках настоятельницы – знаки, которыми отметил их дьявол.

Двор поверил, но сам Луден не верил нисколько. Эти дьяволы, жалкие подражатели марсельских, повторяли утром то, чему учили их накануне вечером. Они не сумели бы сказать ничего, если бы секретные увещеватели их, старательно разучивая с ними дневной фарс по ночам, не учили их, как выступать и что говорить перед народом.

Крупный чиновник – судья города, выйдя из себя, явился сам взглянуть на эти плутни и пригрозил, что выведет все на чистую воду. Таково же было тайное мнение об этих "чудесах" и архиепископа Бордоского, к которому апеллировал Грандье. Им было послано специальное распоряжение относительно монахов-экзорцистов с целью положить конец их произволу, тем более что его хирург, осмотрев девушек, заявил, что не находит их ни одержимыми, ни сумасшедшими, ни больными. Кто же они в таком случае? Несомненно, обманщицы.

Настоятельница монастыря растерялась. Ничего не стоило установить, что ее стигматы (раны) были нарисованы и подновлялись каждый день. Но она приходилась родственницей королевскому советнику Лобардемону, которому поручили суд над Грандье. Он ставит в известность кардинала, что обвиняемый – приятель одного из многочисленных агентов враждебной Ришелье королевы Марии Медичи, что он сделался секретарем своей прихожанки и от ее имени пишет подлые памфлеты.

Грандье, по приказу Ломбардемона, схватили и бросили в Анжерскую тюрьму. Потом взяли оттуда и посадили, как вы думаете – куда? В комнату в доме одного из его врагов, который приказал заделать камнем все окна, чтобы он там скорее задохнулся. Гнусное испытание – поиски дьявольских знаков, было произведено его же обвинителями. Те собственноручно втыкали в его тело иголки, подвергая его таким образом предварительному наказанию, заранее предвкушая его казнь. Его тащат в церковь и ставят лицом к лицу с девицами, которым Лобардемон вернул дар речи. Он видит перед собой вакханок, которых приговоренный к покаянию аптекарь до такой степени спаивал своими настойками, что они становились настоящими фуриями, и однажды Грандье чуть не погиб от их ногтей.

Этих девушек признают одержимыми только затем, чтобы дать волю фурии чувственности. Это, без сомнения, способствовало увеличению аудитории. Сюда приходили слушать из уст женщин то, чего ни одна никогда не решалась произнести до тех пор.

Все это становилось все более смешным, так же, впрочем, как и отвратительным. Даже то небольшое, что заставляло несчастных урсудинок зазубривать полатыни, они коверкали вкривь и вкось. Публика находила, что дьяволы не могли бы

выдержать экзамен за четыре класса приходской школы. Капуцины, ничуть не смущаясь, заявляли, что если эти дьяволы не сильны в латыни, зато превосходно говорят по-ирокезски и на других столь же известных языках.

Гнусный фарс с расстояния шестьдесят миль в Сен-Жермене, в Лувре, где был король и двор, казался чудом, страшным, наводящим ужас. Двор испытывал восторг и трепет. Ришелье велел заплатить и монахиням, и экзорцистам.

Столь великая милость воспламенила еще больше всю шайку и сделала ее совсем безумной. За сумасшедшими речами последовали бесстыдные поступки. Экзорцисты под предлогом, что монахини очень устали, отправляли их за город прогуляться и сами гуляли с ними. Одна из них забеременела. По крайней мере, налицо были все признаки. Но на пятом-шестом месяце все исчезло, и дьявол, обитавший в ней, заявил, что это он из мести к бедной монахине придал ей вид беременной. Все это известно из исторических документов.

Наконец дело зашло так далеко, что даже несчастные монахини почувствовали, что на продолжение спектакля у них нет сил. Теперь они уже проклинали самих себя. Несмотря на то что их ожидала ужасная участь, если бы они сказали правду, несмотря на уверенность, что в таком случае им придется кончить жизнь в подземной тюрьме, они все же заявили в церкви, что осуждены на вечные муки, что это была только игра в дьявола и что Грандье невинен.

Они погубили себя, но дело от того не прекратилось. Не прекратило его и прошение, посланное от всего города королю. Грандье был приговорен к сожжению (18 августа 1634 года). Ярость его врагов была так велика, что, прежде чем сжечь его, они потребовали, чтобы еще раз поискали иголками на его теле знаки дьявола. Один из судей изъявил даже желание, чтобы ему вырвали ногти, но хирург отказался сделать это.

Мучители боялись голоса с эшафота, последних слов казнимого. Так как в его бумагах нашли заметку против безбрачия духовенства<sup>7</sup>, то люди, объявившие его колдуном, считали его и вольнодумцем. Вспоминали смелые слова мучеников свободной мысли, бросаемые ими в лицо судьям, вспоминали последнее слово Джордано Бруно. Грандье старались внушить, что если он будет вести себя благоразумно, то его избавят от огня, предварительно удушив. Слабовольный и сластолюбивый священник, любивший свое и чужое тело, обещал молчать. И действительно, не сказал ничего ни по дороге, ни на эшафоте. Когда его привязали к столбу и все уже было готово, чтобы сжечь его, один монах, исповедовавший Грандье, не дожидаясь палача, поджег костер. Осужденный успел только воскликнуть: "А, так вы обманули меня!" Тут взметнулись языки пламени и нельзя было разобрать ничего, кроме криков.

Таково одна из версий произошедшего в Лудене. Но дело в том, что до наших дней дошло не так много достоверных свидетельств и документов, которые позволили бы однозначно толковать луденскую «истерию».

Некоторые историки утверждают, что настоятельница монастыря урсулинок действительно вообразила, что одержима бесом, который является к ней по ночам в виде недавно умершего священника. Вскоре все остальные сестры стали видеть эти видение. Приступили к заклинанию духов, но во время заклинания спазмы и галлюцинации одержимых ещё более усилились: они ложились на пол, ползали на животе, высовывали язык, который делался совсем черным, выпускали крики, мяукали, лаяли и бредили. В бреду каждая рассказывала о своем дьяволе, какой он имеет вид, что он делает с нею, что говорить, при этом они произносили богохульственные речи. Некоторые из них впадали в каталептическое состояние и делались сомнамбулами.

Урбан Грандье, по этой версии происшедшего, не был монастырским духовником, но он был известен в обители, так как возбуждал много толков о себе, благодаря своему уму, красноречию и красоте. Кроме того, он сделался популярен своей оппозицией высшим церковным властям и своим памфлетом, направленным против кардинала Ришелье.

Слухи об одержимых в Лудене распространились по всей Франции. Многие приезжали из Парижа, Марселя, Лиона и других городов, чтобы посмотреть на деяния дьяволов. Брат короля, Гастон Орлеанский приехал туда специально, чтобы видеть

---

<sup>7</sup> Для католического духовенства обязательно безбрачие (так называемый целибат). Узаконено оно была папой Григорием VII в XI в. На практике же утвердилось в XII в.

одержимых и присутствовать при процессе изгнания. Во время одного из таких процессов, случился любопытный случай: отец Сюрен, производивший изгнание, сам сделался одержимым и стал вместе с заклинаемыми кататься по полу, в конвульсиях и судорогах, и заявил, что дьявол Исаакарум проник в него. Граф Орлеанский присутствовал при настоящем спектакле: монахини и сама настоятельница катались по полу, принимали самые неприличные позы, делали самые смешные движения, высовывали языки, кружились вокруг церкви и при этом произносили ужасные богохульства. На основании показаний монахинь, молва продолжала обвинять во всем этом аббата Грандье, который заключил союз с Асмодеем. Нашли даже письмо к нему, подписанное Асмодеем (оно хранится теперь в Национальной библиотеке в Париже), в котором Асмодей дает обещание мучить сестер урсулинок в Лудене.

Ришелье, желая положить конец этому делу, послал в Луден специального комиссара де Лобардемона, снабдив его неограниченными полномочиями. На другой день по прибытии своем в Луден, Лобардемон приказал арестовать Грандье.

Несчастный был брошен в тюрьму, а изгнания и заклинания бесов продолжались. По просьбе Грандье, а также чтобы уличить его очной ставкой с одержимыми, ему разрешили самому производить изгнание. Его привели в церковь, где были собраны все одержимые и в присутствии огромной толпы, собравшейся по этому экстраординарному случаю, Грандье приступил к изгнанию. Но тут случилось нечто невероятное: одержимые, при виде Грандье, произносящего священные слова заклинания, пришли в такой раж, испускали такие ужасные крики, катаясь по полу, прыгая, извергая пену и произнося самые страшные богохульственные слова, что все присутствовавшие пришли в ужас. По распоряжению духовных лиц, принесли договор Грандье с дьяволом и торжественно сожгли тут же в церкви. После этого одержимые пришли ещё в больший раж, окружили бедного Грандье и стали его рвать, кусать, волочить по полу, так что его еле вырвали живым из рук одержимых и отвели в тюрьму.

Через несколько дней собрался суд, и 18 августа 1634 года Грандье был осужден к сожжению живым, после того, как он был подвергнут самым ужасным пыткам, чтобы добиться от него признания. Читая рассказ об этих пытках одного из присутствовавших, волосы становятся дыбом – до того они были бесчеловечны. Чтобы отыскать на его теле "чертво знак", ему оторвали ногти рук и ног, и совершенно искромсали кости ног так, что из них сочился мозг... Так как ноги были совершенно раздроблены, то его поволокли к месту казни на повозке и завернутым в солому. По дороге, перед главным входом в церковь, его стащили с повозки и заставили просить прощения у Бога, короля и правосудия. По прибытии на место казни, Грандье положили на костер и ещё раз прочли ему приговор. Площадь была покрыта густой толпой народа, собравшегося со всех окрестностей, чтобы присутствовать при казни колдуна Грандье. Несчастный пробовал обратиться к народу с речью. Тогда окружавшие костер монахи стали бить его руками, палками и распятиями. Наконец один из них схватил факел и зажег костер. Медленный огонь охватил тело несчастного Грандье, которое в предсмертных корчах скоро покрылось густым дымом и смешалось с пеплом...

Страшные припадки монахинь, вызванные луденскими дьяволами, не прекращались и после сожжения колдуна Грандье. Урсулинки продолжали бесноваться. Зараза перешла к мирянам города и распространилась далеко по окрестностям Лудена до соседнего города Шинона, где демонические припадки стали появляться у многих дам и девиц. Во всех церквях служились мессы и производились заклинания.

Луденская драма поразила все умы; среди населения распространились припадки сумасшествия. В особенности она сильно подействовала на лиц, участвовавших в ней. Отец Сурен и другие заклинатели луденских бесов лишились рассудка, вообразили, что в них поселились дьяволы, и кончили жизнь, как одержимые, в конвульсиях и судорогах.

Какая из приведенных версий истинная? Этого не знает никто - в истории с луденскими ведьмами, вероятно, точка так никогда и не будет поставлена.

Нам же представляется вполне оправданным утверждение о том, что религиозный экстаз и некоторые особенно психи послужили отправным пунктом возникновения таких эпидемий,

Что же касается ведьм, то от них легко было добиться нужных показаний и без пытки. Большинство из них были полусумасшедшими. Они признавались, что могли

превращаться в животных. Так, итальянки частенько обращались в кошек и, проскальзывая в дверь, высасывали, как они заявляли, кровь у маленьких детей. В глухих лесных местностях – в Лотарингии, в горах Юры, – женщины часто становились волчицами и, по их словам, пожирали прохожих (даже если там никто никогда не мог проходить). Их, конечно, сжигали.

Девушки признавались, что отдались дьяволу, а между тем оставались девственницами. Сжигали и их.

Казалось, многие сами хотели, чтобы их поскорее сожгли, чувствовали какую-то потребность в этом. Иногда это делалось в припадке безумия и ярости, иногда с отчаяния. Одна англичанка, когда ее привели к костру, чтобы сжечь, обращаясь к народу, сказала: "Не вините моих судей! Я сама захотела погубить себя. Родители с ужасом отвернулись от меня, муж отступился. Мне пришлось бы вернуться к жизни совершенно обесчещенной. Я хочу лучше умереть... Я все налгала".

Историки и психологи писали о том, что эпидемии и одержимость бесами получили такое большое распространение именно в силу целомудренной и благочестивой жизни монахинь. В силу затворнической жизни и отказа от радостей жизни в психике монахинь не могло не угнездиться святотатство и непристойность. Ищущие духовного совершенства неизбежно подвергаются чудовищным искушениям, ибо сама плоть восстает против своего умерщвления. В обычном состоянии человек имеет силы подавлять в себе негативные чувства и мысли, не позволяя им проявляться в словах и действиях. Ослабленные же постом, постоянной молитвой и затворнической жизнью монахини довольно часто утрачивают власть над своими эмоциями. Истерическое поведение заразительно - а потому примеру одной одержимой следуют другие монахини. При массовых сборищах, на которых изгонялись бесы, у одержимых под воздействием ряда причин случаются истерики, которые при поощрении монахов-экзорцистов превращаются в грандиозное шоу

Святотатства и непристойности всегда привлекали публику. Верующие впитывали их как губка, а на следующий день на грандиозное зрелище приходило еще больше народа. А жадное любопытство публики всегда стимулирует энтузиазм лицедейства.

Такова природа монастырских эпидемий XVI - XVII веков.

## **САМЫЕ ИЗВЕСТНЫЕ ЖЕРТВЫ ИНКВИЗИЦИИ**

Инквизиция была по сути дела разведывательным и карательным органом католицизма. Она обладала всем, что нужно для организации борьбы с ересью, и главной её целью и была эта борьба. Инквизиция быстро разработала способы разведки и распознавания ереси во всех её мельчайших проявлениях, дабы безошибочно и безжалостно отличать «волка в овечьей шкуре» и уметь изобличить грешника, как бы он ни прикидывался невиновным.

Двумя формами отступничества от истинной веры, по мнению инквизиции, были колдовство и ересь. Ересь - это отклонение от догмата, а волшебство - служение дьяволу. И то, и другое одинаково подлежало искоренению. А то, что ради искоренения ереси и колдовства приходилось убивать сотни тысяч людей - для инквизиции никогда не было препятствием.

От преследования «ревнителей веры» не мог быть застрахован ни один человек. Даже самые известные люди своей эпохи.

Ниже мы расскажем о самых известных, с точки зрения автора, жертвах инквизиции.

### ***Святая орлеанская колдунья***

Одной из служительниц дьявола, колдуньей и святой была Жанна д'Арк (1412 - 1431), национальная героиня Франции, возглавившая борьбу своей страны с Англией и возведшая на французский трон наследника престола принца Карла.

Как же так? Колдунья и святая? Именно так.

В 1431 году инквизицией в Руане Жанна была сожжена на костре по обвинению в волшебстве и ереси, а в 1456 году - всего через 25 лет после мучительной смерти - по ходатайству короля Карла VII, которого она возвела на престол и который и пальцем не шевельнул для её спасения, процесс Жанны был пересмотрен и папа Каликст III признал несчастную девушку невиновной.

В 1928 году она была канонизирована как защитница Франции и даже считается сейчас покровительницей телеграфа и радио. В её честь во Франции учрежден национальный праздник, который отмечается каждое второе воскресенье мая.

Как все начиналось, и что мы знаем о Жанне?

Жанна родилась в семье бедного крестьянина в деревни Домреми, затерявшейся на границы Шампани и Лотарингии. С раннего детства Жанну отличала глубокая набожность, прилежание и отменное трудолюбие.

В тринадцать лет ей стали слышаться голоса и являться в видениях святой Михаил, святые Катерины и Маргарита. Святая Маргарита была изображена в часовне родной деревушки Жанны в мужской одежде и с мечом. Именно так будет одеваться и сама Жанна. Святые призывали её идти к наследнику престола и убеждать его напасть на осадивших Орлеан англичан.

В то время на французскую корону, кроме наследного принца Карла претендовали англичане. Начало ссорам между Англией и Францией положил когда-то Генрих Плантагенет, получивший почти половину французских земель в приданое за своей женой Алиенорой Аквитанской. Во времена принца Карла старые распри вспыхнули с новой силой и привели к войне, которая продлилась с небольшими перерывами сто лет и вошла в историю под названием Столетней войны.

Среди крестьян, которые были очень религиозны, существовало мнение, что Бог не допустит подчинения Франции ненавистным англичанам и чудесным образом спасет страну от чужеземцев.

Мечтательная и впечатлительная Жанна целые дни проводила в молитвах и просила Господа спасти её родину. Первый раз попытку спасти Францию по велению голосов святых Жанна предприняла в 1428 году, когда пришла к коменданта города Вакулера, в которой собрались преданные наследнику силы, и умоляла охрану пропустить её к Карлу, но девушку никто не стал слушать. Жанна не смутилась неудачей и вернулась домой.

В своей родной деревне она рассказала землякам о возложенной на нее Богом миссии, о видениях и о своем святой долге изгнать англичан из страны. Жанне стали верить, и в 1429 году она повторила попытку поговорить с комендантом Вакулера. Комендант не счел рассказы девушки заслуживающими внимания, но двое рыцарей доставили Жанну к дофину в замок Шинон.

На этот раз ей удалось убедить советников короля Карла VII доверить ей армию. Как раз перед появлением девушки в королевском лагере стало известно пророчество, которое гласило, что Бог пошлет Францию спасительницу в образе юной девственницы.

Когда явилась Жанна, ей устроили допрос с пристрастием и пригласили на совет священников и богословов. После беседы с Жанной они пришли к выводу, что ею руководят высшие силы. А специальная комиссия из придворных дам во главе с королевской тещей удостоверилась, что Жанна является девственницей.

Легенда гласит, что Жанну подвергли испытанию - действительно ли она обладает даром прорицания и откровения. Для этого, когда она в первый раз явилась к королю, при торжественной встрече Жанны на престол посадили не короля, а подставное лицо. Дофин же смешался с толпой придворных. Но Жанна, которая никогда ранее принца Карла не видела, узнала его в толпе придворных и преклонила перед ним колена. Кроме того, согласно легенде, Жанна во время той встречи прочла тайные мысли Карла, которые сомневался в законности своих прав на престол, и сказала ему: «Перестаньте мучаться, ибо вы имеете законное право на трон». После этих знамений дофин уверовал в Жанну.

Вдохновленные новой святой войска сняли осаду с города Орлеана, что обеспечило перелом в ходе войны, а Жанну народ наградил почетным титулом Орлеанской девы. В белых рыцарских доспехах, верхом на белом скакуне Жанна была действительно похожа на ангела, посланца Божия.

Согласно легенде, перед выходом войск в Орлеан, Жанна вновь продемонстрировала свои провидческие способности. Она попросила короля послать гонца в церковь святой Катерины в Фьербоа за мечом, который хранился за алтарем. Гонец действительно обнаружил за алтарем в земле заржавленный меч, который и привез Жанне. Одна из хроник того времени заявляет, что Жанна никогда в Фьербоа не бывала.

Орлеанская дева настояла на походе Карла в Реймс для коронации и миропомазания, что утвердило государственную независимость Франции. Хотя, по мнению советников принца Карла, взять Реймс было невозможно, воодушевленные верой в святость и избранность Жанны Богом воодушевило войска. Жанна бросила клич: «Кто верит в меня - за мной!» И под её знамена стал стекаться народ.

Соотечественники боготворили Жанну и переносили на нее черты Пресвятой Девы Марии, целомудрием спасающей от бед родную Францию.

Но если французы считали Жанну святой, то англичане уверяли, что она ведьма и в страхе бежали с поля боя. Англичане утверждали, что простая крестьянка не может вести себя на поле боя как истинный воин и опытный военачальник. Примеров её мужества и военной выправки было множество. В разработке планов сражений и расположении войск она выказывала полное понимание дела, при воинском кличе всегда являлась на место сражения первой, действовала всегда разумно и осторожно.

Надеясь освободить Париж, Жанна повела отряд в Компьен, где попала в 1430 году в плен к союзникам англичан и была передана в руки епископа города Бове.

Англичане, чтобы оправдать свои поражения, обвинили Жанну в связи с дьяволом и передали её в руки инквизиции.

На предварительном слушании дела Жанна держалась с поразительным самообладанием. Следствие подвергло её унижительному осмотру и удостоверилось в том, что д'Арк по-прежнему девственна. Это заключение поставило под сомнение обвинение инквизиции в колдовстве Жанны, ибо, как мы помним, по представлениям того времени каждая ведьма просто была обязана совокупляться с сатаной.

Однако возглавлявший следствие епископ Кошон из Бове не собирался отступать. И последовали изматывающие допросы, на которых Жанна подтвердила, что ей являлись трое святых, которых она видела, обнимала и даже целовала. Попытки к Жанне не применялись, чтобы исключить самооговор.

Начался процесс, на котором Орлеанской деве было предъявлено обвинение по семидесяти пунктам, среди которых были колдовство, ворожба, вызывание духов и знахарство, кладоискательство, лжепророчество, а также ересь.

Обвинение в колдовстве не было доказано, и пункты, касающиеся ведовства, отпали. Обвинение сократилось до двенадцати статей. Самыми серьезными были обвинения в ношение мужской одежды, непослушании Церкви, способности видеть призраки и ереси.

После оглашения доказанных инквизицией обвинений Жанна отказалась покаяться в грехах, но, когда её обвинили еретичкой, она испугалась, что будет передана в руки англичан, заочно приговоривших её к сожжению, и приняла решение покаяться. Жанна подписала документ, в котором отрекалась от своих ранних показаний и признавала, что все её видения были дьявольским наваждением. Она поклялась вернуться в лоно истинной Церкви и никогда больше ей не прекословить.

За отречение от своих идеалов Жанне заменили сожжение на костре на пожизненное заключение. Однако в темнице она снова услышала голос святых, которые упрекали её в предательстве и отступничестве от Бога. Якобы по их приказанию Жанна вновь облачилась в мужской костюм, который сняла после подписания отречения. Однако некоторые историки утверждают, что причиной «обратного переодевания» были вовсе не голоса, а коварство тюремщиков-инквизиторов, жалеющих погубить Жанну и отобравших у нее женское платье.

Но так или иначе 28 мая 1431 года Орлеанскую деву объявили упорствующей еретичкой, отлучили от церкви и 30 мая передали английским властям. В тот же день на площади Руана она была привязана к столбу и сожжена.

Казнь Жанны привела в трепет всех, кто находился на площади, даже её палача. Последний утверждал, будто нашёл на пепелище её сердце, так и не сгоревшей в пламени костра инквизиции.

Такова трагическая история Золушки из Домреми, которая на короткое время стала властительницей умов, а потом была предана и сожжена.

Однако в этой истории есть много «тёмных» мест. Прежде всего, что за голоса слышала Жанна? И в чём была сила воздействия простой необразованной крестьянки на французский народ?

Неужели только вера в свое призвание? Вряд ли, ибо вера народа в Жанну быстро бы умерла, если бы люди не видели реальных результатов её деятельности. С другой стороны, если бы не было почвы, на которой выросли семена, посеянные Орлеанской девой, едва ли Жанна д'Арк совершила бы то, что она совершила. Много было благоприятных условий для свершения Жанной подвига, в том числе и её собственная склонность к галлюцинациям и определенный дар предвидения.

Знаменитый русский психиатр П.И. Ковалевский писал о том, что у Жанны были настоящие галлюцинации, первую из которых она видела в возрасте двенадцати лет. В видениях ей являлись архистратиг Михаил и святые Маргарита и Катерина в том самом виде, в котором были изображены в церкви Домреми на иконах.

Историки говорят, что родители знали о голосах, которые слышала их дочь. По словам её матери, когда Жанне было пятнадцать лет, отец девочки видел сон, в котором ему было открыто, что его дочь пойдет во Францию с вооруженными людьми. С тех пор Жанна была тверда убеждена, что действует по соизволению Божию.

Жанна утверждала, что голоса она слышала лишь при колокольном звоне, и психиатры делают из этого вывод, что она слышала голоса в колокольных звуках лишь благодаря собственной религиозной и патриотической экзальтированности и необыкновенном воображении.

В основе галлюцинаций лежало мистическое настроение Жанны, недостаточное образование, твердая вера в предрассудки, предания и суеверия, общее политическое положение страны, настроения общества, крайне беспокойная жизнь как всей Франции, так и отдельных личностей в этой стране и искреннее желание девушки осуществить свою мечту и спасти Родину.

Жанна искренне верила в действительность галлюцинаций-видений и была верна им до самой своей гибели потому, что это совпадало с её глубокой верой в Бога и Пресвятую Деву Марию, с её беспредельной любовью к Отечеству, верноподданническими чувствами к королю и желанием помочь стране. Не удивительно, что она смело шла на костер и в бой, ибо все, что она делала, Жанна делала по воле Божией.

Что касается дара предвидения, то историки отмечали, что в легенде о Жанне д'Арк трудно отделить правду от вымысла.

Но как бы то ни было, Жанна д'Арк вошла в историю под именем Орлеанской девы, народной героини Франции и символа всепобеждающей веры и самоотверженности.

### ***Николай Коперник и Джордано Бруно***

Николай Коперник (1473 - 1543) - польский астроном и мыслитель. Он родился в маленьком городке Торунь на берегах реки Вислы в семье купца. В возрасте десяти лет мальчик лишился отца и был отдан на воспитание дяде - епископу Луке Ватцельроду, который дал племяннику прекрасное воспитание.

Коперник учился в Краковском университете, известном своими преподавателями, а потом заканчивал образование в итальянских университетах Болоньи и Падуи.

После окончания образования Коперник вернулся в Польшу и поселился в городе Фромброк, где в одной из башен костела оборудовал себе астрономическую лабораторию. Инструменты для своих наблюдений Коперник изготавливал сам.

Начал он с попыток усовершенствовать канонизированную церковью геоцентричную систему мира, изложенную в «Альмагесте» Птолемея. В те времена считалось, что в центре мира находится Земля, а вокруг нее движутся Солнце, звезды и планеты. Такую систему называли геоцентричной - от греческого слова «гея» - «земля». Коперник же постепенно пришел к созданию новой гелиоцентричной системы мира, согласно которой Солнце, а не Земля, занимает центрально положение, Земля же является

одной из планет, обращающихся вокруг своей оси. Учение было названо гелиоцентричным от греческого слова «гелиос» - «солнце».

Свою теорию Коперник изложил в книге «Об обращении небесных сфер», которую не спешил издавать, ибо знал, что непременно подвергнется преследованию инквизиции. Церковь считала, что неопровержимым доказательством геоцентричной системы мира является Библия, в которой сказано, что Солнце движется вокруг Земли. Но ещё более неопровержимыми оказались расчеты Коперника.

Труд ученого вышел «в свет», как мы теперь говорим, в день его смерти. Изложенное в книге учение Коперника устраняло противоположность земного и небесного, законы природы оказались едиными для всей Вселенной в целом и Земли в частности.

Теория Коперника рассматривалась католической церковью как ересь, и именно поэтому в 1616 году книга Коперника «Об обращении небесных сфер», опубликованная в 1543 году, была внесена в «Индекс запрещенных книг» и оставалась под запретом до 1828 года.

Почему же инквизиторы запретили книгу Коперника через семьдесят три года после её появления? Это произошло благодаря издателю книги богослову Осияндеру, который в предисловии написал, что теория Коперника - не новое объяснение устройства Вселенной, а всего лишь способом более простого и удобного расчета путей движения планет. Невежественные монахи не смогли сразу разобраться в сложных расчетах Коперника и не сразу запретили книгу, положившую основу новым представлениям о мире.

На памятнике Копернику в его родном городе Торуни благодарные потомки написали: «Остановивший Солнце, двинувший Землю».

Что же такое «Индекс запрещенных книг»? Так называется издававшийся Ватиканом в 1559 - 1966 годах список произведений, чтение которых запрещалось верующим под угрозой отлучения от церкви. Издание таких списков являлось одним из способов борьбы католической церкви в антикатолическими воззрениями, с научным и социальным прогрессом.

В «Индекс запрещенных книг» включались тысячи названий, среди которых находились произведения великих писателей, ученых и мыслителей: «Божественная комедия» и «Монархия» Данте, книги О. де Бальзака, Ж. П. Сартра, Абельяра, Спинозы, Канта и многих других. Не повезло и труду Коперника.

Сторонником его гелиоцентрической системы был Джордано Филиппо Бруно (1548 - 1600), итальянский философ и мыслитель, выступивший с учением о единстве и материальности Вселенной.

Бруно родился в семье бедного солдата и в семнадцать лет постригся в монастырь, стал монахом. Однако пробыл Бруно в монастыре всего десять лет, ибо ему пришлось бежать оттуда, опасаясь преследований за свои представления о строении Вселенной и суда инквизиции.

Долгие годы он провел вдали от своей родины, жил в Праге, Лондоне и Париже, где читал лекции и участвовал в научных диспутах. Он был популяризатор идей Коперника и повсеместно рассказывал о них.

Однако Бруно пошел дальше своего учителя. Он развил гелиоцентрическую систему Николая Коперника и выдвинул положение о множественности обитаемых миров.

Но инквизиция преследовала Бруно не только за научные взгляды. Ученый также решительно отвергал представления о загробной жизни, а в религии Бруно видел силу, порождающую войны, раздор и пороки в обществе. Он повергал критике религиозные картины мира и большую часть христианских догматов, отрицал наличие Бога, Творца мира. Такое католическая церковь простить ему не могла.

Бруно был обманом залучен в Италию, где его арестовали и семь лет держали в застенках инквизиции. Мучители предлагали ученому отречься от своих взглядов, однако Джордано Бруно не покаяться и не изменил своих показаний.

Тогда Бруно судили и сожгли на костре в Риме на площади Цветов. Взойдя на эшафот Бруно сказал: «Сжечь - не значит опровергнуть! Грядущие века меня оценят и поймут!»

Ученый оказался прав и на этот раз: в XIX веке на месте казни Бруно был поставлен памятник - человечество действительно по достоинству оценило труды великого мыслителя.

## ***Плагатор Галилей***

Что мы знаем о Галилео Галилее (1564 - 1642)? В любой энциклопедии вы прочтете, что это был итальянский ученый, один из основоположников экспериментально-математического метода в естествознании. Он сделал ряд важных научных открытий в области механики и астрономии. Открытия Галилея подтвердили истинность гелиоцентрической теории Коперника и идею бесконечности Вселенной, физическую однородность земных и небесных тел, существование объективных законов природы и возможность их познания. После выхода в свет сочинения Галилея «Диалог о двух главнейших системах мира - птолемеевой и коперниковой» в 1632 году ученый был подвергнут суду инквизиции и был вынужден отречься от своих взглядов. Однако отречение носило формальный характер.

В 1979 году папа Иоанн Павел II признал, что Галилей был незаслуженно осужден Церковью и дело ученого было пересмотрено.

Таковы сухие факты. Но как дело обстояло в действительности? Можем ли мы восстановить истину и понять, по чьему делу инквизиция не сожгла на костре, как многих других ученых Средних веков?

В своей книге «Занимательная физика. О чём умолчали учебники» Н.В. Гулиа убедительно доказывает, что Галилей удивительно быстро нашёл общий язык с инквизицией. В опубликованных ныне допросах инквизиционного суда написано, что Галилея только «увещевали», а он довольно быстро согласился с этими «увещаниями».

Правда взаимоотношений Галилея с инквизицией и папой Павлом V, который обещал ученому свое покровительство, была установлена в результате целого ряда анализов документов с помощью рентгена, ультрафиолетового излучения и даже специальной графологической экспертизы в 1933 году. Было выяснено, что документы неоднократно исправлялись, подчищались и фальсифицировались. Истина была установлена, но для почитателей Галилея она оказалась нерадостной - ученый никогда не отстаивал своих взглядов и быстро отрекся от того, от чего ему предложили отречься инквизиция.

Кроме того, в XX веке выяснилось, что Галилей присвоил себе изобретение голландского ученого Иоганна Липпершея, который придумал и запатентовал подзорную трубу. Как это случилось? Очень просто. Голландец запатентовал свою трубу в 1608 году, а в 1609 году Галилей «изобрел» свой телескоп и предоставил его в распоряжение венецианского правительства, которое за это пожизненно закрепило за ним за ним кафедру в университете и назначило огромное по тем временам жалование.

Оказалось, что плагиат - кража интеллектуальной собственности - существовала и в те далекие времена.

## ***Данте Алигьери***

А вот великий писатель, итальянский поэт Данте Алигьери (1265 - 1321) был истинным борцом за свои убеждения.

Все знают его «Божественную комедию» - поэму, которая занимает одно из главных мест в истории мировой литературы. Поэма написана от первого лица. Её герой - сам Данте - странствует по кругам Ада, Чистилищу и Раю, общается с душами умерших, однако неземное зачастую оказывается неотделимо от мира реального.

Данте был католиком, верил в Бога и чтит высшее правосудие, обрекшее грешников на мучения в Аду. Но как истинный гуманист он не мог согласиться с порой очень жестокими приговорами Господа, ведь в преисподней часто оказываются души людей глубоко несчастных и достойных. Так, Данте жалеет обжор и язычников, прорицателей и самоубийц. Иногда сострадание его так велико, что он не может сдержать слез. Особенно трогает Данте судьба несчастной Франчески да Римини, попавшей в Ад из-за любви.

Естественно, что подобное осуждение Божественной воли не могло не раздражать инквизицию, которая была тем более недовольна «Божественной комедией», что догмат о Чистилище был введен и утвержден католической Церковью намного позже создания поэмы. Описание путешествия Данте по Чистилищу уже было чистой воды ересью.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что его поэма была немедленно запрещена католической цензурой.

Данте был неугоден католической Церкви ещё и потому, что всегда был активным борцом с папой Римской и принимал участие в политической борьбе во Флоренции. За противодействие папской политике правителя города он был вынужден бежать в 1302 году из Италии и до конца своих дней прожил в изгнании.

В трактате «Монархия» Данте отстаивал идею светской всемирной империи, призванной положить конец политическим распрям, алчности и насилию. Папе Римскому в ней отводилась не роль всемирного диктатора, каким он хотел быть, а лишь духовного руководителя. В XVI веке «Монархия» была внесена инквизицией в «Индекс запрещенных книг».

Трактат был очень актуален во времена Данте, когда итальянские города отстаивали свою независимость с борьбой с папой и немецким императором и превратились в богатые города-республики. Но внутри каждой такой республики не прекращались распри и борьба между горожанами, которые делились на «жирный народ» - богатых - и «тощий народ» - бедных ремесленников. Знатные роды тоже враждовали между собой.

Ещё со времен борьбы с германским императором возникли две партии - гвельфы и гибеллины. Первые боролись с папой и императором, а название свое получили от имени соперников императорской семьи герцогов Вельфов. Гибеллины же были прозваны так по имени родового замка Вейблинга германских императоров из династии Гогенштауфенов и во всем поддерживали политику правящих классов.

Данте принадлежал к партии гвельфов и боролся за независимость своей родной страны. Его заочно приговорили к сожжению на костре инквизиции. Однако когда к поэту пришла мировая слава, Флоренция предложила поэтому вернуться на родину, но при этом предложили такие унижительные условия и отречение от собственных взглядов, что Данте отклонил это предложение.

Последние годы жизни он провел в городе Равенне, где скончался и был похоронен. Флоренция неоднократно обращалась к властям Равенны, в том числе в наши дни, с просьбой перезахоронить прах Данте в итальянской земле, однако Равенна неизменно отвечала отказом.

### ***Ян Гус, Иероним Пражский и Мартин Лютер***

На всей территории Священной Римской империи в Средние века постоянно вспыхивали восстания против католической церкви и папы Римского. В XV веке началась эпоха борьбы за перемены, получившая в истории название эпохи Реформации.

Одним из первых деятелей этой эпохи стал чешский богослов Ян Гус.

Чехия входила в состав Священной Римской империи, хотя, по преданиям, чешское княжество было создано легендарным Чехом. Одной из первых княгинь Чехии была Любуша, мудрая красавица, отстаивавшая независимость своей страны. Вместе с мужем князем Пржемыслом она основала Прагу - чешскую столицу. От них пошла и династия чешских королей Пржемысловичей.

Чехи всегда отстаивали свою независимость, боролись против немецкого господства, но силы оказались неравны, Чехия была побеждена и вошла в состав Священной Римской империи.

Однако борьба за независимость Чехии не прекращалась. В стране были люди, стремившиеся к освобождению родной страны. Одним из таких национальных героев был Ян Гус (1371 - 1415) - проповедник и мыслитель, крупный ученый.

Родился Ян Гус в бедной семье крестьянина в местечке Гусинец в Южной Чехии. Он был очень способным и смог закончить Карлов университет в Праге, в котором стал преподавать, а через некоторое время даже возглавил это учебное заведение, став его ректором.

Оставаясь университетским профессором, Гус с 1402 года стал проповедовать в специально построенной Вифлеемской часовне в Праге, которая превратилась в центр распространения реформационных идей.

Гус обличал продажность католического духовенства, торговлю ими индульгенциями - специальными грамотами об отпущении грехов, по которым можно было получить даже прощение такого тяжкого греха как убийство. Он выступал также против роскоши и богатства духовенства, призывал лишить Церковь собственности и был против немецкого засилья в Чехии.

Эта критика нравилась чешским дворянам-шляхтичам, мечтавшим захватить церковные земли. Поддержал Гуса и король Вацлав IV. Король даже подписал даже так называемый Кутнагорский декрет, превративший Пражский университет в истинно чешское учебное заведение. Руководство перешло в руки чехов, а немецкие магистры были вынуждены покинуть университетские стены.

В 1409 - 1412 годах Ян Гус полностью порывает с католицизмом, ставит авторитет Священного Писания выше авторитета папы. Папа немедленно отреагировал и в 1413 году появилась булла папы, в которой отлучал Гуса от Церкви и грозил отлучить те города, которые предоставят чешскому проповеднику убежище.

Гус был вынужден покинуть Прагу и в течение двух лет жил в замках покровительствующих ему дворян Южной и Западной Чехии. В изгнании Гус написал главную свою книгу «О Церкви», в которой выступал за полную реорганизацию структуры католической Церкви, а также отрицал особое положение папы и необходимость усиления его власти. Но он никогда не отвергал сами догматы - основные принципы - Церкви. В эти же годы Гус завершил перевод Библии с латыни на чешский язык, заложив тем самым основу для создания чешского литературного языка.

Папа Римский потребовал, чтобы Гус прибыл на церковный собор в немецком городе Констанца. Гус, получив охранную грамоту императора Сигизмунда I, решил приехать в Констанц и отстаивать перед духовенством свои взгляды. Однако в нарушении всех обязательств он был схвачен и брошен в тюрьму святой инквизиции, в которой провел семь месяцев. Ему угрожали, его допрашивали, его уговаривали и предлагали отречься от своих взглядов и сочинений. 6 июля 1415 года Гуса в кафедральном соборе Констанца зачитали приговор инквизиционного суда, по которому его, в случае отказа от покаяния и отречения от ереси, должны были отправить на костер. Гус произнес: «Не отрекусь!», после чего его повели на костер, сооруженный неподалеку на площади.

Гуса поставили на несколько вязанок двор и веревками привязали к толстому столбу. Веревки удерживали его тело в области лодыжек, выше и ниже колен, паха, бедер и подмышек. И тут кто-то заметил, что Гус обращен лицом на восток. Восток же в христианской церкви является символ светлого Царства Иисуса Христа, в Которого верует и к Которому в царство стремится церковь. Лицом к востоку погребаются и усопшие. Но так погребают лишь истинных верующих, поэтому Гуса, как еретика, развязали, повернули лицом к западу и вновь привязали к столбу.

Когда огонь уже занялся, по одной из легенд, некая старушка подбросила в костер вязанку хвороста. Она искренне верила, что инквизиция сжигает еретика. Гус лишь воскликнул: «Святая простата!» Эта фраза стала крылатой.

Когда костер прогорел произошла ее одна ужасная и возмутительная сцена. Наполовину обуглившийся труп измельчили на кусочки, кости тщательно разрубили, а остатки и внутренности бросили в новый костер. Когда же все сгорело до пепла, инквизиторы специально проследили, чтобы прах еретика был выброшен в воды Рейна. Святые отцы боялись, что остатки мученика Гуса будут храниться в народе как реликвия. Впоследствии Гус действительно был объявлен святым.

Иероним Пражский (ок. 1371 - 1416), чешский ученый, поддерживавший реформаторские идеи Гуса, его друг, узнав об аресте своего сподвижника, немедленно приехал в Констанц, но также был схвачен и заключен в тюрьму. Пятки и мучительное пребывание в темнице подорвали мужество Иеронима, и под давлением католических священников он отказался от своих взглядов. Но это была всего лишь временная слабостью на очередном заседании церковного собора, когда Иероним должен был подтвердить свои показания и прилюдно отречься от своих сочинений, Иероним Пражский заявил, что никогда более не будет отказываться от своих взглядов, за которые готов умереть на костре. Он подтвердил, что является убежденным сторонником Гуса. Церковный собор в Констанце осудил Иеронима, и 30 мая 1416 года он был сожжен.

После смерти Гуса и Иеронима чешская шляхта взялась за оружие. В стране

вспыхнула война против немецких рыцарей и папы Римского. Папа организовал пять походов против Чехии. В историю эти войны вошли под название гуситских. Последователи Гуса - гуситы - под руководством слепого полководца Яна Жижки применили новую тактику в бою: в ограждение из возов они зманивали конницу противника, а затем неожиданно из возов появлялись затаившиеся там пехотинцы и истребляли врагов. Гуситам удавалось почти во всех сражениях побеждать католическое войско.

В результате гуситских войн на соборе в швейцарском городе Базеле церковью был принят документ, получивший название «Компакты», в котором за чехами признавался определенный ряд прав. Чехи смогли легализовать гуситскую церковь, католическая же церковь потеряла все свои владения в этой стране, которые прешли к дворянству Чехии.

Но у гуситского движения были и отрицательные стороны, ибо оно раскололо страну в религиозном отношении. По словам современников, возник «раздвоенный народ». Этот разлад и привел в начале XVII века к новой гражданской войне.

Однако гуситское движение стало прообразом европейской Реформации XVI века. Его движущей силой был Мартин Лютер (1483 - 1546), немецкий религиозный деятель.

Мартин родился в семье рудокопа. Бедный мальчик в детстве, учась в школе, был вынужден зарабатывать деньги на пропитание пением церковных песен под окнами горожан. Однако ему удалось окончить университет и получить степень магистра «свободных искусств». Лютер хотел изучать далее юриспруденцию, но, испытав острое чувство страха перед гневом Господним, постригся в монастырь. Он был ревностным монахом и очень способным человеком.

В 1512 году он получил степень доктора богословия и стал профессором библеистики в университете города Виттенберга. Изучении Библии привели его к отрицанию основных тезисов католической религии. Он считал, что Божественная благодать может быть достигнута только путем личной веры, а не при помощи неких добрых дел.

В 1517 году Лютер прибил на дверях церкви бумагу с девяносто пятью тезисами, в которых отстаивал свои принципы. При этом он произнес свою знаменитую фразу: «На том стою и стоять буду!»

Обвиненный Римом в ереси, он отказался предстать перед судом инквизиции, а в 1520 году публично сжег буллу, отлучающую его от церкви.

Лютер был основным «создателем» новой веры - протестантизма, которая признавала абсолютный авторитете Библии, единоспасающей «личной веры» и отменяла церковный культ. Лютер считал, что каждый человек может сам обращаться к Богу без помощи священников, а основой веры человека должны быть не указания папы, а Библия. Чтобы каждый мог читать ее Лютер, как и Гус, перевел эту книгу с латинского на свой родной язык - немецкий.

Само слово «протестантизм» произошло от латинского «протестовать», то есть Лютер создал новое течение в христианстве, которое «протестовало» против католицизма и отвергало его. Протестанты выступали против папы и его приказов и навязывания воли и образа жизни.

Довольно быстро после возникновения новой религии Европа разделилась на католически и протестантские. К последним относятся Швеция, Норвегия, Дания, Англия, Голландия и часть Германии.

Интересно, что борьба с инквизицией не прекращается в этих странах и по сей день - правда, в весьма цивилизованной форме. Так, в 2003 году жители Норвегии, чьи родственники были сожжены судом веры как ведьмы и колдуны и чье родство удалось доказать по церковно-приходским книгам, предъявили иск своему правительству с требованием возместить семьям - вернее, и далеким потомкам - сожженных моральный и материальный ущерб.

Мы рассказали лишь о самых известных жертвах инквизиций, но общее число жертв это «святой организации» огромно. Далеко не все они были сожжены на костре, но все были притеснены и ущемлены в правах, всем была нанесена глубокая душевная травма и испорчена жизнь.

Говоря об истории Средних веков и уж тем более об истории инквизиции, нельзя не поразиться массовым истреблениям людей и очень низкой оценкой человеческой жизни и личности.

Люди в невероятных количествах гибли, задыхаясь в дыме и пламени инквизиционных костров, погибали в мучениях в тёмницах и на поле боя. По Европе текли ручьи, реки и едва ли не моря человеческой крови.

Историки даже писали, что степень величия героев была в прямой зависимости от количества пролитой ими крови. Но что ужаснее всего, так это то, что все изощренные жестокости и кровавую резню нередко устраивали во им Создателя и во славу Божию.

Но как же возникла инквизиция и кто был её учредителем?

## **ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИНКВИЗИЦИИ**

Ответственность за преступление, под которым мы подразумеваем создание инквизиции, падает всецело на папу Иннокентия III.

Но прежде чем говорить о преступном папе, необходимо рассказать немного о Юге Франции, центре ереси и отечестве рыцарства одновременно. Только поняв свободолюбивый и, как мы бы сейчас сказали, «истинно романтический» дух, царивший в Провансе, мы сможем понять, почему именно на этой цветущей и прекрасной земле возникло столь ужасное и ужасающее явление как инквизиция.

### ***Окситания и провансальская поэзия***

Под Южной Францией мы подразумеваем всю область провансальского языка и образования, в которую входили не только собственно Прованс, но и смежные с ним северные части Испании и Италии.

Прованс называют также Окситанией или Романией. У нас Юг Франции традиционно именуется Провансо, термин же «Окситания» - поздний и употребляется только с начала XX века.

В Романии возникла и развилась большая часть рыцарских учреждений – турниры, куртуазия, суды любви и служение избранной даме. Отсюда же распространились они на север и восток Западной Европы, постепенно слабая в силе и влиянии на общество по мере удаления от центра рыцарской жизни. Именно на землях Юга Франции возникла и куртуазная поэзия.

Первые семена культуры пали на южное побережье Прованса за 600 лет до н. э. Они были занесены сюда греками-колонистами, которые основали Массалию - современный Марсель. Во II веке до н. э. культура массилиотов удивляла даже римлян, о ней с восхищением пишет Цицерон. И постепенно римляне стали не только посещать Массалию, но и стали посылать туда на обучение своих детей - столь хороши были массалиотские школы. Жителей Массалии в то время называли «треязычными» - trilingues, ибо они в равной степени владели тремя языками - греческим, латинским и галльским.

За пять веков до н. э. Галлия, куда входил и Юг Франции, была покорена римлянами и стала римской провинцией. Её исконное кельтское население подверглось ассимиляции. Народный латинский говор сделался языком её населения. С течением времени единство языка, и без того неполное, стало нарушаться ещё больше, и в разных областях Галлии проявились и стали развиваться местные особенности - возникали диалекты и наречия. С течением времени, с развитием феодализма, привнесившего с собой торжество местных начал, разница между северно-французским и южно-французским языками увеличивалась все более и более. По различному произношению на Севере и Юге Франции утвердительно частицы оба эти говора стали называться своими собственными именами. На севере Франции, отвечая на вопрос утвердительно, говорили oil, из которого вышла французская частица oui. Поэтому и язык северной Франции назывался langue d'oil - язык «ойль». В южной Франции вместо oil говорили os, и потому провансальское наречие, господствовавшее в ней, стало называться языком «ок». Если мы проведем линию от устья реки Севры, отделяющей департамент Шаранты от Вандеи и впадающей в Атлантический океан, до Женева, то отметим приблизительную границу между частями Франции, в которых царил каждый из этих языков.

Но ни Пиренейские горы, ни Средиземноморское побережье Франции не были границами ни языка, ни поэзии французского Юга. Язык «ок» и провансальская поэзия процветали во всей восточной половине Пиренейского полуострова. Провансальское наречие было народным языком в восточной части того полуострова, политические судьбы которого были тесно связаны с судьбами французского Юга, не один раз значительная часть Пиренейского полуострова соединялась в одно целое с Тулузским и Прованским графствами.

Различие между Севером и Югом Франции и сходство последнего с Пиренейским полуостровом было так велико, что один из трубадуров XII века делит население современной ему Франции на французов и каталонцев, под последними же понимает население французского Юга. Конечно, различие между северными и южными французами не ограничивалось только областью языка, но выражалось и в характере населения. Последнее различие сохранилось и до наших дней. На разницу характеров населения Юга и Севера Франции не раз указывали и французские писатели - например, Альфонс Додэ в своем известном романе из жизни провансальцев «Тартарен из Тарасконы». Как считают сами французы, истинному южанину присущи богатое воображение, невероятная находчивость, остроумие и гибкость ума и виртуозное владение родным языком. Он прекрасный рассказчик, он любит и умеет поговорить, он - поэт в душе.

Некоторые ученые говорят даже, что население Франции состоит из двух рас. Одна из них распространена на север от Сены, другая - на юг от Луары, в «промежуточных» же местностях живет смешанное население. Обе эти расы, северная - кельтская и южная - лигурийская, отличаются и чисто внешними, физиологическими особенностями. Однако эта точка зрения является спорной.

Яркость метафор, пылкость воображения, страстность чувств - все это питалось и поддерживалось палящим солнцем и зноем Юга, пышной растительностью, необычайным богатством красок и их оттенков в самой природе. Между хлебными полями и виноградниками здесь возвышались многочисленные богатые города, из которых каждый представлял республику в миниатюре, и много великолепных замков - крошечных подобий императорского двора.

Юг Франции поддерживал тесные связи с Италией, Грецией и Востоком. На Юге вместе с мусульманами были все народности, подвластные некогда Римской империи. Тут говорили почти на всех языках тогдашнего мира. Сюда свозились предметы и первой необходимости, и изысканной роскоши, шёлка и шерстяные ткани Азии и Италии, оружие Дамаска, зеркала, драгоценные камни, золотые и серебряные вещи, восточные пряности и благовония.

Но этот постоянный обмен богатствами сопровождался и обменом идей и знаний. Здесь находили гостеприимный прием врачи и математики, получившие образование в центрах мавританской культуры - в Кордове и Гранаде. Греки завозили на ярмарки Нарбонны и Тулузы не только восточные ароматы и шёлк, но и новые учения, подрывавшие авторитет господствующей церкви. Культура мавров, их тонкая наука, их изящные искусства, их изобретения проникали на полуиспанский Юг Франции. А культура их достигла в короткое время настоящего расцвета.

При завоевании каждого города арабы прежде всего строили мечеть и основывали при ней школу.

Благодаря образцовой системе орошения, в Испании стало процветать земледелие. В то же время необычайно развилась и промышленная деятельность населения.

Большое внимание уделялось и образованию молодежи. Юноши с увлечением занимались науками в Кордове, Севилье, Толедо и других городах, сделавшихся научными центрами. Вообще, начиная с X века, в Испании проявляется необыкновенный интерес к научным знаниям. Образовательные поездки стали почти заурядными явлениями. Многие из халифов собирали книги и основывали знаменитые библиотеки.

Когда и Кордовский халифат разделился на несколько самостоятельных владений, это политическое разделение только способствовало дальнейшему развитию культуры. Отдельные владетели соперничали друг с другом в просвещенном содействии наукам и искусствам.

Таковы были жители Испании, ближайшие соседи провансальцев.

В те времена из-за Пиренейских гор в Лангедок и Прованс переселялись многие сотни ученых евреев – богословов, философов, астрономов, медиков, правоведов. Они переносили с собой в южную Францию и тот свободный философский дух, который лежал тогда в основании тогдашнего арабского просвещения – любовь к философии и жажду исследования. Эта была их отличительная черта. Арабы, в свою очередь, заимствовали её, равно как и запас научных знаний, от ученых александрийских греков. Посредниками послужили еретики-несториане и евреи, которые жили среди тех греков, перенимая от них и их культуру. Особенно сильно воздействовали ученые евреи сначала на евреев Запада, потом и на западных христиан. Поток научных идей, равно как и поток своеобразного философского и религиозного настроения шёл из глубины времен и из далеких стран всевозможными путями, еще плохо исследованными до сего дня.

Цветущие общины южной Франции, владений герцогов Тулузских, получили богатое наследство: они привлекли к себе гонимых еретиков – как из христиан, так и из евреев. По выражению хроника, «тулузские и сен-жильские еретики совсем не понимали того зла, какое может произойти верным католикам, если среди них будут жить люди других убеждений».

Процветало сельское хозяйство - лучшая экономическая основа средневекового общества. На плодородной земле в изобилии произрастали пшеница, проса и привезенная с Востока во время крестовых походов кукуруза. Потоками лилось оливковое масло и вино.

Так было положено основание провансальской культуре с её свободой духа и враждебным отношением к авторитету папы, с презрением к папским посланиям (буллам) и насмешками над высокомерным духовенством и пороками римского двора.

Необходимо отметить ещё одну очень важную особенность жизни Юга Франции. Это борьба с магометанами, происходившая и в самой Южной Франции, и увлекавшая её бойцов в Испанию, которая и воспитала в населении Южной Франции воинственную отвагу. Церковь пошла ей навстречу и благословила её. Так на провансальской почве выросло европейское рыцарство.

Быстро распространилось оно отсюда по всем странам Западной Европы, так как вполне соответствовало понятиям и чаяниям населения. Не забудем, что именно здесь, в южной Франции, раздалась впервые проповедь крестовых походов и отсюда уже охватила всю Западную Европу. Здесь создались рыцарские идеалы. Храбрость рыцаря, его великодушие, его идеалы чести и любви, его набожность и нашли себе выражение в лирических песнях трубадуров.

Рыцарство было новой и могучей силой, и оно ввёл в культуру Окситании особый культ прекрасной дамы. Однако необходимо отметить и влияние испанских арабов на отношение рыцаря к Даме.

Положение женщины у последних было свободнее, чем у других магометан. У них женщины принимали участие во всех сферах умственной жизни. Число женщин, прославившихся научными трудами и поэтическими произведениями, довольно значительно. По этой причине и создано то уважение к женщинам, которое едва ли знал мусульманский Восток. Союз мужчины с женщиной облагораживался здесь духовным сближением.

Такой же свободой пользовалась женщина и на Юге Франции. Здесь женщины могли быть обладательницами земельной собственности и пользоваться в обществе большим влиянием. Среди местных дам было много образованных девушек. Прекрасная дама рыцаря-трубадура была поистине прекрасна.

Рыцарь избирал себе даму, которая отличалась прежде всего молодостью и красотой, а также умом, прекрасными манерами и любезным обращением с людьми. Он избирал её себе как предмет рыцарской любви или служения. Один из трубадуров так изображает эту рыцарскую любовь: «В этой любви есть четыре степени: первая степень - любовь колеблющегося, вторая - любовь умоляющего, третья - любовь услышанного, и последняя - любовь друга. Тот, кто стремится к любви и часто ухаживает за своей дамой, но не осмеливается поведать ей свою муку, по справедливости может быть назван колеблющимся, боязливым. Но, если дама оказывает ему столько чести и так ободряет его, что он осмеливается поведать ей о своей муке, такой человек вполне правильно может быть назван умоляющим. Если умоляющий своей речью и просьбами достигает того, что она удерживает его при себе, дает ему свои ленты, перчатки или пояс, он поднимается уже на

степень услышанного. Наконец, если даме благоугодно выразить свое согласие на любовь поцелуем, она делает его своим другом».

Избранный рыцарь терял свою свободу и становился в зависимость от своей дамы. Зависимость эта напоминала ту, в которую становился вассал от своего сеньора. Рыцарь становился на колени перед своей дамой, клал свои руки в её и клялся служить ей верно до самой смерти и защищать её от всякого зла, от всякого оскорбления. Она же объявляла, что принимает его на свою службу, обещала раскрыть для него свое сердце, вручала ему перстень, поднимала его с земли и дарила ему свой первый поцелуй. Рыцарь носил любимые цвета своей дамы, которые всегда напоминали ему ту, с кем он был соединен клятвой.

Естественно, что союз этот обуславливался свободным согласием сторон. Если рыцарь, обязавшийся служить даме, обладал поэтическим даром, он должен был слагать в честь неё стихи.

На Юге Франции рыцарское звание не было так тесно связано с обладанием землей, как на севере. Таким образом, и самое обладание землей не было здесь принадлежностью феодальных привилегий. Чаще, чем где-либо, рыцарское звание распространялось в Окситании на средние классы и даже на крестьян. Безземельное рыцарство образовало значительное сословие. Свободные от вассальных обязанностей, полные господа в любви и ненависти, они поступали на жалованье к богатым баронам и крупным владельцам.

Именно среди рыцарей и появляются первые трубадуры. «Трубадурами» называют поэтов XII и XIII веков, которые слагали свои песни на провансальском наречии. Трубадуры прославились как лирические поэты, выражавшие в своих, всегда сравнительно небольших, произведениях свое личное чувство или свой личный взгляд на то или другое лицо, на то или другое событие. Они противопоставляли себя авторам рассказов и новелл.

Добрая половина трубадуров принадлежала к рыцарскому сословию, и в числе их было много могущественных феодалов, графов, князей и даже королей.

Поэзия трубадуров пережила три периода:

период возникновения и развития литературных форм в X и XI века,

период расцвета в XII и XIII века,

период упадка и постепенного исчезновения трубадуров в XIV и XV века.

Причина упадка провансальской поэзии заключается в том, что она прошла все стадии своего развития и ей суждено было умереть, как всему живому, естественной смертью, но нашли одновременно с севера и юга грозные тучи, которые ускорили эту смерть.

Романы и лирика трубадуров никоим образом не отвергали религию, но они были опасны для католической церкви, ибо в них утверждались внерелигиозные идеалы любви, чести и достоинства.

Юг Франции со всеми его знаниями и умениями, новой культурой и зародившейся ересью стал опасен для Рима - и Рим немедленно отреагировал. Против Прованса были развязаны жестокие войны.

### ***Религия катаров***

Цветущее состояние Южной Франции было разрушено войнами, которые велись против нее крестоносцами Севера по воле папы Иннокентия III - вот на сцене и появляется наш преступный папа. Его воля была исполнена в точности. Двадцать лет продолжались опустошительные войны, двадцать лет цветущие земли Южной Франции подвергались разорению.

Умиравшая поэзия Юга стала в это время выразительницей злобного и мстительного чувства побежденных. Их неумеренная, как и все страсти, но совершенно понятная нам, посторонним судьям, злоба была направлена против Рима, изрекшего на них анафему, и против северной Франции, взявшей на себя обязанности палача. На этой-то почве и выросло множество едких сатир против "обманов, измен, алчности, пороков и тирании духовенства", против хищной и вероломной жестокости северных французов. В

сирвентах<sup>8</sup>, направленных против Рима, мы встречаем указания на те пороки его, которые вызвали впоследствии великое реформационное движение. Рим обвиняется в политике обмана, в чрезмерной алчности.

Рим же наносил удары Южной Франции не только потому, что она была пропитана альбигойской ересью, но и потому, что там процветала неприятная ему свобода совести.

Король Франции Людовик Святой пытался помочь Югу Франции и хоть как-то облегчить последствия бед, которые обрушились на Прованс по воле и вине его отца и деда. Но разоренные гнезда баронов уже не вернули себе своего бывшего величия, прошлое величие погребено безвозвратно.

Почему же были разрушены баронские гнезда, истреблен цвет рыцарства, растоптана цветущая земля Юга Франции?

Все дело в том, что с древних времен ересь, по выражению монаха-летописца, "свила себе на Юге Франции в Провансе и Лангедоке прочное гнездо". С далекого Востока проникли сюда превратные идеи манихеев<sup>9</sup>, и павликиан<sup>10</sup>, и богомилов<sup>11</sup>, и патаренов<sup>12</sup>, и катаров - так назывались в разных местах "дети одинаково мерзких заблуждений". Передаваясь из страны в страну, от одного народа к другому, из одного поколения и другое, идеи эти, изменяясь и развиваясь, достигли, наконец, Юга Франции, счастливо миновав все заставы и таможни, воздвигаемые им на пути верными слугами папы.

Идеи эти усвоили люди всех сословий; их хранили в своей душе даже могущественные тулузские герцоги, владельцы замков и бароны Нарбонны, Венесенн, Сан-Жиль, де Фуа, Коммен, Альбижуа. Их проповедывали и благородные рыцари, и мирные торговцы, ересь звучала в задушевных песнях провансальских трубадуров и в тихих песнях лангедокских поселян.

Еретики отвергали все книги Ветхого Завета, доказывая, что он уже отменен, а книги Нового имели на своем языке.

Они учили, что Бог один, а не Троица, что причащение и брак вовсе не таинства.

Они говорили, что Христос не "умирал и не воскресал", а слово Божие следует понимать духовно, а не буква в букву, ибо "буква мертва, а дух жив", что в деле религии следует повиноваться одному Богу, а не людям.

Они учили, что Бог создал души человеческие, а облек их плотью не кто иной как дьявол, и люди должны носить плоть свою до тех пор, пока не освободятся от грехов и земных уз. Лишь тогда души вернутся в горнюю обитель, на небеса, а до тех пор будут странствовать и мучиться на земле, ибо катары отрицали и существование ада.

Еретики называли себя "нищими во Христе" и, что особенно ужасно для власть имущих, именно богатство и считали грехом.

Еретики учили не повиноваться властям, побуждала рабов не работать на господ, они считали смертным грехом клятву и божбу, убийство и войну. "Хотя бы за самое святое дело проливалась кровь, - говорили они, - она не угодна Богу".

Наконец, они говорили, что для всех народов - один Бог, один Отец, что все народы - дети одного Отца, что нет ни лучших, ни худших народов перед Богом, но в каждом народе есть дурные и хорошие люди.

Еретики не хотели знать "никакого христианства, кроме евангельского и

---

<sup>8</sup> Сирвента - род поэзии трубадуров, жанр «служебной», а не любовной поэзии. Часто в сирвентах воспевали или проклинали войну, крестовые походы и другие события общественной жизни.

<sup>9</sup> Манихейство - еретическое течение в зороастризме, государственной религии Ирана. Его основателем был пророк Мани. Мани полагал, что наш мир сотворен злым духом и проповедовал аскетизм, целомудрие и отказ от собственности.

<sup>10</sup> Павликианство - еретическое течение, зародившееся предположительно в древней Армении. Павликиане воспринимали земной мир как мир Сатаны, выступали против земных правителей, погрязших в роскоши и пороках, против распущенности духовенства и требовали упрощения церковных обрядов.

<sup>11</sup> Богомилы - христианское еретическое учение, зародившееся в Болгарии. Его возникновение историки связывают с переселением манихеев во Фракию Константином V и с переселением павликиан в окрестности Филиппополя при Иоанне Цимисхии. Богомильские обряды прослеживаются у катаров.

<sup>12</sup> Патарены - участники патарии - религиозного движения против духовенства и сеньоров.

апостольского" и вели простую, строго нравственную жизнь, не хотели знать монахов и епископов, которых считали грешниками и дармоедами, не признавали самого папы, утверждая, что давным-давно "господствующая церковь римская отказалась от истинной веры и сделалась вавилонской блудницей, тою бесплодною смоковницей, которую проклял Иисус и повелел уничтожить".

Таковы были основные принципы «альбигойской ереси», получившей название от города Альби в провинции Лангедок - одного из центров движения катаров, или Добрых Людей, или Старцев.

Историки считают, что катары - это миссионеры, пришедшие с Востока во время Второго крестового похода между 1140 и 1150 годами. Именно в это время святой Бернар Клервосский, активный борец с ересями, организатор и вдохновителем Второго крестового похода, объезжает Юг Франции и с ужасом пишет, что церкви опустели, а в Верфее, одном из крупных замков Тулузского графства, не нашлось ни одного верующего, который захотел бы послушать его проповедь. Можно было сказать, что учение катаров победило учение католической церкви.

Главной же причиной нежелания Романии пребывать под властью Рима была, несомненно, развращенность нравов католической Церкви. Многие епископы посещали свои приходы только для сбора церковных податей. Многие священники, враждуя со своими братьями, отлучали друг друга от Церкви. Многие скрывали свою принадлежность к духовенству и носили мирское платье.

Чем же народ привлекали катары?

Прежде всего тем, что в отличие распущенных католических патеров, ведущих разудалую жизнь, это были люди-аскеты. Они всегда передвигались парами - по двое, пешком, всегда были одеты в черное. Они жили на подаяние верующих, а, когда не занимались миссионерством, то проводили время в мужских и женских домах, очень напоминавших монастыри. Они избегали плотских утех и особенно осуждали супружеские отношения, ибо в результате в темницы человеческих тел могли попасть новые души. Они избегали плотских страстей и утех, а потому не ели мяса. Они верили в перевоплощение и избегали не только убийства любого живого существа, но и любого вида насилия. Они осуждали клятву, ибо нельзя помянуть все имя Господне.

Говоря о ведовстве, мы уже рассуждали о дуализме - раздвоенности - средневекового мира. В учении катаров он тоже проявился. Они считали, что несовершенный земной мир, в котором так много несправедливости, лжи и греха, создан сатаной, который заключил в тела невинные души - создания Бога, которые получают свободу только после смерти человека.

Чтобы перестать блуждать из одного тела в другое, возрождаясь вновь и вновь, следует принять крещение Духом - «Утешение».

«Утешение» можно получить как в последний момент перед смертью, так и в самом расцвете сил. В первом случае обряд проходят люди, слабые духом, не способные отказаться от земных радостей. Во втором - сильные люди, которые и становятся наставниками паствы.

Получившие «утешение» становятся практически монахами. Они обязаны воздерживаться от сексуальных связей и всякой пищи животного происхождения. Им позволено есть только рыбу, ибо у рыбы холодная кровь и «отсутствует духовный жар» - помните русское выражение «холодный, как рыба»? Кроме того, катары верили, что рыбы размножаются само зарождением.

Многие не очень сильные духом люди, как мы уже говорили, принимают «утешения» перед самой смертью. В катаризме имели случаи сознательного умерщвления плоти: человек принимал «утешение», но затем неожиданно выздоравливал. Поскольку катары возражали против любого насилия, то совершить самоубийство - например, принять яд или выброситься из окна - не могли. Но они нашли другой способ уйти из жизни. Они либо отказывались вообще принимать еду, либо принимали очень горячую ванну, а потом ложились на холодные мраморные плиты пола. В последнем случае им была «гарантировано» тяжелое воспаление легких с почти «стопроцентным» летальным исходом.

Надо особо отметить то, что после принятия «утешения» катары с радостью ждали смерть - она освобождала их души из темницы человеческого тела. Именно этой радостью предвкушения душевной свободы и объясняется та готовность, с которой Добрые

Люди всходили на костры инквизиции.

Принявшие же «утешение» добровольно в расцвете сил становились пастырями. Их выделяло из толпы не только черное одеяние, бледный вид и страшная худоба - последствия аскетической жизни, но и то, что они практически никогда не оставались в одиночестве.

Сразу после совершения обряда человеку, которому предписывалось стать катарским священником, «давали» пару - мужчине женщину, а женщине - мужчину. В этом заключался обычай товарищества до смерти, когда двое неразлучных катаров преданно и верно поддерживали друг друга в самых тяжелых моменты жизни.

Особенностью церкви катаров была, по мнению некоторых историков, несколько легковесная мораль для приверженцев Добрых Людей - в противоположность строгому аскетизму самых катарских священников. Мораль для приверженцев полностью соответствовала легким нравам Юга Франции. Поскольку грехи - следствие зла в мире, созданном дьяволом, то и судить за них не стоит слишком строго. Надо лишь покаяться - и получить прощение.

Были и другие особенности катарской церкви. Так, например, отрицая богатство, катары-священники вынуждены были принимать дары от верующих - для самой церкви. О накопленных богатствах катаров ходили легенды. Самое большое богатство было, по преданиям, собрано в замке Монсегюр.

Замок Монсегюр принадлежал сестре графа де Фуа Эсклармонде. Её принятие «утешения» привлекло внимания всей знати области. О Эсклармонде де Фуа в Провансе сложено много легенд, и она до сих пор почитаема. Провансальская поэзия сделала ее королевой замка фей. Ее считали хранительницей величайшей святыни катаров.

Надо сказать, что среди катаров было много представителей знати, и очень много женщин. Они вели себя с удивительным мужеством и, уже не говоря о том, что, принимая катаризм, они отказывались от привычного им с рождения образа жизни в богатстве и неге, с радостью - да, да! именно с радостью - восходили на костер или принимали мученическую смерть.

Так, Гирода де Лавор, сеньора (собственница крупного земельного феода) Лавора, была истинной катаркой. В 1211 году после длительной осады её город и замок были захвачены «войском веры», а саму Гироду «добрые» завоеватели сначала отдали на поругание солдатам, а потом бросили живой в колодец, завалив его огромными камнями. Сеньора Лавора умерла дважды, ибо носила под сердцем ребенка.

Таково было учение катаров и таковы были сами катары.

Наместник святого Петра на земле папа Иннокентий III не мог хладнокровно смотреть на это "погибшее стадо", и мир увидел, как духовная рука папы протянулась к вооруженной и закованной в сталь руке "великого покровителя церкви" – французского короля, и благословила меч, блестевший в этой руке, и, указывая на Прованс, папа сказал королю: «Пора идти на помощь Богу! Тебе известно, возлюбленный сын наш, что светская власть имеет право употреблять меч вещественный, когда духовный не в силах остановить нечестия, что государи должны изгонять дурных людей из своих владений и что Церковь, в случае их нерадения, имеет право отнимать их достояние. Мы просим и увещеваем Ваше величество присоединить все земли еретиков) в Ваше потомственное владение; ты можешь владеть ими ненарушимо. Итак, трудись неустанно и дружно вместе с нами, как и подобает королевскому великолепию, для ускорения этого дела».

Баронам папа сказал: «Вы обязаны верностью и присягой служить королю против всех, кто нападает на королевство, а государство не имеет более опасных притеснителей, как еретики – люди инаковерующие и инакомыслящие. Кто не будет огнем и мечом искоренять еретиков, тот сам еретик. Кто укрывает еретиков, кто не доносит на них, – тот вместе с ними достоин наказания».

В те времена мало кто сомневался в учении католического святого, блаженного Августина, доказывавшего, что еретиков надлежит преследовать, и что насилие необходимо и полезно и благословлено Богом. «Разве не сказано в Писании, – писал Августин, – принуждайте войти всех, кого встретите? Разве апостол Павел не был приневолен насилием со стороны Христа почитать истину? Разве Сам Христос не говорил: "Никто не приходит ко Мне, кого не приведет ко Мне Отец?" Наконец, Сам Бог не пощадил Своего Сына и отдал его ради нас палачам. Значит, – человек, преследующий еретиков, следует Писанию, –

подражает Богу. Начальник же – есть Божий слуга, отомститель в наказание делающему зло».

Мнение святого Августина было мнением господствующим, и, не вникая в его существо, это мнение разделяла и была убеждена в его справедливости не только толпа – "темная толпа, паства, стадо", но особенно же пастыри – люди, возвышавшиеся над толпой.

И слова папы не могли остаться гласом вопиющего в пустыне. Они нашли отзвук и сочувствие и у знати, и у простого народа. Тем более что среди поддержавших папу были много людей, видевших в учреждении инквизиции и борьбы с еретиками выгоду практического свойства.

Папа ничем не брезговал, чтобы воздвигнуть на еретиков огонь и меч. Он писал французскому королю, что христиане - должники евреев, отправляясь на войну против альбигойцев, могут не платить своим кредиторам процентов не только текущих, но и прежних, а уплата капитала, по повелению папы, может быть отсрочена. Он писал, что все отправившиеся на борьбу с катарами, получают полное отпущение грехов. А затем папа разрешил склонять еретиков к сдаче ложными обещаниями.

### ***Гений и злодей Иннокентий III***

Кто же был папа Иннокентий III?

Иннокентий III в миру звался Лотарио де Сеньи и был прекрасно образован: он получил два образования: теологическое - в Парижском университете, а юридическое - в Болонском. Время правления Иннокентий III - пик политического могущества папства.

Он был очень честолюбив и на деле претворил в жизнь идею единого государства, в котором в руках папы сосредоточилась и высшая светская и духовная власть. Он стал верховным правителем всех католиков. Он был прекрасным дипломатом и блестящим руководителем.

Он был необыкновенно умен и объективен, ибо прекрасно видел не только ересь других, но и недостатки собственной организации. Он говорил, что именно духовенство несет главную вину и что именно отсюда проистекают все беды христианского мира. Чтобы успешно противостоять ереси, клир должен пользоваться уважением и доверием в среде верующих, чего он давно уже недостоин.

Все эти качества позволили папе создать настоящую империю, для защиты границ которой были организованы не только крестовые походы, но и Тевтонский орден (1199 год) и орден Меченосцев (1202 год). Братья-меченосцы не отличались нравственностью и присущим монахам смирением и любовью к ближнему. Так, первый же магистр ордена был убит одним из братьев-рыцарей. Но это была не главное для папы. Главное - что ордена ставили своей целью защитить католические Германию и Польшу от славянских и прибалтийских язычников.

Однако скоро распространение христианства для папских посланцев отошло на второй план, а на первый вышел захват новых территорий - прежде всего, прибалтийских. К счастью, соединенные силы литовских язычников и русских христиан разбили меченосцев в 1236 году под Шауляем. В противном случае с прибалтийскими государствами произошло то же самое, что случилось с Югом Франции.

Но если забыть о неудавшихся попытках напасть на русское и прибалтийское государства, в целом завоевательная кампания папы Иннокентий III была очень успешной.

Папа именовал себя не только «наместником святого Петра»<sup>13</sup>, но и «наместников Иисуса Христа». Именно в его время появилась двойная тиара - особый головной убор пап Римских. Тиара символизировала соединение в руках папы двойной власти: духовной и светской. Иннокентий III выступал с доктриной о превосходстве папской власти королевской.

Вначале своего правления он установил папскую власть над Северной Италией, изгнав оттуда императорских чиновников, а в 1198 году стал регентом малолетнего сицилийского короля Фридриха II (1194 - 1250).

Интересен тот факт, что именно при короле Фридрихе борьба между Священной

---

<sup>13</sup> «Наместником святого Петра» папа Римский назывался потому, что, по Священному Преданию, первым епископом Рима был глава апостолов Петр.

Римской империей и папством достигла исключительного ожесточения. Надо полагать, что опекун Иннокентий III, давший малолетнему Фридриху прекрасное воспитание, сумел-таки досадить ему своими доктринами и восстановить его против власти духовной. Фридрих был даже отлучен от церкви и объявлен Антихристом.

Образ воинственного рыцаря, покровителя науки и искусств, борца с папой Римским, императора Фридриха II был столь привлекателен для современников, что после его смерти возникла легенда о том, что он не умер в 1250 году, а скрылся, чтобы появиться в конце времен, реформировать церковь и установить царство всеобщего мира. Во второй половине XIII века в Италии и Германии постоянно появлялись самозванцы, выдававшие себя за почившего императора. Одним из таких самозванцев был Фридрих «Деревянный башмак», который в 1285 году был сожжен инквизицией как еретик.

Но вернемся к папе Иннокентию III.

После подчинения, как мы теперь знаем - на время, малолетнего короля Сицилии папа получил возможность интриговать, надо заметить - необыкновенно талантливо, в Германии, ибо Фридрих II вскоре был избран королем и этой страны.

Потом папа поссорился с королем Англии Иоанном Безземельным<sup>14</sup> и смог подчинить его себе - старым, как мир, способом всех церковников: он отлучил английского короля от церкви, а на саму Англию наложил интердикт - запрещение отправлять богослужения и обряды. Быть может, без церковных служб англичане бы и прожили, хотя и это весьма сомнительно, а вот существовать без свершения крестин, похоронных обрядов, венчания и причащения люди не могли. Кроме того, папа призвал христианских рыцарей отправиться крестовым походом на Англию. А потому хитрому, но абсолютно бесталанному Иоанну ничего не оставалось, как примириться с папой. Англия была отдана церкви в лен, а сам Иоанн объявил себя вассалом папы. Вассалами церкви за короткое время признали себя и короли Португалии, Арагона, Венгрии, Дании и даже - на короткое время - царь православной Болгарии Калоян.

### ***Альбигойские войны***

Как вы уже поняли, Иннокентий III был очень умным, хитрым, изворотливым политиком, прекрасным дипломатом и очень решительным человеком. Именно такой папа и мог учредить святую инквизицию. Королей и страны он подвергал отлучению и индикту, если не помогало - объявлял крестовые походы, а затем дело дошло и до физического уничтожения непокорных - то есть, еретиков.

Первые его усилия были направлены, как мы уже говорили, против альбигойцев, ересь которых сильно укрепилась на Юге Франции.

Заметив, что ересь катаров не поддается никаким увещаниям и пренебрегает папскими буллами, недовольный, к тому же, способом борьбы, применяемым против неё епископами, он принял решение послать в зараженные местности особых комиссаров, уполномоченных искоренить то зло, против которого епископы (до этого времени лишь епископы имели право на искоренение ереси) оказались бессильными.

Папа в 1203 году поручил Пьеру де Кастельно и Раулю, монаху из Сито в Нарбонской Галлии, в своих проповедях вести борьбу против альбигойской ереси – что ими и было успешно исполнено. Ободренный этой первой победой, папа решил наконец привести в исполнение свой проект и ввести в католическую церковь институт независимых от епископов инквизиторов, которым, как делегатам папского престола, было бы поручено преследование еретиков.

В обязанность комиссаров входило именем папы, короля Франции Филиппа II и старшего королевского сына Людовика призывать графов, виконтов и баронов всего королевства к преследованию еретиков, и, в награду за их услуги, давать им индульгенции.

Трем папским комиссарам были даны неслыханные полномочия - они обладали всей полнотой власти в провинциях Экс, Арль, Нарбонны и во всех тех епископствах, где находились еретики.

Король Франции отнесся к этому призыву весьма холодно и воздержался

---

<sup>14</sup> Иоанн был прозван Безземельным потому, что не смог удержать владения своей династии Плантагенетов на континенте - прежде всего, Францию.

принять участие в этом крестовом походе, так же как графы Тулузский, Фуа, Безье, Каркассон и Коммэнж, отказавшиеся изгнать из своих владений большое количество спокойных и покорных подданных, ибо их изгнание было бы настоящим разорением для всего края. С другой стороны, епископы, недовольные ущемлением своих прав, тоже чинили всевозможные препятствия появившимся комиссарам-инквизиторам.

Посланники папы действовали слишком решительно - и в результате их вовсе не миротворческой деятельности папский легат Пьер де Кастельно был убит.

Папа не смог снести подобного оскорбления и организовал второй крестовый поход против еретиков, прежде всего, против Раймонда VI, графа Тулузского, которого он считал покровителем альбигойцев.

В 1209 году огромные силы крестоносцев во главе с бароном Симоном де Монфором ворвались в Лангедок. Решающую победу они одержали в 1213 году при Мюрэ.

Голосу папы вняли рыцари и бароны и все те, кто жил грабежом и войною. Они были в войске де Монфора. Аппетиты благородных рыцарей разыгрались. Многих прельстила возможность разбогатеть так быстро и так просто: стоит лишь взять да и отнять все добро у тех, от кого отнимать дозволено и во имя Христа, и во имя короля.

Поэтому поход сопровождался грабежами и резней мирного населения. Печально известна резня в Безье, произошедшая 22 июля 1209 года. Жители крепости не захотели выдать Добрых Людей - альбигойцев, и «войско веры» взяло город, а его население было перебито до последнего человека. Только в одной церкви города было убито около 7 000 человек.

Ужасно? Конечно, тем более что убивали везде, даже в Доме Божиим - храме, в стенах которого все древних пор люди искали мира. И ещё ужаснее слова папского легата Арно-Амальрика, который приказал: «Убивайте всех, Бог признает своих!» Слова, поражающие своей первобытной жестокостью, были произнесены человеком, который должен был бы проповедовать мир на земле, а вместо этого «санкционировал» массовое убийство мирных людей, намериваясь посеять ужас в стране, чтобы было легче ею овладеть. Можно ли удивляться, что «защитники» католической веры возбуждали в населении Юга Франции ненависть и желание сражаться с ними, несмотря на заранее предreshенный исход этой неравной борьбы?!

Большая часть захваченных земель досталась Симону де Монфору - так церковь вознаградила его за труды праведные - избивание тысяч несчастных и ни в чём не повинных людей.

В 1224 году в войны с альбигойцами вмешался король Людовик IX и в 1229 году присоединил к своим владениям Тулузское графство и ряд прибрежных земель. Волнения еретиков подавлялись им немедленно.

### ***Таинственный Монсегюр***

Однако последний оплот катаров - крепость Монсегюр - был взят в 1244 году - почти после девятимесячной осады! Мы уже упоминали о его владелице графине де Фуа и о несметных богатствах катаров, хранившихся в его стенах.

Монсегюр был прекрасно укрепленным замком, стоявшим на вершине горы. Для Добрых Людей он был пристанищем, в котором они могли обрести покой после своих многочисленных поездок по стране.

Но Монсегюр был и символом - святым ковчегом, настоящим замком Монсальват из легенд о короле Артуре, замком, в котором хранился святой Грааль.

Знаменитые же «материальные» сокровища Монсегюра - золото и драгоценные камни - исчезли. Осажденные катары смогли вывезти сокровища во время осады и спрятать их в пещерах Сабарте, где позднее укрылись последние катары. С тех пор об этих сокровищах ничего не известно, хотя попытки отыскать их неоднократно предпринимались, в том числе в наши дни.

Известно также, что уже во время двухнедельного перемирия, заключенного между войсками инквизиции и катарами, четверо Добрых людей покинули Монсегюр, вывезя ещё некое сокровище. Предполагается, что это было сокровище «духовное», которое сохранялось в замке до конца осады и которое спасли лишь в последнюю минуту. Историки

предполагают, что сокровищем был Грааль.

Священный Грааль - чаша, в которую, по преданию, собрал кровь распятого Иисуса его ученик Иосиф Аримафейский, или чаша, из которой Христос причащал апостолов на Тайной вечере. Грааль хранится в невидимом замке Монсальват и показывается лишь достойному из достойных, ибо являет собой символ нравственного совершенства. Грааль приносит вечную молодость, счастье, утоляет голод и жажду.

В «Парсифале» Вольфрама фон Эшенбаха (конец XII - начало XIII века) Храм Святого Грааля стоит на ониксовой горе, стены его сложены из изумруда, а башни увенчаны пылающими рубинами. Своды блистают сапфирами, карбункулами и изумрудами. Сам Грааль, по мнению миннезингера, - это камень из короны Лицифера, падшего ангела, превратившегося в князя тьмы.

В средневековой Европе «граалями» именовалось несколько потиров (чаш). Существовала также легенда, что чаша Грааля хранится где-то в Азии и охраняется рыцарями ордена Храма, организованного по типу рыцарских монашеских орденов.

По одной из легенд, когда Монсегюр был в опасности, под стенами его собрались неисчислимые рати Люцифера. Им нужен был Грааль, чтобы заключить его в корону властелина, из которой он выпал, когда падший ангел был повержен с небес на землю. В момент наивысшей для Монсегюра опасности с неба явился белый голубь - символ Святого Духа - и клювом расщепил находящуюся неподалеку гору Табор. Эсклармонда, хранительница Грааля, бросила бесценную реликвию вглубь горы. Гора сомкнулась, и Грааль был спасен. Когда воины дьявола ворвались в замок, они поняли, что опоздали. В гневе они предали всех Добрых Людей огню на Поле костров, но Эсклармонда поднялась на вершину Табора, обратилась в белую голубку и улетела в горы в земной рай.

Грааль для Церкви католиков был символом ереси, и именно поэтому она столько сил положила на организацию крестового похода против катаров. Кстати, поход этот был первым и единственным походом, направленным против христиан.

Историки отмечали, что крестоносцы вели себя с жестокостью, которая не имела себе равных, даже с учётом суровых нравов эпохи и религиозного фанатизма. Объясняя зверства инквизиции и крестоносцев, исследователи пишут, что они были вызваны угрозой самого существования Церкви, которое представляло собой быстрое распространение катаризма в Романии. Кроме того, большая часть ученых склоняется к мысли о том, что католическая Церковь стремилась любой ценой вырвать у окситанских катаров некое тайное знание, заключенное в Граале. Согласно преданию, катары утверждали, что власть человека над природой и над самим собой может стать безграничной, что бессмертие и контроль над силами природы в его власти и что все, происходящее во Вселенной, может быть ему известно.

Последние открытия в области психологии достаточно убедительно свидетельствуют о том, что существует высшее состояние сознания, отличное от сна и бодрствования, - состояние, в котором интеллектуальные способности человека многократно возрастают.

Гениальность - это лишь один из этапов того пути, который предстоит пройти человеку до полной реализации всех своих способностей. Известно, что в повседневной жизни мы не используем и десятой доли возможностей нашего внимания, памяти, интуиции. Если бы до нашего времени дошли фрагменты тайных знаний древних цивилизаций о материи и энергии, то они неизбежно были бы выражены на языке символов, понятном лишь для немногих посвященных. Ученые предполагают, что одним из таких символов и был Грааль. Так ли это, предстоит понять в будущем.

На сегодняшний же день историкам удалось доказать, что замок Монсегюр имел сложную и последовательную символику и был построен в соответствии с правилами астрономии. Он был, по сути, своеобразной астрономической лабораторией, подобной Стоунхенджу в Британии.

Катары смело защищали свой замок, который одновременно был и храмом Грааля. Они всегда видели перед собой смерть на костре инквизиции и считал этот мир адом. Когда же большая часть гарнизона Монсегюра приняла «утешение», они умерли для земной жизни, а потому с радостью встречали смерть как избавление. Именно искренней верой и стремлению к свободе и объясняется легкость, с которой катары принимали приговор инквизиции после падения Монсегюра.

Гибель замка Грааля стало смертельным ударом для катаров, однако не положило конец их сопротивлению. Убежищем для последних катаров стали леса и горные пещеры. Чтобы добраться до несчастных, инквизиторы предприняли попытку уничтожить густые заросли ежевики и утесника. Это ответственное дело поручили некоему Бернгарду, которого народ немедленно окрестил Рубщиком кустарника. Но, в соответствии с прованской легендой, он нашёл свою смерть на виселице.

Чтобы облегчить поиски еретиков, «добрые» инквизиторы стали натаскивать на них псов. Катаров травили в их родных горах, как диких зверей.

В 1325 - 1328 годах 500 катаров укрылись в пещере Ломбрив на левом берегу Арьежа. Там находилось святилище, алтарь которого представлял собой огромный плоский камень, густо поросший свечами сталактитов. Беглецы почти не выходили наружу, ибо свирепствовавшая инквизиция окончательно убедила их в том, что земной мир - порождение сатаны.

В 1328 году сенешаль короля Франции во главе большого военного отряда прибыл к пещере. Заметив их, катары предприняли попытку скрыться, взбираясь по отвесным склонам пещеры в верхний скит по лестницам, которые потом втаскивали наверх. Сенешаль, которому не удалось схватить Добрых Людей, приказал замуровать вход в пещеру. 500 человек умерли медленной смертью от голода и жажды.

Трагедия Ломбрива положила конец существованию церкви катаров.

### ***Псы Господни***

Во время первого похода в Окситанию сотни тысяч людей были вырезаны. Оставшиеся в живых признали власть папы и короля. Могущественные владельцы отдали себя, всех баронов и людей своих, и всю землю свою в полную волю возлюбленного господина своего, славного короля французов.

Но вот что было для папы особенно неприятно: еретиков сжигали, а ересь оставалась. Мечи и копья её не искоренили, а лишь загнали куда-то глубоко-глубоко в души тех, кто спасся от меча. Кровь и гонения не разубедили еретиков в их учении. "Одно дело меч и гонения, – говорили они, – а другое дело - истина". И все глубже и глубже хоронили они в себе свои искренние убеждения.

Впрочем, папа не оставлял в покое и души людей. Его духовный меч искал способы победить душу и овладеть ею. А за мечом духовным в душу человека вслед гнался меч стальной.

Испанский проповедник и подвижник, монах, святой Доминик, учредитель особого монашеского ордена и изобретатель четок, предложил, а папа благословил устроить особое судилище для искоренения ереси. Так возник святой трибунал - Sanctum Officium, т.е. инквизиция, и "святое дело искоренения ереси" было предоставлено монахам ордена святого Доминика.

На столь святое и полезное для государства дело, разумеется, тот час же отыскались и большие средства. Один богатый человек, тулузский гражданин Челлани, проворачивавший выгодные дела и с духовенством, и со светскими властями, тотчас же откликнулся на призыв святых отцов доминиканцев и подарил им прекрасный обширный замок, так называемый Нарбоннский дом, и этот дом тотчас же сделался главным и центральным гнездом святого судилища.

Нарбоннский дом был старинный и мрачный замок, и вид его вполне соответствовал святому судилищу. Над воротами замка тотчас же прибили надпись "Дом инквизиции". На том же здании появился и герб доминиканского ордена – изображение голубя, несущего в своем клюве символ мира - масличную ветвь. Злой насмешкой казался и этот голубь, и эта масличная ветвь тем еретикам – жителям Тулузы, которые ещё осмеливались считать "святое, благочестивое судилище" вовсе даже не святым и не благочестивым. Вскоре подобные же судилища стали учреждаться и в других городах Южной Франции.

Вот какими словами оправдывал их возникновение сам святой Доминик: "Сам

Иегова<sup>15</sup> исполнял обязанности инквизитора, когда громил возмущившихся против него ангелов. Сам Иегова продолжал поступать так и здесь на земле, когда наказывал тех безумцев, которые создали вавилонскую башню Вавилонскую<sup>16</sup>. Затем Бог передал то же святое дело инквизиторства апостолу святому Петру, и тот прежде всего применил кару против Анания<sup>17</sup>. Первосвященники же римские – папы – непосредственные преемники святого апостола. От этих преемников и получают свою власть и свои права над людьми и святой Доминик и другие монахи его ордена. А если и сам Бог тоже был инквизитором, и к тому же ещё таким жестоким, почёму бы и людям не подражать ему?"

И правда, как же не признавать за святым трибуналом полного права делать и с телами и с душами людей что угодно, если только признать это право и за теми, кто повыше их?

"Не будучи достаточно сильны, чтобы остановить поношение Создателя, – так пишет папа настоятелю-доминиканцу, – но желая прекратить эту опасность гибели для душ заблудших, мы просим, убеждаем и приказываем сим апостольским посланием, дабы ты тех из братьев, вверенных тебе, которые научены закону Господню и которых ты признаешь склонными к этому делу, разослал по равным сопредельным местам твоего надзора, дабы они поучали клир и народ общему проповедью, где сочтут её удобною. Пусть для основательного исполнения этого дела они изберут себе разные местности и займутся с особенным старанием еретиками и отлученными. Если же виновные и заключенные, будучи допрошены, не захотят вполне подчиниться приказаниям церкви, то пусть тогда братья исполняют относительно их наши справедливые постановления против еретиков, вновь обнародованные, направленные на укрывателей, защитников и покровителей еретиков, действуя, однако ж, в пределах этих постановлений".

Доминиканцы были призваны "действовать"; местные же епископы, светские власти и люди всех состояний были призваны "содействовать". Епископам было внушено, что они могут заседать на суде рядом с инквизиторами если они сами того пожелают, а светским властям предоставлено было право посылать в трибунал своих уполномоченных, заседателей "ассессоров" и получать треть имущества осужденных еретиков.

Статуты против еретиков, то есть истинный устав инквизиции, были написаны заранее; они разрешали доминиканцам с помощью пыток и тюрем заглядывать в самую глубину души каждого католика, искать там ереси и лжеучения и, найдя, искоренять таковые. Статуты, и ещё больше, сама судебная практика давали инквизиторам широкие полномочия, а именно: осуждать невинных и оправдывать виновных, если то будет полезно по высшим церковным и государственным соображениям. Это был предел их полномочий, но до более широких пределов люди не додумались и до сего дня...

И инквизиция скоро дала себя знать. Получив право читать во всех душах, доминиканцы очень быстро открыли во всей стране огромное число нераскаившихся еретиков. Правда, инквизиторы в большинстве случаев не могли доказать ереси многих обвиняемых, но наглядных доказательств от них и не требовалось. Для обвинения достаточно было того, чтобы инквизитор был убежден в ереси некоего человека – и он уже имел возможность наказать подозреваемого, не доказывая его вины.

Самое ужасное, что инквизиторы не оставляли в покое не только живых еретиков, они не гнушались и преследованием мертвых, что особенно возмущало население Прованса и Лангедока. Если умерших уличали в ереси, то агенты инквизиции производили эксгумацию их останков и публично их сжигали. Эти омерзительные расправы не раз вызвали народные волнения в Тулузе и Альби.

---

<sup>15</sup> Иегова - одно из имен Бога.

<sup>16</sup> Вавилонская башня, по библейским преданиям, была построена представителями разных племен, которые решили воспротивиться решению Господа о рассеивании а рабстве потомков Хама, который был непочтителен к отцу своему Ною, за что был отцом проклят. Вавилонская башня задумывалась как цент всех племен и знак их равенства. Люди в те времена, по преданию, говорили на одном языке, потому и смогли договориться о строительстве башни. Господь же смешал их язык так, что они не смогли общаться друг с другом и были вынуждены прекратить строительство башни.

<sup>17</sup> Ананий - по библейским преданиям, один из обратившихся в христианство вследствие проповеди апостолов. Когда последователи Христа, владевшие землями, продавали их и приносили вырученные деньги апостолам, Ананий, продав имение, утаил часть денег и солгал апостолу Петру. Обличенный в тяжелом грехе лжи святому апостолу, Ананий пал бездыханным.

Личность Доминика де Гусмана (1170 - 1221) тоже очень интересна и противоречива. Как известно, историю делают сильные личности. Так вот этот испанский монах из дворянской семьи как раз и был той самой сильной личностью.

Прежде всего, он был умен и умел трезво оценивать ситуацию и смотреть правде в лицо. Когда он был послан в Лангедок для борьбы с ересью альбигойцев, то, в отличие от других представителей церкви, не стал кичиться своей властью, чтобы деморализовать противников и укрепить колеблющихся, не стал окружать себя роскошью и не стал свысока относиться к еретикам.

Прежде всего он посоветовал легатам ходить по дорогам Юга Франции без всякой роскоши - пешком и без охраны, всего по двое, как, собственно, это и делали проповедники катаров. Именно он основал нищенствующий орден Братьев-проповедников для борьбы с еретиками. Члены этого ордена должны были иметь глубокую богословскую подготовку, для того чтобы воздействовать на прихожан силой проповеди и вести диспуты с колеблющимися. Сам Доминик окончил Валенсийский университет. Кроме того, члены ордена должны были воздействовать на верующих силой личного примера - опять же, как катары.

Не вина святого Доминика, а его канонизировали в 1234 году, в том, что он не смог завоевать сердца жителей Юга Франции. Он воздействовал на умы, но не мог затронуть струны души верующих. Бесспорно, он иногда торжествовал в диспутах.

Бесспорно, он вел очень строгий образ жизни - не менее строгий, чем Добрые Люди.

Бесспорно, он искренне верил и также искренне сражался за свою веру - он без страха в сопровождении одного только монаха пускался в дальние путешествия по дорогам южной Франции, население которой было преимущественно критически настроено по отношению к католической церкви.

Несомненно и то, что он был почитаем большей частью французов, которые тысячами стекались на его проповеди, а после окончания службы стремились оторвать хоть крошечный кусочек от рясы Доминика, которого искренне считали святым.

Но вряд ли мы можем восхищаться сегодня методами его борьбы с еретиками, которых он «обращал» не только проповедью, но и пламенем костров. Он не раз призывал крестоносцев уничтожать инакомыслящих физически. Станный - по крайней мере, если не сказать возмутительный - призыв для слуги Божьего, не правда ли?

И именно Доминик создал орден, которому папа Иннокентий III поручил вершить суд над еретиками. Именно доминиканцы и стали настоящими инквизиторами.

В 1215 году Доминик прибыл на Латеранский собор, где рассчитывал получить согласие папы на утверждение своего ордена, но собор принял постановление, запрещающее создание новых орденов. Тогда коварный Иннокентий III посоветовал Доминику использовать один из уже действующих монашеских уставов. И Доминик взял устав Августина. В 1216 году созданный им устав был утвержден папой Гонорием III. Этот же папа сделал эмблемой ордена собаку с горящих факелом в зубах, откуда у ордена святого Доминика возникло ещё одно название - «псы Господни» (*domini canes*).

Здесь будет уместно вспомнить легенду, по которой матери Доминика, испанской дворянке Хуане де Аза, приснился незадолго до рождения сына удивительный сон: будто бы она носит под сердцем собаку, которая затем является на свет Божий с горящим факелом в пасти и предаёт огню весь мир. Когда же Хуана родила совершенно нормального ребенка, которого при крещении священник нарек именем Доминик, его крестной матери также было чудесное видение. Она увидела на челе младенца крутящуюся звезду, своим блеском озаряющую мир. Легенда стала явью - мальчик вырос, сжег огнем и мечом почти всю Европу, основал орден Псов Господних и стал известен во всем мире.

В 1220 году доминиканцы отказались от владения собственностью, но мы должны помнить, что за босыми ногами и «голыми» руками доминиканцев стояла могущественная римская церковь. На деле страждущие и нищие монахи оказывались сильнее и богаче любого короля Европы.

Преемник Иннокентия III, Гонорий III принял все меры к процветанию этого ценного ордена, и в скором времени его можно было найти во всех христианских государствах, главным образом в Италии, ибо в Испании инквизиция появилась лишь несколько лет спустя, примерно в 1232 году, несмотря на то, что доминиканцы упрочились в

этой стране раньше этого времени.

В 1224 году инквизиция уже действовала в Риме, куда проникла ересь, и император Фридрих II, вследствие увещаний папы, объявил в Падуе конституцию, пункты которой мало отличались от постановлений, принятых на соборе в Латеране, под председательством Иннокентия III.

20 апреля 1233 года папа Григорий IX основал всеобщую инквизицию в провинциях Бордо, Бурж, Нарбонн и Ош и вверил её доминиканцам. Этот акт вполне можно рассматривать как узаконенное рождение инквизиции в том виде, в каком она долгое время существовала в Европе.

Григорий IX сохранил за доминиканскими монахами должность инквизиторов и дал им в сотрудники францисканцев. Тем временем новые соборы, созданные в Тулузе, Мелене и в Бозье, были заняты наделением своих судей всеми необходимыми полномочиями и снабжением их всеми средствами для удачного выполнения их священных обязанностей.

Сущность законов инквизиции заключалась в следующем:

"Все жители, в возрасте – для мальчиков от четырнадцати и для девочек – от двенадцати лет, должны дать клятвенное обещание, что они будут преследовать еретиков; а в случае отказа, с ними будут обращаться как с подозреваемыми в ереси.

Те, которые не будут являться в трибунал для покаяния три раза в год, будут одинаково считаться подозреваемыми в ереси.

Все дома, служившие еретикам, будут уничтожены.

Все имущество еретиков и их соучастников будет захвачено, причём дети их лишатся права получить из него хотя бы малейшую часть.

Добровольно обращенные еретики не имеют права жить в той же местности.

Они обязаны носить на своей одежде два желтых креста, один на груди, второй на спине, для отличия их от других католиков.

Наконец, ни один мирянин не имеет права читать Евангелия иначе, как на латинском языке".

Церковь не была удовлетворена тем, что ее власть распространяется только на живых. Мертвым тоже не удалось избежать «Мировой руки», как иногда называли инквизиционные суды. Пример приговора умершему еретiku в 897 году дает папа Стефан VII, который велел выкопать труп своего предшественника папы Формоза, объявил его еретиком, приказал отсечь ему два пальца правой руки, которыми обычно папы благословляют верующих, и велел бросить обезображенное тело в Тибр. Однако верующие выловили труп святого отца из реки и предали его земле. По папы все не успокаивались через некоторое время в 905 году другой папа - Сергей III - снова выкопал труп несчастного Формоза, облачить труп в папские одежды, посадить на престол, обвинить в ереси, торжественно вынести приговор, обезглавить, отрезать три оставшихся на правой руке пальца и снова бросить в Тибр. Вановь верующие выловили из реки останки папы-еретика и принесли в собор Святого Петра. И тут уж перед папой Формоза были вынуждены склонить лики святых и приветствовать его со всеми почестями, ибо невиновность его была признана - Господь неизменно возвращал папу в Церковь.

Инквизиторы, следуя примеру пап, тоже не стыдились откапывать трупы еретиков и действовать так, как будто они все еще живы. Трупы сжигали, а пепел развеивали по полю. Если же светские власти, которые одни только могли приводить приговор в исполнение, ибо по церковному уставу ни одним священнослужителем не мог причинить вреда человеку, отказывались или не торопились эксгумировать еретика, то им грозило отлучение от Церкви или, того хуже, обвинение в ереси.

\* \* \*

После учреждения и укрепления во Франции и в Италии, инквизицию оставалось только провести в Испании, что Григорий IX и не замедлил привести в исполнение.

Что же касается папства, то оно, достигшее своего высшего развития при Иннокентии III, вскоре после его смерти уже стало клониться к упадку. Правда, оно по-прежнему гордилось своим могуществом, но для многих было очевидно, что в это

могущество народы верили все меньше и меньше. Все видели, что крестовые походы, начатые по почину пап ради освобождения Гроба Господня, не удались, словно сам Бог пожелал не допустить, чтобы эта святыня досталась людям, только именуя себя "христианами". Значит, Рим не так близок к небу, как он говорит. Когда же папы заявили, что неудачи крестовых походов – наказание за грехи христиан, тогда глаза мыслящих людей обратились на Рим и стали следить за его собственным поведением.

Католический мир мало-помалу стал разочаровываться в Риме – чем дальше, тем больше. Ни один год, ни один день, ни один час не проходили для народного сознания бесследно... Одни смеялись над Римом и распевали песенку, что Рим за деньги делает с Христовым учением все что угодно.

Трубадур Монтаньягу писал: "Если послушать их, так они не хотят ничего, а если посмотреть на них, так берут все". Английский поэт Мэн острит: "У папы сердце лежит больше к серебряным маркам, чем к евангелисту Марку".

Другие искали "новой веры". Сколько ни старались папы направить внимание верных католиков на жизнь загробную, а себе оставить господство в этой, – с таким разделом народы мирились все хуже и хуже. Движение против господствующей церкви проявилось в разных странах. Во Фландрии и Франции секта богочеловеков учила, что папа – антихрист, что можно спастись и без посредничества духовенства и святых, – для этого нужно лишь слиться душой с Богом. Появились и быстро распространилось "Вечное Евангелие", написанное одним калабрийским монахом, который в этой книге доказывал, что "вот уже настает воплощение Святого Духа во всем" и что "Святой Дух начнет свое дело с того, что уничтожит католичество с папой антихристом во главе". Амальрих Бернский проповедывал "Вечное Евангелие" в самом Париже.

В Нидерландах и Германии распространялась новая секта братьев и сестер Свободного Духа и бегинов и бегинок.

Университеты были переполнены людьми, неудержимо стремившимися к образованию. Этого стремления никто не мог остановить, хотя многие и хотели бы сделать это. Учение Аверроэса преподавалось профессорами с высоты кафедр. Здесь и там появлялись сочинения, стремившиеся показать истинное значение папы. В Германии миннезингер Фогельвейде пел: "О, Небесный Отец, хранитель Твоей сокровищницы, папа – вор; твои пастыри – волки, жрущие овец; твои судьи и другие власти – атаманы разбойников и убийц".

Но впереди других в этом отношении стояли провансальские трубадуры. Они пели: "Все пророки идут из Рима, этого царства золота. Приглашаем всех христиан уничтожить эту червоточину. Они слывут пастырями, но на деле это обманщики, грабители и убийцы. Чем выше кто стоит, тем хуже; чем меньше в них правды, тем больше их ложь; чем меньше знания, тем больше коварства; милосердия у них нет совершенно. Никто ещё не восставал так против Бога, как эти патеры восстают с древнего времени. Я не дерзну и рассказать о том, что они дерзают даже делать. Знатность не в породе, а в доброте сердца и в храбрости".

Жестокости, совершенные над альбигойцами, не заставили трубадуров замолчать, и никого не убедили в непогрешимости папы. Они только усилили негодование против Рима.

Правда, провансальские еретики были принесены в жертву, и жертва эта была кровавая, но она не пропала бесследно: пятно альбигойской крови до сего дня не смыто с Латеранского дворца – жилища папы...

## **ФРАНЦИСКАНЦЫ, ТАМПИЕРЫ, ГРААЛЬ И ИНКВИЗИЦИЯ**

Историки неоднократно отмечали, что католическая Церковь в Средние века была удивительно бесстыдна и агрессивна, лила кровь и почти не задумывалась о впечатлении, которое она производит на окружающих - свою паству.

Даже главы Римской церкви, папы, нисколько не стеснялись убивать своих конкурентов и активно привлекали к этому позорному действию инквизицию.

При папе Иоанне XXII состоялся один процесс, затем не раз повторенный инквизицией. Папа был сыном мелкого французского ремесленника из Кагора, города к северу от Тулузы и, по неизвестным нам причинам, люто ненавидел епископа своего

родного города. Став папой, Иоанн не забыл о ненавистном священнике и сместил прелата с занимаемой им должности, судил его и приговорил к пожизненному заключению. Но, не успокоившись на достигнутом, мстительный папа обвинил епископа в том, что тот затеял заговор против него - самого Иоанна XXII, и вновь предал суду инквизиции, который вынес ужасающий приговор. С живого прелата содрали кожу, а затем сожгли.

Когда изучаешь историю папства, времена возникает крамольная мысль, что многие из пап были настоящими садистами. Так, папа Урбан VI в 1385 году повелел схватить шестерых кардиналов, составивших против него заговор. Инквизиторы арестовали кардиналов, бросили их в тюрьму и применили к ним полный арсенал пыток. Мучения же своего самого ненавистного врага кардинала Венецианского папа доверил бывшему пирату, которого сделал приором Сицилийского ордена иоаннитов. Ему было приказано так пытать кардинала, чтобы прогуливающийся под окнами Урбан VI мог слышать крики мучимой жертвы. Весть о неслыханном поведении главы католиков облетела Европу, и на помощь кардиналам поспешил Карл, король Венгерский и Неапольский. Урбан обратился в бегство, но не забыл прихватить с собой и истерзанных кардиналов. Один прелат по дороге умер, остальных с трудом довели до Генуи и поместили там в тюрьму. Священники были в таком ужасном состоянии, что городские власти просили папу проявить к им милосердие, но Урбан VI был непоколебим. По петиции короля Английского был освобожден лишь один из кардиналов - англичанин Адам Эстон, а остальных четверых никто и никогда больше не увидел.

«Отличился» и ещё один папа - Иоанн XXIII, в миру Бальтазар Косса, который и был тем приором Сицилийского ордена иоаннитов, который, по приказу Урбана VI, мучил его противников. Бальтазар Косса был папой в 1410 - 1415 годах. Став папой Римским, он активно боролся с ересями, в частности с учением Яна Гуса. Вел длительную борьбу с королем Неаполитанским Владиславом, которая привела к изгнанию Иоанна XXIII из Рима. Папа бежал, но был арестован и 29 мая 1415 года низложен. Однако новый папа Мартин V освободил его и сохранил ему сан кардинала. В сане кардинала бывший папа и скончался. Поведение Иоанна XXIII было настолько безобразным, что долгое время ни один папа не брал себе имени Иоанн. Только в 1958 году один из кардиналов, избранный папой, взял себе имя Иоанна XXIII. Это означало, что католическая церковь стремится полностью «забыть» деяния и предать забвению сам факт существования Бальтазара Коссы. Его с 1858 года называют антипапой.

Вот такой пример подавали пастве наместники Святого Петра на земле. Ужасно!

От преследований инквизиции, от пыток и костра Святого трибунала, от ненависти пап и королей не был застрахован никто, даже самые ревностные служители Церкви Христовой.

Карающий меч инквизиции обрушился на головы даже монахов. Первыми жертвами стали тамплиеры.

### ***Тамплиеры и Грааль***

Орден тамплиеров был создан в 1118 году, когда во время одного из крестовых походов девять французских рыцарей дали иерусалимскому патриарху обет целомудрия, бедности и послушания. Они также взяли на себя обязанность оказывать вооруженную защиту паломникам, охраняя их на пути от морского берега к Святым местам от придорожных разбойников. Эти люди отреклись мира и соединили в своем ордене - монашеской организации - служение обществу с суровой военной дисциплиной «во славу Пресвятой Матери Божией» и сочетали монашеский образ жизни с рыцарскими правами.

Уставы ордена Храма отличаются от других монашеских уставов обращением к рыцарским чувствам. Руководители ордена всегда доверяли братьям-храмовникам, которые должны вести себя как достойные и благородные мужи. Самое тяжелое последствие серьезного проступка - помешать виновному подниматься в монашеском звании и нести знамя в бою.

Новый орден получил поддержку и поощрение со стороны как духовной, так и светской власти. Вскоре король Иерусалимский Балдуин II подарил тамплиерам часть своего дворца, примыкавшего к храму Соломона. С этих пор рыцари-монахи стали

называться «бедными братьями во Христе и поборниками Иерусаимского храма», или храмовниками - рыцарями Храма.

Одним из основателей ордена был святой Бернар Клервосский (1090 - 1153), который написал для Ордена Храма устав. Бернар написал также и «Похвалу новому рыцарству», как мы сейчас сказали, с агитационной целью. Он прославлял рыцарей-монахов и доказывал, что Евангелие не запрещает христианину брать в руки меч, если он борется с язычником. Однако по уставу тамплиерам было запрещено обнажать меч против христиан.

В уставе ордена, помимо подробных указаний и богослужениях и соблюдении постов, обхождении с больными и бедными, тамплиерам предписывалось почтительное отношение к старикам и безусловное повиновение главам ордена. Мирских наслаждений рыцари ордена должны были избегать. Женатые рыцари также могли быть тамплиерами, но не имели права носить отличительные знаки ордена: его белый льняной плащ с алым крестом (символ мученичества) и белый полотняный пояс - символ сердечной чистоты.

Никаких украшений на оружии и платье не допускалось. Основатели и организаторы ордена продумали все до мелочей. В уставе написано, какие платье и плащи должны носить монахи. Так, им запрещалось носить модную в те времена обувь с загнутыми носами, которую, по словам современников, ввел граф Фульк Анжуйский по прозвищу Глотка, чтобы скрыть свои уродливые ступни.

Чтобы не смущать друг друга пустыми речами, храмовникам предписывалось вкушать трапезу молча. За столом были приняты особые жесты. при помощи которых монахи общались между собой во время еды. Так, чтобы попросить хлеб, надо было сделать двумя и большим пальцем круг: чтобы потребовать молока, надо было пососать мизинец; чтобы получить мёд, надо было облизать палец, а рабу - имитировать рукой движение плавников в воде.

Рыцари-монахи в мирное время должны были оставаться в кельях, делить общую трапезу и довольствоваться жестким ложем и простой постелью. Им предписывалось с радостью и без страха встречать смерть за святую веру и быть готовыми отдать жизнь за своих братьев-тамплиеров.

Благотворительность ордена Храма была велика. Монахи развалили щедрые милостыни «приверженцам Христа», то есть христианам. Кроме того, в уставе содержатся удивительные по деликатности рекомендации братьям. Так, когда тамплиеров во время трапезы обносят мясом или сыром, то храмовникам рекомендуется отрезать себе кусок таким образом, «дабы и им было достаточно и, насколько возможно, кусок оставался красивым и целым. Так было установлено, чтобы можно было отдать оставшийся кусок какому-нибудь застенчивому бедняку, а бедняку было пристойно принять его». Забота о чести застенчивого бедняка вызывает, по крайней мере, уважением к рыцарям Храма.

В орден вступало много людей, ибо как сам устав и поведение тамплиеров отвечали господствовавшему в те времена в обществе духу рыцарства. Светские князья и правители осыпали рыцарей Храма богатыми дарами, не меньшие богатства жертвовали ордену и знатные семейства всех европейских государств.

Орден состоял из двух полностью независимых отделений - в Иерусалимском королевстве и в Европе. В Иерусалимском королевстве орден боролся с мусульманами. В Европе же орден зарабатывал деньги, создавая систему командорств - монастырей с поселениями - и ферм, на которых работали крестьяне и ремесленники.

Братья ордена, получая в дар земли, обрабатывали их, осушали болота, раскорчевывали лесистые участки, вспахивали. Историки пишут о том, что храмовники фактически наладили систему земледелия в европейских странах.

Поскольку тамплиеры всегда защищали своих людей и заботились об их благополучии, то очень скоро орден стал пользоваться небывалым уважением не только среди знати, но и среди простого народа.

Командорства были монастырем, фермой и странноприимным домом - местом ночлега для путников и всех несчастных - в «одном лице». Между командорствами были проложены дороги, которые охранялись рыцарями Храма. Люди стали без всякой боязни передвигаться по стране, если знали, что путь их лежит по территории, принадлежащей тамплиерам.

После изгнания крестоносцев из Палестины храмовники сосредоточили свое внимание на финансовых операциях, и их орден стал общеевропейским банком. Все всякого

сомнения, тамплиеры были первыми настоящими банкирами Европы. Их замки в Париже и Лондоне стали мировыми финансовыми центрами. Именно у них предпочитали хранить свои деньги и драгоценности богатые люди и монархи. Тамплиеры также выдавали ссуды под процент.

Постепенно орден, одна из богатейших организаций мира, начал возбуждать зависть и недоверие монархов. Особенно ненавидел орден король Франции Филипп Красивый<sup>18</sup> (1268 - 1314).

Этот король, все решения которого бывали всегда продуманы и никогда не принимались спонтанно, был проникнут верой в собственную непогрешимость, т.е. в свое безусловное право творить правосудие. Филипп привык действовать путем конфискации, вымогательства и шантажа по отношению к церковным сановникам, желая улучшить свое сложное финансовое положение. Кроме того, колоссальные богатства тамплиеров постоянно разжигали алчность Филиппа.

Однако сам уничтожить орден, подчиняющийся напрямую папе Римскому, король не мог, а потому обратился за помощью к папе Клименту V, который своим назначением был обязан Филиппу Красивому. Папа был честолюбивым и умным политиком, хитрым и изворотливым дипломатом, но обладал слабой волей и отличался изрядной трусостью, а потому отказался участвовать в уничтожении ордена Храма. Тогда Филипп решил действовать тайком и сам стал готовить процесс инквизиции над тамплиерами.

Ему во многом помогло то обстоятельство, что два монаха были изгнаны храмовниками из ордена за ряд серьезных проступков. Обиженные изгои предложили королю сведения о самых ужасных преступлениях и порочной жизни тамплиеров. На основании этих показаний и было возбуждено следствие против ордена Храма по обвинению в отрицании Христа, ереси и порочном образе жизни.

13 октября 1307 года все тамплиеры во Франции и великий магистр ордена Жак де Молэ были внезапно арестованы, а имущество ордена конфисковано вопреки всем существующим законам и в нарушение дарованных храмовникам привилегий.

В Париже был учрежден инквизиционный суд над арестованы, который возглавил доминиканский монах и духовник короля Гийом де Ногаре.

Гийом де Ногаре, умный и хитрый, злой гений Филиппа Красивого, был первым, кто воспользовался обвинениями в ереси в политических целях. Обвиняя служителей Церкви «в заблуждениях и омерзениях», он добивался их смещения с занимаемых должностей и преданию их позору. В некоторых случаях его действия приводили к смерти высоких особ. Так случилось, например, с папой Бонифацием VIII, который пытался поставить свою власть выше власти французского короля. Ногаре, по приказу короля, обвинил Бонифация в ереси и арестовал его. Один из верных друзей Ногаре в его присутствии (а по другой версии - сам Ногаре) дал папе пощечину, не сняв латной перчатки. 86-летний Бонифаций не смог перенести оскорбления и вскоре умер. Через одиннадцать месяцев преемник Бонифация был найден. Им стал, исключительно стараниями Филиппа Красивого, Климент V. Вот почему новый папа ни в чем не мог отказать французскому королю, хотя и знал, что поступает против церковных законов.

В деле тамплиеров папа Римский попал в очень неприятную ситуацию, ибо суд светский свершался над духовными лицами, что в то время было неслыханно. Папа пытался умерить священный пыл судей и требовал предоставить папской курии последнее решающее слово об участи подсудимых. Король в ответ обвинил папу в измене Церкви, трусости и нерешительности в борьбе с ересями.

Униженный и опозоренный Климент V вынужден был прекратить свое безуспешное сопротивление.

12 августа 1368 папа разослал по всей Европе письмо, в котором повелевал всем церковным и светским властям начать судебное преследование тамплиеров.

Главный процесс велся комиссией, назначенной самим папой из числа наиболее уважаемых французских прелатов в Париже, где под арестом содержалось 540 тамплиеров.

---

<sup>18</sup> Французы нашли удачные прозвища большей части своих королей, но при выборе прозвища Филиппу остановились не на его деяниях, а на его внешности. Филипп действительно был очень красив, высокого роста, белокурый, с правильными чертами лица. Он был храбр и благочестив, умен и нравственен. Но от отличался карьерной жестокостью и не меньшей жадностью.

Однако в ходе следствия над храмовниками был допущен целый ряд неслыханных вмешательств светских властей в ход судебного процесса, а в ряде городе произошло явное попрание закона. Дело в том, что во французских городах Реймсе, Руане, Каркассоне были проведены сожжения на костре тамплиеров. Это означало, что приговор был приведен в исполнение до окончания суда.

Ввиду подобных нарушений папская комиссия временно приостановила свою деятельность и возобновила ее лишь к концу года. В это время папе были предоставлены все документы суда для вынесения приговора. Папа созвал Вселенский собор, на котором 2 мая 1312 года и было принято решение уничтожить орден тамплиеров.

В Париже суд имел трагическое окончание. Пред главным собором французской столицы - перед Нотр Дамом, собором Парижской Богоматери, 10 марта 1314 года пяти высшим должностным лицам ордена был объявлен приговор о пожизненном заключении. Одним из осужденных был магистр Жак де Молэ, беспомощный старец, разбитый душевно и физически, промучившийся в застенках инквизиции почти семь лет. Он и другой руководитель ордена Жоффруа де Шарме опровергли возводимое на тамплиеров обвинение и обвинили короля в корысти и стремлении к захвату монашеских богатств. Филипп Красивый немедленно приговорил этих двоих тамплиеров к сожжению, которое и произошло на следующий день. Два прелата были сожжены на медленном огне.

Существует легенда, по которой перед смертью де Молэ воскликнул, что заслужил столь ужасную смерть, ибо из любви к жизни и во избежание ужасных пыток, а также вследствие уговоров папы и короля подтвердил первоначально ужасные обвинения в преступлениях своего ордена. Кроме того, де Молэ проклял и Климента V, и Филиппа Красивого и предрек им смерть в течение года. Когда же оба они вскоре заболели и умерли, народ увидел в этом Божественную кару и уверовал в святость тамплиеров.

Папа умер 20 апреля 1314 года, всеми забытый и покинутый. Ночью пожаром была уничтожена церковь, в которой был захоронено тело Климента V. Сгорела и нижняя часть тела покойника. Останки его были перенесены в мавзолей, построенный родственниками, но и это место последнего успокоения папы было разрушено протестантами в 1577 году. Останки тела бросили в костер, а пепел развеяли по ветру.

Филипп Красивый скончался 29 ноября 1314 года от загадочной болезни. Его царствование возбудило в народе такую ненависть, что его сыну королю Людовику X приходилось иногда прибегать к силе, чтобы заставить священников совершать панихиды по усопшему. Для Франции настали плохие времена, и многие были убеждены в том, что это кара за преступления, совершенные Филиппом Красивым, и искупление общей вины всего французского народа, пассивно участвовавшего в этих преступлениях.

Судьба ордена Храма в различных странах была различной. Его отделения в большинстве стран Европы были захвачены светскими властями и другими орденами монахов, но сами тамплиеры были отпущены на свободу. В Англии и Португалии храмовники были оправданы.

Процесс над тамплиерами вошел в историю как самая ужасная и позорная несправедливость средневековой католической Церкви.

Вплоть до XVIII века во Франции сохранялась ненависть к кровавым преступлениям Ватикана и Лувра. Существует легенда, что во время Французской революции в рядах революционеров был замечен человек в длинных черных одеждах. Каждый раз, когда его клинок разил очередную жертву, он восклицал: «Это за альбигойцев, а это за тамплиеров!» И когда гильотина отсекла голову королю Людовику XVI, этот человек поднялся на эшафот и, обмакнув пальцы в королевскую кровь, воскликнул: «Народ Франции, я крещу тебя именем Жака де Молэ и свободы!»

Такова официальная версия истории ордена Храма. Однако существует и другие взгляды европейских историков на происходившие с тамплиерами события.

Все дело в том, что до наших дней дошло очень немного документов по этому делу инквизиционного суда, архивы католической Церкви о тех процессах до сих пор закрыты. Поэтому поле для деятельности фантазии историков обширно. Какая из выдвигаемых версий толкований процессов истинна, покажет время.

Один из французских медиевистов - исследователей эпохи Средневековья - Луи Шарпантье считал, что тамплиеры были не столько монахами, сколько миссионерами, подготовка деятельности которых по созданию европейской цивилизации была начата ещё в

V веке людьми, которых заботили судьбы мира. Завершающим этапом этой подготовки, по мнению Шарпантье, явилась «экспедиция» храмовников в Иерусалимское королевство, где им удалось найти некие документы, которые дали ордену знания прошлых цивилизаций. Некоторые историки склоняются к мысли о том, что тамплиерам удалось отыскать Грааль.

Конечно, версия о таинственной находке, на первый взгляд, выглядит довольно фантастично - какие-то рыцари нашли колдовские книги или святой сосуд, благодаря которым смогли выстроить свой орден.

Однако в последнее время ученые все чаще говорят о том, что в античности и даже ранее существовали цивилизации, обладающие действительно удивительными знаниями. Люди в очень отдаленном прошлом открыли тайны энергии и материи. Тому существуют доказательства. Так, в середине XX века немецкий инженер, которому было поручено построить в Багдаде канализацию, обнаружил в ящике местного музея под этикеткой "Предметы культа" электрические батареи, сделанные за десять веков до Вольта, во времена династии Сасанидов.

Так что теперь ученые-скептики уже не могут просто так, без доказательств, отказаться от версии о нахождении тамплиерами документов древних цивилизаций.

Знания эти, по мнению Шарпантье, тамплиеры использовали в благих целях - прежде всего, для восстановления мирной жизни в Европе, которая подверглась разграблению сарацин и викингов. Тамплиеры стали восстанавливать сельское хозяйство, основывая собственные монастыри и фермы при них, строить дороги и мосты, стали обучать зодчих и ремесленников. Именно благодаря храмовникам в странах Европы появились великолепные церкви, многими из которых мы восхищаемся и в наши дни.

Существует версия о том, что свои знания храмовники зашифровали в росписях и барельефах готических храмов. Архитектура предшествовала письменности. Она, может быть, и представляла собой своеобразную форму письменности. Уже не один десяток историков и искусствоведов исписали моря чернил, пытаясь безуспешно разгадать тайны иероглифических фигур, находящихся на главном портале Собора Парижской Богоматери.

Показательно, что до 1000 года было мало или не было совсем талантливых зодчих. После 1000 года наступает расцвет романского стиля, на смену которому приходит готика.

Между 1000 и 1300 годами во Франции построены все сколько-нибудь значительные соборы и монастыри - около 2000. После 1300 года и до наших дней во Франции возвели не более 150 таких построек. И ни одно из их не может сравниться в красоте и величии с соборами Средних веков.

Загадка возведения великолепных храмов и монастырей, на построение которых потребовалось огромное количество денег и не менее невероятное количество рабочих рук, до сих пор не нашла достойного объяснения.

Как мы уже говорили, причиной уничтожения ордена Храма историки считают жадность Филиппа Красивого, однако большое внимание ученые обращают и на тот факт, что тамплиерам, по всей вероятности, были известны некоторые факты из истории раннего христианства, которые не могли нравиться католической Церкви. Эти-то знания храмовников и были одной из причин их преследования и позднейшего уничтожения.

Согласно общепринятой концепции, Иисус Христос был Богочеловеком, Сыном Бога, который после распятия на кресте вознесся на небо. Однако учеными недавно было высказано предположение, что в одно и то же время жили два религиозных учителя, носивших одно имя и что в евангельских сказаниях события жизни этих людей перепутаны.

Именно поэтому тамплиеры не поклонялись Иисусу, распятому на кресте, считая истинным учителем не его, а Пресвятую Деву Марию.

Естественно, что подобное учение противоречило всем канонам католицизма, ставило под сомнение саму истинность веры, а потому Церковь и король отправили тамплиеров на костер.

До сих пор не утихают споры и по поводу богатств Храма, которые таинственным образом исчезли из монастырей тамплиеров.

История Средних веков полна загадок и легенд. По одной из версий, история ордена Храма тесно связана с жизнью Жанны д'Арк.

Некоторые историки считают, что Жанна была особой королевского происхождения, внебрачной дочерью королевы. Изабеллы Баварской, супруги короля Карла

VI Безумного<sup>19</sup>, и герцога Людовика Орлеанского. Новорожденная девочка была отправлена в безопасную деревню Домреми.

Считается, что в какой-то момент Жанну стали воспитывать храмовники, которые и готовили ее для подвига. Именно королевским происхождением Жанны и воспитанием ее в рыцарском ордене и объясняется факт столь легкого «доступа» Орлеанской девы к дофину Карлу VII - ее брату.

Если эта версия истинна, то совсем по-другому выглядит и сам суд над Жанной: для инквизиции она была не просто еретичкой, а еретичкой вдвойне - воспитанницей храмовников.

### ***Францисканцы и инквизиция***

Но инквизиция преследовала не только тамплиеров, они были далеко не единственными жертвами-монахами.

Основными врагами инквизиции после тамплиеров были францисканцы. И инквизиция не замедлила расправиться с ними - как только находился предлог, на костер отправлялась очередная жертва из этого монашеского ордена.

Вскоре после заключительного заседания суда над тамплиерами в 1319 году инквизиция осудила как еретик францисканца Бернара Делисьё, одного из преподавателей французского монастыря Нарбонна, поддерживавшего самые тесные связи с выдающимися умами своего времени.

Основателем монашеского ордена францисканцев был святой Франциск Ассизский (ок. 1181 - 1226). В юности, будучи сыном богатого итальянского купца, он вел жизнь разгульного повесы, но после плена и тяжелой болезни резко изменил свои взгляды на жизнь. Он основал орден монахов, которые должны были жить в полной нищете на пожертвования прихожан или на то, что зарабатывали поденной работой. Франциск Ассизский проповедовал любовь к людям и прочим творениям Божиим, призывал к покаянию и жизни в прощении и мире, противопоставлял жестокости своего времени смирение и покорность. Целью францисканских монахов была проповедь евангельского образа жизни в обществе, то есть жизни в мире, любви и согласии.

Бернар Делисьё был достойным учеником святого Франциска, он действительно любил мир и окружающих его людей. Так, во имя ближних он продавал свои книги и делал долги - только чтобы помочь нуждающимся.

Он выступал на стороне катаров и не раз произносил обличительные речи против доминиканцев. По его призыву из башни во французском городе Каркассон были освобождены томившиеся там последние рыцари Монсегюра.

Бернару даже достало мужества прямо заявить Филиппу Красивому, что в ереси можно было бы обвинить даже святых апостолов Петра и Павла, если бы их только подвергли пыткам и допросам инквизиции.

Но Филипп, который в своем правлении опирался на суды Священного трибунала, и не думал расправляться с инквизицией или запрещать ее. Напротив, он издавал указы, в которых призывал к беспощадному уничтожению ереси и еретиков на территории своего королевства.

Разочарованный и ожесточенный, Бернар Делисьё стал произносить проповеди, в которых обличал уже не только инквизицию и доминиканцев, но и самого короля.

Бернар Делисьё принадлежал к тому «крылу» францисканцев, которых принято называть «спиритуалами». Спиритуалы требовали строгого соблюдения заповедей Франциска Ассизского, прежде всего абсолютной нищеты монахов. Они утверждали, что, поскольку Иисус и его ученики не обладали никакими материальными ценностями, христиане тоже должны отказаться от собственности.

Католическая Церковь, всегда бывшая очень богатой и буквально купавшаяся в роскоши, не могла согласиться с подобными утверждениями. И в 1322 году папа Иоанн XXII объявил ересью утверждение спиритуалов о том, что Христос и апостолы не имели собственности. Когда же спиритуалы не согласились с обвинением папы, тот призвал их к

---

<sup>19</sup> Король был подвержен приступам безумия.

себе на диспут.

Пришел к папе Римскому среди других спиритуалов и Бернар Делисьё. Он пытался защищать свои взгляды, но был обвинен в ереси и заточен в казематы инквизиции. Ему также вменили в вину, что он занимался колдовством, при помощи которого поднял восстание в Каркассоне и приблизил смерть папы Бенедикта XI.

Бернара Делисьё держали в тюрьме два года - именно столько времени длилось следствие. На суде против Бернара выступили и его бывшие сподвижники, давшие ложные показания только ради спасения собственной жизни.

В течение двух месяцев старого и измученного монаха подвергали жесточайшим допросам, длившимся многие часы. Ему говорили о том, что, по законам инквизиции, от суда его может спасти только полное покаяние. К старику были применены жестокие пытки, но Бернар все равно не сдавался. Лишь через два месяца он обессилел от пыток и стал давать противоречивые показания. После этого он смиренно отдал себя на милость суда и просил об отпущении грехов.

Но решение суда было немилосердно - Делисьё приговорили к пожизненному заключению в цепях на хлебе и воде. По иронии судьбы, он был заточен в башню инквизиции в Каркассоне, из которой совсем недавно по его призыву освободили рыцарей Монсегюра. Более милосердной к Бернару оказалась судьба - через несколько месяцев после вынесения приговора он умер.

Бернар Делисьё умер, но веру спиритуалов его смерть не поколебала. Их лидеры, в том числе и Петр Оливи, осуждали «плотскую», земную, католическую Церковь и предвещали ее падение. Взгляды спиритуалов были объявлены ересью, почти все они были схвачены инквизиторами и преданы суду. Тело умершего Оливи извлекли из земли и сожгли, а прах его развеяли по ветру.

К 1330-м годам движение спиритуалов было разгромлено.

Так папа Римский и возглавляемая им Церковь расправлялась с неугодными людьми, представлявшими угрозу существованию католицизму.

## **ИНКВИЗИЦИИ В ИСПАНИИ. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ИНКВИЗИТОР ТОРКВЕМАДА. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕВРЕЕВ И МАВРОВ**

### ***Учреждение инквизиции в Испании***

В 1231 году Испания была разделена на четыре христианских государства – Кастилию, Арагон, Наварру и Португалию, и на три мусульманских – Севилью, Кордову и Хаену. Кастилия поглотила вскоре три последние государства, тогда как Арагон присоединил к себе Валенсию и Майорку.

В 1232 году папа Григорий IX своим Равенским декретом учредил инквизицию, о чем мы уже говорили выше, и в этом же году обратился к архиепископу Таррагонскому<sup>20</sup>, дабы уведомить его о наличии еретиков в испанских епархиях.

Но сама инквизиция во всех испанских государствах, кроме Арагона, была учреждена лишь в 1478 году, а в Португалии - даже в 1536 году.

Испания, которой суждено было находиться под гнетом инквизиции до конца 1820-х годов, с самого момента ее возникновения в стране проявила к «суду веры» глубочайшую враждебность.

Как только инквизиция начала свою деятельность на территории Испании, как только стали производиться допросы, пытки и казни, начались народные волнения, тем более что еретические учения получили на испанских территориях особое распространение во время альбигойских войн, ибо многие альбигойцы бежали сюда в поисках спасения.

Особенно сильна была катарская ересь в Арагоне, где инквизицию учредили в 1232 году. Пять лет спустя там состоялся первый инквизиционный процесс.

Инквизиция решила произвести на испанцев впечатление - и вполне преуспела в этом. В приверженности катарской ереси был обвинен уважаемый в стране граф Фойш. Как полагают, причиной ненависти, которой воспытал к графу епископ Понс де Виламур

---

<sup>20</sup> Таррагона - город, в котором находилась резиденция архиепископа.

стала тривиальная неприязнь - как мы бы сейчас сказали, епископ и граф что-то не поделили, а в результате перед судом инквизиторов предстали сам граф, 45 его вассалов и - не удивляйтесь! - 18 эксгумированных тел предполагаемых еретиков. Последние 18 «обвиняемых» были сожжены на костре.<sup>21</sup> Но граф не растерялся и стал бороться с несправедливостью - и через 20 лет бесконечных процессов победил: епископ был смещен со своего поста, а граф полностью оправдан.

Потерпев ряд крупных и мелких поражений, инквизиция решила не усердствовать, и впервые еретики были приговорены к сожжению лишь в 1301 году - в Каталонии и в 1314 году - в Арагоне.

Но, как только инквизиция утвердилась в Каталонии и в Арагоне, областной собор, созванный по этому поводу, определил способ действий против еретиков, и те церковные наказания, которым "смирившиеся" должны быть подвергнуты. Собор постановил, что "нераскаянные грешники" будут передаваться в руки судебной власти, чтобы пройти «через последние муки и испить чашу страданий до дна», а "смирившиеся" должны были в течение "десяти лет" стоять каждое воскресенье во время поста у дверей храма, одетые в покаянную одежду, на которой были бы нашиты два креста - другого, чем одежда - цвета.

Во второй половине XIV века Генеральным инквизитором Испании становится монах Ордена проповедников Николай Эймерик (1320 - 1399), которого по праву считают предшественником ужасного Торквемады. Для арагонской инквизиции наступают «горячие деньки» - в прямом и переносном смысле.

В лице Эймерика мы вновь встречаем сильную личность - но личность, о которой вряд ли можно сказать хоть одно хорошее слово. Ярый фанатик, он не останавливался перед подтасовыванием фактов, выдвиганием несправедливых и бездоказательных обвинений. Он никогда не признавал своих ошибок. Он был необычайно жесток и издал поистине садистское «Руководство для инквизиторов». Он реорганизовал инквизицию и сделал ее структуру четкой и действовавшей безотказно. Под его влиянием во всей Каталонии и Арагонии постоянно зажигались аутодафе.

Аутодафе - торжественное оглашение приговора инквизиции и исполнение самого приговора - как правило, сожжение на костре. Ауто-да-фе происходило на главной площади города в праздничные дни присутствии властей и толпы народа. Присутствие на ауто-да-фе было проявлением благочестия. Аутодафе - буквально в переводе с испанского «акт вера».

Эймерик потерпел поражение в борьбе в уже давно почившим человеком, ибо вознамерился преследовать ученого, писателя и философа-теолога Раймунда Луллия (1235 - 1315), умершего задолго до начала инквизиторского суда над ним.

Луллий в молодости был рыцарем и вел довольно разгульный образ жизни, но потом увлекся науками и стал священником. В качестве миссионера Луллий был в Армении, Северной Африке, на Кипре. По преданию, он умер в Тунисе как христианский мученик.

Чем этот истинный христианин и настоящий ученый мог помешать инквизитору, родившемуся через пять лет после смерти Луллия? Да тем, что в своих ученых трудах Луллий доказывал, что истины Церкви, если они истинны, должны исходить из доводов разума. Именно этот вполне разумный постулат был расценен «ревнителями веры» как ересь, ибо они объявляли высшей добродетелью христианина слепую веру. Кроме того, Луллий сочувствовал учению катаров и призывал отказаться от роскоши и вернуться к евангельской простоте.

Эймерик решил предать анафеме не только самого ученого и его труды, но и его учеников. Однако против него выступили короли Арагона и одержали победу. В 1395 году Эймерик был отстранен папой от руководства инквизицией в Испании.

По смерти папы Григория XI, в 1378 году, начался великий "церковный раскол" на Западе, период, длившийся до 1429 года, во время которого в Европе существовало два

---

<sup>21</sup> Инквизиция в Испании в самом начале своей деятельности стало преследовать мертвых, и, таким образом, даже могила перестала быть неприкосновенным местом "вечного успокоения". Можно было видеть, как они "орудовали" против тех, которые уже давно стали добычей червей, как они вырывали их кости, сжигали останки их на костре, забрасывали грязью самую память о них. Понятно, что такого рода действия не могли не вызвать народного возмущения, и один из инквизиторов, Пьер де Кадирет, доминиканец, был растерзан разъяренной толпой. Ныне ему поклоняются как мученику.

папы, отлучающих друг друга от церкви и предающих друг друга анафеме. Инквизиция, разумеется, разделилась тоже на два лагеря, и каждый из пап с обеих сторон назначил своих инквизиторов.

Впрочем, этот раскол не принес испанцам никакого облегчения, ибо инквизиторы обеих сторон старались превзойти друг друга в усердии и довели это усердие до того, что в середине XV века инквизиции не хватало больше жертв.

Но эта хитрая и коварная организация не растерялась - и в области, ранее не охваченные ее паутиной, были назначены инквизиторы. С помощью же королевы Изабеллы, жены Фердинанда VII, короля Арагонского, унаследовавшей Кастилию, для инквизиции стало возможным наконец опутать общей сетью и буквально скрутить в узел всю объединенную Испанию.

Изабелла Кастильская (1451 - 1504) была женщиной невероятной красоты и очень религиозной. В девичестве ее осаждали толпы поклонников, поверивших слухам о высоких добродетелях принцессы. Выйдя замуж за Фердинанда, короля Арагона, она фактически объединила Каталонию и Арагон в единое государство - Испанию. Но Изабелла не только «основала» Испанию, она еще смогла и способствовать расцвету своего государства. В годы ее правления Христофором Колумбом была открыта Америка (1492) и в том же году завоевана арабская Гранада, запрещены войны внутри страны между владельцами замков и укреплен нравственность двора. Но именно при Изабелле Кастильской в Испании в 1481 году появилась инквизиция, которая преследовала еретиков, мавров, маранов и морисков.

Именно благодаря благочестивой Изабелле Церковь изменила старые законы инквизиции, придав им большую строгость и большую гибкость. Эта расширенная, усовершенствованная и распространившаяся по всей Испании инквизиция стала называться "новой инквизицией". Деятельность ее началась, как мы уже говорили, в 1481 году и продолжалась до 1820 года, когда временно была отменена вторгнувшимися в Испанию при Наполеоне французами.

Испанская инквизиция действовала жестоко и изощренно, пролила не только реки и потоки крови невинных людей, но целые ее моря и океаны. Особенными зверствами были отмечены преследования и последующее изгнание евреев и мавров.

### ***Преследования евреев и Торквемада***

Католическое духовенство никогда и нигде не благоприятствовало евреям. Монахи, патеры и папы в пролитии еврейской крови всегда играли самую печальную роль.

Во французском Безьере издавна даже существовал такой обычай: ежегодно в Вербное воскресенье местный епископ возбуждал своих прихожан против евреев, подстрекая их идти на «богоубийц», и те, в особенности же готовая на грабеж чернь, вооружившись камнями, громили еврейские жилища. В Безьере происходили в Вербное воскресенье даже кровопролития, так как евреи, по мере сил, защищались и нередко давали отпор. Правда, в 1160 году этот обычай, позорящий католическую церковь, был уничтожен, и 2 мая 1160 года был даже заключен договор, в силу которого каждый священник, возбуждающий народ против евреев, должен был отлучаться от церкви. В свою очередь, евреи тогда же обязались ежегодно вносить в Вербное воскресенье по 4 фунта серебра в пользу церкви. Этот обычай держался долгое время, хотя и были попытки его нарушить.

Если вспомнить Юг Франции, то там евреи отлично уживались с тулузскими еретиками. Они не только не враждовали друг с другом, но даже, несмотря на все различия в вере, евреи-изгнанники и христиане-еретики все больше и все глубже понимали друг друга, и между ними было гораздо больше общего, чем, например, между еретиками-христианами и католиками. Особенную любовь, признательность и уважение снискали еврейские врачи, которые очень быстро приобрели весьма почетное положение при дворах провансальских и лангедокских владельцев, у которых и чиновниками служили многие евреи. Бывали случаи, что им вверялась даже должность областного начальника - бальва, того самого, на котором лежали в те времена не только полицейские, но и судебные обязанности. Так, например, у графа Безьерского Рожера де Тренсеваля в XII веке областными начальниками были евреи Моисей и Натан де Каварят.

Но римский папский двор не всегда смотрел на это сквозь пальцы, и папа Иннокентий III даже обязал Раймонда VI, герцога Тулузского, с помощью французского короля, не быть веротерпимым. Тот должен был торжественно дать клятву отстранить евреев-чиновников от их должностей и впредь уж не назначать ни одного еврея на службу и вообще не покровительствовать им.

Духовенство воспыало особенной неприязнью к евреям после альбигойских войн. Можно даже утверждать, что по всей Европе в XII I- XIV века отношение к евреям резко меняется.

Так, в Англии летописцы-монахи усматривали позорное пятно на репутации мудрого и справедливого короля Генриха, отца Ричарда Львиное Сердце, в том, что тот настойчиво защищал это племя неверных от всех обид и оскорблений. А сам Ричард Львиное Сердце, который в нашем представлении является символом честного и бескорыстными рыцаря, с первых же дней царствования стал преследовать евреев.

Для начала он издал эдикт, запрещающий евреям появляться на его коронации, однако некоторые евреи, надеясь смягчить Ричарда богатыми подношениями от своего народа, посмели приблизиться к залу, где трапезовал монарх. Будучи обнаружены, евреи подверглись оскорблениям толпы, а уличные беспорядки завершились массовыми погромами и грабежами. Одной столицей дело не ограничилось. Жители других английских городов, прослышав об избиении евреев, ревностно последовали примеру лондонцев.

Дозволение Ричарда дало населению желанный повод выместить, наконец, свою ненависть к израильтянам, основной причиной которой были долги, или, точнее, нежелание таковые платить. В Йорке, после того, как пять сотен израильтян погибли в огне, окрестное дворянство, все - должники еврейских ростовщиков, поспешили в собор, где хранились долговые расписки, и торжественно сожгли бумаги прямо перед алтарем.

Отказ должников выполнить свои финансовые обязательства, что в любой другой ситуации воспринимался бы как мошенничество, стало восхваляться как деяние, достойное доброго христианина, если речь идет о еврейских банкирах.

Во времена правления английских королей ограбление евреев принимало различные формы, от непосильных налогов до открытого вымогательства. Военные кампании обходились недешево, равно как и мятежи; евреи же представляли собою единственный источник наличных денег. Король Иоанн, заключив одного богатого еврея в своем замке, приказал всякий день вырывать у него по зубу - до тех пор, пока злосчастный израильтянин не согласился заплатить непомерный выкуп. Дворянство охотно следовало примеру своих монархов, вымогая у евреев деньги любыми способами принуждения, не исключая пытки.

Английские историки приводят и другие примеры гонений и унижений, которым непрерывно подвергались евреи. Однажды все они были брошены в тюрьму и за освобождение свое заплатили сумму в шестьдесят шесть тысяч марок. В другой раз некий Исаак Израильтянин один заплатил пять тысяч сто марок. Доход, поступающий от налогов, взимаемых с этой нации, оказался столь значителен, что для сбора их было учреждено особое казначейство: была создана так называемая Еврейская Палата - исключительно с целью грабежа и угнетения этого народа.

В качестве национального и религиозного меньшинства, евреи были обязаны носить особый отличительный знак, впервые утвержденный Латеранским Советом в 1215 году (впоследствии его воскресит Гитлер), размер, цвет и форма которого определялись правителем каждой отдельной страны. В Англии такого рода знак полагалось носить начиная с семи лет. Во времена Ричарда еврея отличала желтая шапка особого фасона.

В Испании - на территории этого государства - евреи жили с давних пор и прекрасно уживались как с арабами - маврами, которые образовывали на Иберийском полуострове свои государства, так и христианами - испанцами. Но постепенно мир был нарушен - прежде всего потому, что христиане сочли себя достаточно сильными для того, чтобы отшвырнуть веками складывавшиеся традиции, согласно которым христиане занимались земледелием, мавры - строительством, а евреи - коммерцией и банковским делом. Отныне христиане считали себя способными заменить иноверцев во всем.<sup>22</sup>

Например, испанские христиане, бывшие зачастую должниками евреев,

---

<sup>22</sup> Подробнее об этом см книгу З. Плавскина «Испанская инквизиция».

устраивали погромы, благодаря которым они, с одной стороны, удовлетворяли свое религиозное рвение, а с другой – не опустошая своего кошелька, избавлялись от долгов.

Однако первыми изгнали евреев с насиженных мест вовсе не христиане, а мусульмане, члены секты альмохадов. В середине XII века они стали захватывать арабские государства на Пиренейском полуострове и утверждать в них господство ислама. Иноверцы безжалостно изгонялись. Именно в XII веке первые так называемые «испанские» евреи бегут в Прованс и Лангедок. Но и в христианской Европе евреям не было покоя. С началом крестовых походов гнев крестоносцев направлен против евреев - продавших Христа. В 1276 году во Франции были сожжены первые крещеные евреи, уличенные в тайной приверженности к иудаизму.

В Испании же среди осужденных инквизицией тоже оказались лица, обвиненные в «иудейской ереси». Это было началом наступления на евреев. До мавров инквизиция доберется после падения Гранады в 1492 году, когда не будет сильного государства - Гранадского эмирата, - которое могло бы заступиться за преследуемых арабов.

Зверства и постоянная угроза смерти, витавшая над головами евреев, вынудила многих из них креститься. В короткий срок в XIV веке более ста тысяч семей, т. е. примерно один миллион человек, пожелали креститься. Но такого рода насильственные обращения в христианство не могли быть искренними, и многие из вновь обращенных, – они получили название маранов, или марранов (от староиспанского «mañana» - «завтра»), – в глубине души оставались верными закону Моисея и тайно продолжали следовать его велениям.

В эпоху, когда глаза должников были обращены на своих банкиров, когда донос считался первым долгом христианина, когда иная вера приравнивалась к смертному греху, это мнимое отступление маранов от веры не могло долго оставаться в тайне. Наказать за это отступление от истинной веры – вот тот повод, который послужил папе Сиксту IV и Фердинанду V учредить в Испании новую инквизицию, которая отличалась от старой лучшей организацией и еще большими (оказалось, что и это возможно!) жестокостями.

В атмосфере клеветы, доносов и насилия выросли «кровавые кануны» евреев, ставшие для них национальной катастрофой.

Одно из самых больших массовых побоище евреев, начавшемся на рассвете 6 июня 1391 года, произошло в Севилье, где жила самая многочисленная в Испании еврейская община. В тот день было избито более 4 000 евреев, и еще больше - продано в рабство. Около 20 000 евреев при виде творящейся на улицах Севильи кровавой бойни немедленно пожелали перейти в христианство, и это спасло их от гибели, но никак не от грабежа.

Не принявших христианство евреев ждали страшные репрессии - и не только погромы. Они были ограничены в правах.

Их жизнь превратилась в сплошное «нельзя». В 1412 году в Испании был принят Вальядолидский статут, по которому евреям нельзя было продавать продукты питания христианам, нельзя нанимать христиан в услужение, нельзя менять место жительства, нельзя работать хирургами и аптекарями, нельзя занимать государственные должности, нельзя по воскресеньям и христианским праздникам покидать альхаму (еврейскую часть города).

Зато можно - и нужно! - на одежде носить отличительный знак - желтый круг.

Даже принявших христианство евреев инквизиция не оставляла в покое. Как мы уже помним, их называли марранами (маранами) - «свиньями». Поскольку обвинить новообращенных в грехе приверженности иной веры было невозможно, отцы церкви придумали для них грех «эксклюзивный» - отсутствие «чистоты крови».

Как странно перекликаются спирали истории! Мотив «чистоты крови» вновь возникнет у Гитлера. Читая историю испанской инквизиции, невольно проводишь параллели между Высоким Средневековьем и фашизмом.

Эксклюзивный «еврейский» грех был совершенно абсурден не только с точки зрения любого нормального человека - кто, собственно, и как может проверить чистоту крови и чья кровь чище?! Этот грех совершенно абсурден и с точки зрения христианской морали. Основным принципом христианской Церкви является равенство всех ее членов перед Богом. Значит, объявляя евреев «нечистыми» инквизиторы сами грешили - ибо они нарушали Закон Божий. Но теологи быстро разрешили и этот вопрос. Они утверждали, что, предав Иисуса Христа и отправив его на казнь, древние евреи лишили своих потомков права

на «чистую кровь». Бред? Безусловно, бред, но очень удобный для церковников, а потому бред стал истиной.

Участь евреев была предрешена.

\* \* \*

Как мы уже говорили, «новая инквизиция» была введена в Испании с разрешения Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского. Что сподвигло их на этот шаг?

Историки утверждают, что король Фердинанд был непомерно жаден, и в инквизиции он видел удобное средство спокойно ограбить, при помощи церкви, своих наиболее состоятельных подданных.

Изабелла же колебалась. Чувство гуманности заставляло ее отрицательно относиться к кровавому трибуналу, жестокости которого уже успели привести в ужас всю Европу, и ее природная честность внушала ей угрызения совести относительно конфискаций имущества, следовавшими за каждым постановлением Святой Инквизиции.

Духовник ее, доминиканский монах Томас де Торквемада, который среди множества других палачей заслужил особенную известность и был особенно ненавидим народом, разрешил наконец ее сомнения. Он доказал королеве, что религия предписывает ей способствовать инквизиции - способствовать укреплению веры.

Однако не стоит забывать и о том, что, несмотря на жадность, фанатизм и гуманные чувства (довольно странный коктейль, не так ли?) царствующей четы, Фердинанд и Изабелла были, прежде всего правителями, или властителями, - а значит, не очень-то и спешили поделиться своей властью с кем бы то ни было - даже с Церковью.

А Церковь как раз и жаждала власти, жаждала усилить свое влияние и упрочить свое положение в Испании. Торквемада, мудрый и хитрый политик, прекрасно знавший все слабые и сильные стороны характеров королевы смог воздействовать на Изабеллу и Фердинанда и убедить их в том, что инквизиция будет лишь способствовать усилению королевской власти в стране.

Изабелла поверила своему духовнику, но тем не менее решила добиться усиления своей собственной власти над Священным трибуналом. Когда же ей это удалось, то именем Святой Инквизиции и во имя правого дела король и королева обуздывают непокорную феодальную знать - и в результате укрепляют собственное могущество.

17 сентября 1480 года были назначены два главных инквизитора - для утверждения инквизиции в Севилье. Но там, как и всюду, где они появлялись, инквизиторы наткнулись на общее народное недовольство. В Севилье было громадное количество крещеных евреев, которые, естественно, не обрадовались прибытию в город собственных «потенциальных убийц».

Сказочно богатый Диего де Сусан, глава еврейской крещеной общины, призвал своих соплеменников запастись оружием, чтобы дать отпор инквизиторам. Однако его красавица-дочь, болтливая и легкомысленная, как и многие юные девушки, открыла под страшным секретом тайну своему возлюбленному - и на следующий день в Севилье начались аресты. Вместе с заговорщиками было схвачено много невинных людей. Начался суд, пытки, мучения - и признания. 6 февраля на специально отстроенном за стенами города помосте для аутодафе, называемом «кемадеро», состоялось первое публичное сожжение осужденных. Затем они стали происходить с пугающей регулярностью один или два раза в месяц.

Нескольким крещеным евреям удалось избежать расправы, и они отправились к папе в Рим с жалобой на суровость приговора. Папа сделал вид, что осуждает жестокость инквизиции и даже направил Изабелле и Фердинанду письмо, в котором предписывал действовать более мягко. Однако вскоре он назначает для Испании 8 новых инквизиторов, в число которых входит и Торквемада.

Вот еще одна личность, сила духа и ум которой достойны всяческого уважения, но деяния которой повергнут в ужас любого порядочного человека.

Томас де Торквемада (1420 - 1498) был истинным фанатиком, хитрым и умным человеком, прекрасным политиком, изощренным интриганом, тираном и злодеем. По

подсчетам историков, он лично отправил на костер от четырех до десяти тысяч человек.

Он рано принял постриг и стал монахом-доминиканцем. Он всегда вел суровый образ жизни и был настоящим аскетом. Он был умен и прекрасно образован, а потому слава о нем быстро распространилась по всей Испании. Ему стали предлагать высокие церковные должности, но он неизменно отказывался.

Чего он ждал? Или не ждал ничего, а просто хотел служить Богу? Историки пишут, что он жаждал прежде всего власти - и целенаправленно шел к ней. Ибо в 1452 году соглашается стать настоятелем монастыря Святого Креста в Сеговии. Стать настоятелем монастыря и отказаться от высоких должностей? Но расчет Торквемада становится ясен, когда брат Томас получает должность духовника Изабеллы Кастильской, а вскоре и должность духовника ее мужа. Все дело в том, что монастырь, настоятелем которого соизволил стать Торквемада, был излюбленным местом паломничества знати.

Торквемада становится не только духовником королевы, но и ее тайным советником. Как мы помним, именно он способствовал утверждению в стране инквизиции. И в 1482 году его назначают одним из 8 инквизиторов Испании, а уже на следующий год он становится Генеральным инквизитором Кастилии.

Его невольно хочется назвать не только Генеральным, но и Гениальным инквизитором, ибо Торквемада был сам дьявол во плоти, хотя и верил, что служит Богу.

Инквизиция своим террором и человеческими жертвами способствовала извращению умов и зачерствению сердец, развитию в народе невежества, фанатизма и жестокости, исчезновению инициативности и великодушия.

Под «предводительством» Торквемады инквизиция смогла стать грозной силой в Испании, самым могущественным органом королевской власти, мало зависящим от папы. Инквизиция получила права вмешиваться практически во все аспекты общественной и личной жизни испанцев - кроме чисто уголовных преступлений.

Как только инквизиторы утвердились в Севилье, все перешедшие в христианство евреи поспешили бежать во владения герцога Медина-Сидония, маркиза де Кадикса, графа д'Аркаса и других вельмож, куда не успела ещё проникнуть судебная власть инквизиции.

Томас де Торквемада, который был только что назначен на должность Генерального инквизитора, не желал так легко выпускать из рук свои жертвы. В его указе от 2 января 1483 года было объявлено, что все уехавшие евреи будут немедленно и исключительно вследствие самого факта эмиграции признаны еретиками. Всем местным «князькам» Кастильского королевства, на землях которых мараны надеялись найти убежище, было приказано под угрозой отлучения от церкви, отнятия всех владений и потери должностей, арестовать всех беглецов и под эскортом отправить в Севилью, а на имущество их наложить секвестр.

Приказание было исполнено, и тюрем оказалось недостаточно, чтобы вместить всех заключенных.

За этой прокламацией последовал "эдикт милосердия". Согласно этому эдикту, всем добровольно покаявшимся отщепенцам присуждалось сперва незначительное церковное наказание, а затем даровалось помилование. Им было также обещано, что их имущество не будет конфисковано.

Многие из маранов, введенные в заблуждение этой лицемерной милостью, попались на удочку инквизиции и добровольно сдались. Как же они были наивны! Их немедленно схватили и бросили в тюрьмы. Им было сказано, что они могут избежать пыток лишь при условии выдачи имен и мест жительства всех известных им отщепенцев, даже таких, о которых они только слышали.

Таково было "милосердие" инквизиции, и если она соглашалась отпускать на свободу виновного, то лишь потому, что эта единичная жертва выдавала ей сотню других. По меткому выражению одного французского историка, «в деле пролития крови она руководствовалась приемами ростовщичества, а к жизни и чести граждан применяла пословицу: "Не потеряешь – не приобретешь"!»

Слово «милосердие» звучало каждый раз, когда инквизиторы отнимали у своих жертв жизнь. Действовали ли они милосердно? Конечно, ибо спасали заблудшие души. А заодно и прибирали к рукам богатство отправленных на костер.

«Милосердие» было и «лейтмотивом» эмблемы святой инквизиции. Эмблема

представляла собой овал, внутри которого на темном фоне был изображен зеленый крест из двух обрубков сучковатого дерева. Слева от креста располагалась оливковая ветвь, а справа изображался обнаженный меч. Зеленый цвет символизировал надежду, подкрепленную крепостью веры. Темный фон был избран в знак траура и страданий Матери-Церкви, скорбящей о своих заблудших детях. Меч был символом ревнителей святой веры - инквизиторов, а оливковая ветвь - знаком милосердия и прощения.

Но о каком милосердии и прощении можно было говорить, когда Торквемада издает указ, в котором был список различных случаев (около тридцати), когда доносить приказывалось под угрозой смертного греха и отлучения. Некоторые статьи этого эдикта были столь туманны, что вряд ли их могли однозначно понять хотя бы два человека. Так, четвертая статья гласила: "Будет считаться отступником всякий новый христианин, совершающий шабаш, что будет исчерпывающе доказано, если в день шабаша он будет одет в более чистые, чем обычно, белье и одежду; если положит на стол чистую скатерть, и если накануне с вечера у него не будет гореть очаг".

Количество томящихся в застенках инквизиции - самой милосердной, как мы уже поняли, организации, было столь велико, что в Севилье, например, огромное число осужденных на сожжение побудило построить вне черты города постоянный эшафот, на котором возвышались четыре гипсовые статуи. Эти статуи-футляры были внутри пустыми: в них помещали живых еретиков, дабы они медленнее и мучительнее сгорали.

Томасу де Торквемаде принадлежит также весьма сомнительная честь введения новой системы, единогласно одобренной папой Сикстом IV, Фердинандом V и Изабеллой.

Он начал с создания четырех второстепенных трибуналов: в Севилье, Кордове, Хаене и Квидат-Реале и разрешил затем доминиканским монахам занимать должности в разных местностях Кастилии. Монахи, привыкшие получать указания и полномочия непосредственно от самого папы, который до сих пор сам распоряжался назначениями, сперва сопротивлялись вмешательству Торквемады и лишь после долгих колебаний признали его верховную власть.

Это сопротивление упрочило намерение Великого инквизитора придать инквизиции то единство действий, которого ей не доставало с самого ее основания, и учредить мощную центральную организацию, призванную умножить ее силу деятельности.

В то время когда он подготовлял, с помощью двух юрисконсультов, Жана Гуттьереса из Шабо и Тристана из Медин, новую конституцию священного трибунала, король Фердинанд, со своей стороны, не забывая собственных финансовых интересов, также занимался организацией нового трибунала и создал королевский совет инквизиции, получивший название Верховного совета.

Верховный совет состоял из Великого инквизитора – председателя, одного епископа и двух докторов права, с титулом советников. Эти последние имели право решающего голоса во всех делах, касающихся гражданского права, и право консультативного голоса в вопросах духовного характера.

Это подразделение нередко приводило к крупным конфликтам, которыми папа широко пользовался, ибо он был, разумеется, той высшей инстанцией, к которой прибегали в случае раздора, а принципом римской курии всегда было ценить свое вмешательство на вес золота – будь это вмешательство существенным или незначительным.

В распоряжение совета поступали все собранные, или правильнее, отобранные, инквизицией деньги и конфискованное имущество. Треть всех «заграбастанных» сокровищ поступала в королевскую казну, остальные две трети оставались в руках инквизиции.

Показательно, что все члены инквизиции должны были по крайней мере в четырех поколениях быть «чистокровными» христианами. Какой еще пример более кровавого антисемитизма можем мы вспомнить? Пожалуй, только «чистокровных» арийцев Гитлера.

Система инквизиторских судов строилась следующим образом. В каждом трибунале было не менее двух собственно инквизиторов - судей высокого ранга. На следующей ступеньке инквизиционной «табели о рангах» стояли эксперты и советники. Они были образованными людьми, теологами, и должны были высказывать свое «экспертное» мнение по спорным богословским вопросам. Штатными сотрудниками, стоящими на той же ступеньке лестницы, были прокуроры, нотариусы и секретари. Они вели допросы,

занимались «делопроизводством» и архивами. Далее шли судебные исполнители, начальники тюрем, казначеи, адвокаты. На самой низшей ступени располагались надзиратели, казначеи и тому подобная «мелочь».

Это было страшное время, когда страны Европы утопали в крови, когда ни один человек не мог себя чувствовать в безопасности даже в собственном доме. И что самое ужасное - люди стали бояться друг друга. Может ли идти речь о нравственности и морали общества, если одно из самых уважаемых лиц того время - доносчик, именуемый доверенным лицом инквизиции? И можно было бы если не простить, то хотя бы понять тех доверенных лиц, которые передавали еретиков в руки трибунала из религиозных соображений. Нет, ничуть не было. Почти всегда это были негодяи и подлецы, которые предавали и продавали людей из соображений корысти, зависти и страха. Не испытывая ни малейших угрызений совести, а, быть может, искренне радуясь в душе, что не они подпали под суд инквизиции, смотрели такие «стукачи», как по ступеням на эшафот медленно всходят люди в «санбенито»<sup>23</sup>.

В истории известны случаи «восстания рабов»: когда рабам, которым и так нечего терять, кроме собственной жизни, становится не в состоянии не только жить, а даже существовать, они восстают против своих угнетателей. И восстания эти, как правило, бывают очень кровопролитны и жестоки. Это вполне понятно - терять рабам действительно нечего.

Так случилось и в испанском королевстве. Против инквизиции восстали арагонцы, у которых конфискация, из уважения к некоторым специальным привилегиям Арагона, ранее никогда не применялась.

Жители Арагона прекрасно понимали, что при тайне показаний свидетелей, которая раньше допускалась лишь в исключительных случаях, их край ждут кровопролитные судилища.

Поэтому, когда Фердинанд V, после тайного совещания в апреле 1484 года, повелел во всех подчиненных его власти областях применять новое судопроизводство и когда Торквемада разослал инквизиторов для приведения этого приказа в исполнение, Арагон решил восстать против «ревнителей веры».

Взрыву сопротивления в Арагоне способствовало также то, что самые влиятельные и уважаемые из них были новые христиане, т. е. крещеные евреи - мараны. Депутация от королевства обратилась за помощью к папе. Они послали в Рим комиссаров, которым было поручено ходатайствовать об отмене в Арагоне статьи, касающейся конфискаций.

В то время, как депутация от арагонских кортесов<sup>24</sup> предъявляла свои требования, инквизиторы, не теряя времени, вступили в должность и сожгли несколько новых христиан во время публичного и очень торжественного аутодафе. Эти пытки довели до отчаяния маранов, которым грозила явная опасность. Они опасались тех ужасов, которые происходили в Кастилии, где жертвы ежегодно насчитывались тысячами.

Увидев, что от папы и короля ждать помощи нечего, они решили усмирить инквизиторов, убив некоторых из них. Был составлен заговор.

Одной из первых жертв стал инквизитор Педро Арбуэс, известный своими жестокостями и кровожадностью. Зная о ненависти, которую он возбуждал в людях, инквизитор носил кольчугу, а под капюшоном – железную каску. Тем не менее заговорщики настигли его однажды в церкви у алтаря и, направив удары своих кинжалов в шею, неприкрытую кольчугой, нанесли рану, от которой он умер двумя днями спустя, 17 сентября 1485 года.

Заговорщики считали, что пролитая кровь приведет остальных инквизиторов в священный ужас; они рассчитывали, что сам король и папа пойдут на уступки из страха перед новыми восстаниями в Арагонии и Кастилии.

Они заблуждались. Заговорщиков арестовали, инквизиция продолжала

---

<sup>23</sup> «Санбенито» - одежда осужденных в виде мешка коричневого цвета с прорезью для головы, на которой в зависимости от тяжести греха и наказания красной краской были нарисованы крест или языки пламени.

<sup>24</sup> Кортесы – сословно-представительское собрание средневековых христианских государств Пиренейского полуострова.

свирепствовать, а Педро Арбуэса канонизировали в 1664 году.

Помимо основных заговорщиков были казнены тысячи ни в чем неповинных людей, Арагон буквально захлебнулся в их крови, а, что касается главных виновников убийства, то им, до повешения, отсекали руки; их трупы были четвертованы и члены их разбросаны в различных публичных местах. Один из этих несчастных, Жан д'Абадиа, в тюрьме покончил жизнь самоубийством, что не помешало инквизиторам надругаться над его трупом и приволочь его на аутодафе. Великомученику Педро Арбуэсу был воздвигнут великолепный надгробный памятник, под которым и было 8 декабря 1487 года погребено его тело, а на памятнике была выгравирована следующая надпись в обычно напыщенном стиле: "Кто почивает под этим камнем? Другой, столь же твердый камень<sup>25</sup>, добродетель которого удаляет отсюда всех иудеев; ибо священник Пьер – тот твердый камень, на котором Бог воздвиг свое дело (инквизицию). Счастливая Сарагосса! Ликуй, что на сем месте похоронен славный мученик. А вы, о иудеи, бегите отсюда, бегите немедленно, ибо сей драгоценный камень-гиацинт обладает свойством изгонять нечисть из этих мест". Арбуэсу была также воздвигнута статуя с прочувствованными надписями от Фердинанда и Изабеллы.

Надо было сохранить драгоценное воспоминание этой победы инквизиции, что и было сделано следующим образом: оружие, служившее убийцам, было развешено в соборе Сарагоссы, где долго сохранялось рядом со списком людей, сожженных или подвергнутых публичному наказанию. Эти имена были написаны большими буквами на холсте, на котором сверху было изображено пламя, если виновный был сожжен, или огненный крест, если он подвергся какому-либо другому испытанию. Некоторые из них были вскоре сняты, вследствие папских булл, исполнение которых было разрешено Фердинандом V в качестве особой милости. Они были убраны, в виду особого ходатайства семей осужденных, которые занимали видное положение в городе. Эта мера чрезвычайно не понравилась инквизиторам; своими безумными фанатичными жалобами они сумели возбудить наиболее невежественные элементы среди старых христиан, уверив их, что поступок этот был оскорблением, нанесенным католицизму. Их жалобы подали повод к восстанию, которое грозило стать повсеместным, столь велико было влияние духовных лиц, заинтересованных в укрытии истины и в искажении идей.

В то время как эти волнения происходили в Сарагоссе, аналогичные события были в остальных провинциях.

Ни Фердинанд, ни папа не согласились ни на малейшую уступку своим подданным, и после нескольких лет упорной борьбы, перемежавшейся с легальными протестами, испанцы должны были смириться.

Неоспоримо, что инквизиция утвердилась в Испании против воли всех областей и несмотря на отчаянное сопротивление всей Испании.

Во время этой борьбы Торквемада совершенно спокойно продолжал укреплять свою собственную власть - то есть власть инквизиции.

Продолжал он настаивать и на изгнании евреев из Испании. И добился своего - 29 апреля 1492 года Изабелла и Фердинанд V издали указ об изгнании евреев из всех владений испанских королей.

На чем было основано это несправедливое и варварское решение, противное интересам самой Испании и наносившее роковой удар торговле Иберийского полуострова?

Прежде всего, издание указы не было неожиданным для евреев. В стране регулярно проходили погромы, а на кострах инквизиции сжигали тысячи иудеев. Антииудаистские настроения постепенно перерастали в антисемитизм. Этому способствовала и антиеврейская политика в Англии и Франции.

Старые христиане, деморализованные бесконечными пытками и постоянными преследованиями, забытые и полностью лишённые чувства справедливости, приписывали евреям все пороки, взваливали на них все преступления. Им приписывали совершение всевозможных святотатств, утверждали, что врачи и аптекари-евреи отравляют больных, когда больные эти христиане.

Так, в июне 1490 года некий крещеный еврей Бенито Гарсиа был арестован по обвинению в краже и осквернении облатки, которая для христиан символизирует тело Христово. Однако в ходе расследования арестованный признался, что вместе с несколькими

---

<sup>25</sup> Имя «Петр» и означает «камень».

другими маранами похитил христианского отрока на праздник Успения Богородицы и совершил над его сердцем колдовской обряд. Имени мальчика в документах инквизиционного трибунала нет. Тем не менее сейчас он известен как «святое дитя из Ла Гуардии». Хотя никаких доказательств по этому делу собрано не было, в 1492 году пять осужденных - без доказательств, но по решению суда! - были сожжены.

Таких примеров жесточайшего преследования евреев в истории Испании множество.

Тем не менее не только и не столько народная ненависть послужила причиной изгнания евреев из королевства Изабеллы и Фердинанда. Историки убедительно доказали, что решающее значение в появлении «антисемитского» указа имели интересы абсолютистского государства, для создания и укрепления которого была необходима единая религия.

Вполне вероятно, что королевская черта была искренне уверена, что для того, чтобы евреи приняли христианскую веру, на них необходимо надавить и поставить перед выбором: либо евреи принимают новую веру, либо высылаются из страны.

Евреи же, убежденные в том, что для устранения этой опасности достаточно предложить денег Фердинанду, обязались: пожертвовать 30.000 дукатов на расходы Гренадской войны, которая в ту пору разгоралась, ничем не беспокоить правительства; подчиняться касающимся их правилам и проживать в кварталах, отделенных от христианских кварталов; до ночи возвращаться домой и отказаться от исполнения некоторых профессий, предоставленных исключительно христианам. Фердинанд и Изабелла были не прочь внять этим предложениям, ибо деньги им были нужны.

Торквемада, узнав о предложении евреев, явился к царственной чете с распятием в руках, бросил крест на пол и воскликнул: "Иуда Искариот продал своего Учителя за тридцать сребреников, а вы - за 30.000 дукатов".

Легенда гласит, что поступок Торквемады изменила образ мыслей Фердинанда и Изабеллы, и 31 марта 1492 года они издали декрет, согласно которому все евреи, мужчины и женщины, обязаны были под страхом смерти и потери своего имущества 31 июля того же года покинуть Испанию. Те же кары грозили всем христианам, скрывающим у себя в доме евреев после означенного срока. Изгнанникам разрешалось продавать их имущество, увозить с собой мебель и другие вещи, за исключением золота и серебра, взамен которых они могли брать векселя или какие-нибудь не запрещенные товары.

Тем не менее известно, что еще в декабре 1491 года, то есть всего за три месяца до указа, был опубликован план обложения евреев налогами на 1492 - 1494 годы! Это говорит о том, что королевская чета действительно не верила в возможность исхода еврейского народа из Испании.

И все-таки евреи предпочли покинуть Иберийский полуостров. Всего Испанию покинули около 800 000 евреев. Путь их к морским гаваням, где их ждали зафрахтованные еврейскими общинами суда, был исполнен мук и страданий. Историк того времени Андрес Бернальдес, известный антиеврейскими настроениями, писал: «Они шли потоком - взрослые и дети. Они шли пешком, другие ехали верхом на лошадях или ослах, третьи - в повозках... Они падали и поднимались, умирали и рожали, теряли сознание и слабели от болезней. Они распевали гимны, подбадривая друг друга».

Но и в новых землях евреев не ждала лучшая участь. Почти всюду, где бы не укрывались изгнанники, они наталкивались на других преследователей, которые отнимали у них то малое, что им удалось спасти. В 1496 году королевским указом евреи были изгнаны из Португалии, а в 1499 - из Наварры.

Фердинанд и Изабелла реорганизовали инквизицию в Испании и изгнали евреев, за что заслужили дарованное им папой звание Королей-Католиков. Невиданное варварство - как изгонять народы, так и даровать за это почетные звания. Но так было. И лишь в 1992 году - в год пятисотлетия исхода евреев из страны - король Испании Хуан-Карлос признал изгнание иудеев исторической ошибкой и принес извинения еврейскому народу. Вот такой король действительно заслуживает самого почетного звания!

Еще ранее - в 1965 году - Второй Ватиканский собор полностью снял вину с еврейского народа за гибель Иисуса Христа и заявил, что «христианского проклятия евреев», на которое ссылаются антисемиты, никогда не существовало. Собор попросил прощения у евреев за зло, причиненное им христианами за все прошедшие века - в том

числе и за преследования инквизиции.

Но вернемся в век пятнадцатый. В Европе торжествующая церковь нигде не оставляла иудеев в покое, а в Африке мавры убивали еврейских женщин, чтобы отобрать те драгоценности, которые они, по их понятиям, хранили на себе.

Но и в Испании оставшиеся крещеные евреи не были в безопасности. Торквемада, добившись изгнания некрещеных евреев и добившись в 1487 году от Иннокентия VIII буллы, которая повелевала всем европейским государствам арестовывать, по первому указанию Великого инквизитора, всех беглецов, он дошел до того, что стал предавать суду даже самих епископов.

Намеченные им среди епископов жертвы были епископы из Сеговии и Калахарры, преступление которых заключалось в том, что они были выходцами из евреев. Папа немедленно напомнил ретивому инквизитору, что в одной из статей старых законов, одобренных папой Бонифацием VIII, запрещалось чинить допрос епископам, архиепископам и кардиналам, не имея на то особого разрешения папы. Вследствие этого папа повелел посылать все документы «епископского» дела в Рим, чтобы предоставить вынесение решения Ватикану.

Тем не менее Торквемада все-таки убедил папу в ереси арестованных епископов-евреев и их заточили в тюрьму и лишили духовного звания. В тюрьме оба несчастных умерли.

Торквемада вскоре после учреждения «новой инквизиции» сделал для себя вывод, что арестовать человека и сжечь его - недостаточно. Необходимо лишить оставшихся «на воле» людей возможности мыслить, лишить их доступа к знаниям. И он решил ввести еще более строгую цензуру на книги. Собственно, он не придумал ничего нового, ибо в стране уже давно существовала комиссия, состоящая из епископов и правителей канцелярий, наблюдающая за печатанием и продажей книг. Торквемада лишь усилил цензуру.

Он усилил цензуру и довел ее до абсурда. Книги не просто подвергали цензуре - их отправляли на костер. И вновь у нас возникает параллель с фашистской Германией, где в огне гибли тысячи книг.

В 1490 году в Саламанке были сожжены Библии, как зараженные иудейским духом. Вскоре после этого еще шесть тысяч томов погибло в огне. Та же участь постигла и библиотеку принца Генриха Арагонского.

Вполне понятно, что такой человек, как Торквемада, умный и хитрый и одновременно жестокий и кровожадный, не мог вызывать любви и даже уважения. Сторонники и враги боялись его - хотя и по разным причинам. Даже после смерти Великого инквизитора память его преследует ненависть народа.

При жизни же Торквемада должен был принимать самые изощренные меры предосторожности, чтобы избежать кинжала наемного убийцы или народного мстителя. Так, он никогда не путешествовал без эскорта пятидесяти верховых и двухсот пеших "друзей инквизиции" и, боясь быть отравленным, всегда держал у себя на столе рог единорога, которому в то время приписывалось свойство обнаруживать яд и парализовать его действие.

На Торквемаду много раз жаловались - в том числе и папе. Торквемада Папа Александр VI, утомленный постоянными жалобами, хотел было несколько ослабить его права, но затем, вынужденный считаться с мнением Изабеллы и Фердинанда, изменил свое решение и лишь назначил четырех епископов, которым поручил вместе с Торквемадой разбирать дела еретиков.

Но вплоть до смерти Великий инквизитор продолжал оставаться «полным господином» в Испании и делал то, что считал нужным.

### ***Преследование мавров - морисков***

Смерть Торквемады ничего не изменила в ходе инквизиции. Его преемник, доминиканец Диего Деса, утвержденный в своей должности папской буллой от 1 декабря 1498 года, ни на волос не ослабил преследований.

Наоборот он даже издал ряд новых распоряжений, долженствовавших оживить

деятельность инквизиции, и, вероятно, превзошел бы даже самого Торквемаду, если это было бы возможно.

Им выработано также несколько новых статей о порядке конфискации имущества - обогащение всегда составляло предмет неусыпных забот испанских королей и их инквизиторов.

Он предложил также введение инквизиции в Сицилии и в Неаполе и добился того, что обе эти страны были изъяты из юрисдикции Рима и подчинены власти великого инквизитора в Испании.

Сицилия оказала сопротивление, и войскам инквизиции пришлось долгие годы бороться с поднявшим оружие населением. Покоренные сицилийцы восстали еще раз в 1516 году, освободили всех узников и изгнали инквизиторов. Но вскоре Сицилия подпала вновь под ненавистное иго доминиканских монахов, подавленная могуществом императора Карла V.

Неаполитанскому королевству более посчастливилось, и его сопротивление учреждению инквизиции увенчалось успехом.

Фердинанд V принужден был уступить и просил только в виде компенсации, чтобы неаполитанцы согласились на изгнание из своей страны всех новых христиан - маранов, - бежавших из Испании и укrywшихся в Неаполе. Даже в этой просьбе ему было отказано, и мараны остались в Неаполе.

Деса искупил это поражение тем, что получил от короля разрешение на учреждение инквизиции в Гранадском королевстве.

Но, прежде чем мы продолжим рассказ об инквизиции, поговорим немного о положении мавров - арабов на Иберийском полуострове, где на протяжении многих веков возникло несколько районов компактного проживания арабов.

Это, прежде всего, королевства Арагон, Каталония и Валенсианское в долине реки Эбро и ее притоков вплоть до Средиземного моря на юге и горных районов - на севере. К 1500 году на этих территориях проживало около 130 000 арабов, общими языками которых были испано-кастильский и каталонский. Другим районов «скопления» мавров было Гранадское королевство, которое было в 1492 году завоевано испанцами.

Вот именно в Гранаде и решил Деса учредить инквизиции в Гранадском. Изгнание евреев из Испании, последовавшее через несколько месяцев после капитуляции Гранады, пробудило в инквизиторах желание добиться полного единоверия в стране и побудило их «приняться» за мавров.

Это противоречило формальным обещаниям, данным маврам, которым было клятвенно подтверждено при покорении Гранады, - являвшейся их последним убежищем в Испании, - что они не будут подчинены надзору инквизиции. «Ревнителю веры» вновь нарушили данную клятву.

С 1497 года кардинал Гранадский Хименес де Сиснерос, позднее ставший Генеральным инквизитором, начинает кампанию по обращению мавров в христианство. Но арабы не спешили менять свою веру и отказываться от религии отцов. Поэтому два года спустя, в 1499, Сиснерос просит у Королей-Католиков Фердинанда и Изабеллы, разрешения на применение самых строгих мер для крещения мавров. Такое разрешение благочестивые государи немедленно дали. И в стране началось массовое и насильственное крещение арабов.

Жесткие меры не могли не вызвать сопротивления со стороны гордого народа - и в Гранаде вспыхивают восстания. Но что могла сделать кучка мавров против многотысячных войск испанского короля? Конечно, восстания были подавлены, и к 1501 году арабское население Гранады стало полностью католическим.

В 1502 году появляется королевский указ, по которому всем некрещеным маврам предписывалось в трехмесячный срок покинуть Испанское королевство. Большинство мавров предпочло креститься, чем покинуть страну, но как для них, так и для евреев, крещение не послужило действительной гарантией от преследований инквизиции.

Все провинции Испании, где проживали мавры, сделались театром непрекращающейся гражданской войны. Восстания вспыхивали одно за другим, и кровь лилась рекой.

Оставшихся в Испании мавров, насильственно принявших католичество, стали называть морисками (от латинского слова «того» - мавр).

Испанский король и германский император Карл V, надо отдать ему справедливость, вступил на престол с намерением, внушенным ему воспитателем Вильгельмом де Круа и канцлером Сельваджио, уничтожить инквизицию или по крайней мере реорганизовать ее согласно с требованиями естественного права. Поэтому он с благосклонностью принял петиции, адресованные ему единогласно кортесами Кастилии, Арагонии и Каталонии в 1518 году. К несчастью, Сельваджио, на которого возложено было составление нового кодекса инквизиции, умер, а Великий инквизитор Адриан, сделавшийся впоследствии папой, сумел так повлиять на короля, что постепенно сделал из него страстного покровителя инквизиции.

Тогда начался период интриг перед римской курией, волновавших всю Испанию в течение двух лет.

Папа Лев X, бывший тогда в ссоре с инквизицией за допущение восстаний и народных волнений, был склонен поддержать мавров Арагона, взбунтовавшихся против власти Карла V. Он издал грамоты, коими все инквизиторы отставались от должностей, а на епископов и состоящие при них советы возлагалось избрание новых кандидатов. Однако в намерения папы не входило прекращение преследований, обусловленных нетерпимостью католицизма, и он не мог допустить свободу совести и мысли. Речь шла лишь об изменении некоторых деталей методов «психологического» угнетения.

Инквизиторы отказались повиниться папе, а Карл V послал в Рим специального посла с поручением добиться отмены папских грамот. Папа приостановил приведение в исполнение своих решений, но не отменил их. Булла - папская грамота - о реформе не была приведена в исполнение, и инквизиция продолжала свое дело.

В то время как изложенные события происходили в Арагоне, Кастилия восстала против инквизиции; во главе восстания встал епископ Замара и несколько священников. Восстание было подавлено, а епископ казнен.

Великий инквизитор Адриан, выделявшийся своим рвением в уничтожении еретиков, был избран папой по смерти Льва X и вступил на престол в 1522 года под именем Климента VII.

С его благословения Карл V потребовал в 1525 году, чтобы христианизация всех арабов бывших королевств Арагона и Валенсии была завершена в максимально короткие сроки. И в 1527 году он радостью пишет папе о том, что ислам полностью изгнан из Испании, но при этом добавляет, что крещение для многих мавров не было добровольным и что многие из новых христиан - морисков - не очень хорошо понимают католичество.

Справедливости ради необходимо отметить, что среди духовенства Испании были и истинные гуманисты-просветители. К их числу относится епископ Антонио де Гевара, который стремился приобщить к новой вере мавров не только формально. Однако эти попытки «евангелизации» арабов успехов не имели.

И с середины 1520-х годов за дело искоренения ереси среди морисков берется инквизиция. В 1529 году в Гранаде происходит первое аутодафе, на котором были сожжены первые три мориска.

Особо отличился во времена преследования мавров инквизитор Родригес де Герреро. Основным его свойством была необыкновенная жестокость, благодаря которой он получил название Сумрачный. В 1566 году он подал королю Филиппу II меморандум с перечнем отступлений от веры морисков.

Филипп поручил рассмотрение этого вопроса особому совету под председательством Великого инквизитора Эспиноза. Было решено единогласно прибегнуть к огню и мечу и восстановить действие декрета, изданного Карлом V в 1526 году, но оставшегося без применения, в котором арабам строго воспрещается говорить и писать на арабском языке как публично, так и у себя дома. Морискам предписывалось говорить и писать только по-кастильски, выдать свои арабские книги для сожжения, отказаться от всех обрядов, костюма, имен и обычаев мавританского происхождения, равно как от пользования горячими банями. Свадебные обряды у мавров должны были с этого момента совершаться публично по христианскому обряду, причем двери дома, где совершалось бракосочетание, должны были целый день оставаться открытыми, чтобы каждый мог убедиться в том, что там не совершается запрещенных обрядов. Мавританские женщины должны ходить по улицам с открытым лицом.

Подобный декрет мог только вызвать последнее, самое страшное восстание.

Декрет был провозглашен с большой торжественностью на площади Гранады особым герольдом при звуке труб и барабанов. Мавры слушали чтение этого распоряжения со слезами стыда и бешенства. Ужас, отвращение и негодование овладело всеми сердцами.

Восстание вспыхнуло бы немедленно, если бы мавры, живущие в городе, развращенные и изнеженные роскошью, не сдержали своих соотечественников, живущих в горах.

Начались переговоры с королем, длившиеся целый год и оказавшиеся совершенно бесполезными. И в это же время были изданы новые королевские указы, в которых было предписано маврам отдавать своих детей от трех до пятнадцати лет на воспитание в христианские школы.

Мавры решили сопротивляться. Был составлен обширный заговор, охвативший все мавританское население; при этом достойно удивления, что тайна была сохранена целым народом в течение десяти месяцев, без единой измены, и ничто не возбудило подозрений христианских властей.

В ночь под Рождество - сочельник - 1568 года был дан сигнал к восстанию. Ничего не подозревавшие христиане, отправившиеся на вечернюю торжественную службу с католические церкви, были зверски убиты.

Восстание не удалось в Гранаде, но в горах все население единодушно взялось за оружие, и восстание в одну минуту перекинулось и распространилось к югу по всей долине Ксениля.

Повстанцы прежде всего избрали себе главу в лице Мулей-Мохаммеда, последнего потомка Омайядов, бывших эмиров Гранады. Он был провозглашен королем.

И вот началась ужасающая по своей жестокости война, война без пощады, без жалости, война, подогреваемая с обеих сторон религиозным фанатизмом. Христиане, рассеянные среди мавров, стали его первыми жертвами.

Историки Испании пишут, что церкви, куда спрятались жертвы, обреченные на истребление, не спасали их. Алтари были разграблены и залиты кровью церковных служителей. Паства из мавров, обращенных в католичество, собиралась вокруг священника, как в те дни когда он властвовал над нею, его заставляли вызывать каждого бывшего прихожанина по очереди, тот подходил с напускной спокойностью и наносил ему удар или оскорбление; затем жертва переходила в руки палача, изощрявшего над нею в жестокости под восторженные крики толпы. Наконец, искалеченное, но еще живое тело передавалось или женщинам, вонзавшим с наслаждением иглы в истерзанную жертву, или детям, забавлявшимся стрельбой в него из лука. Если христиане спасались в башнях домов, стоявших отдельно в горах, то, пользуясь тем, что эти башни были деревянные, их поджигали, и христиане предпочитали сгореть в пламени, чем сдать мусульманам.

В одном монастыре все монахи были брошены в кипящее масло. Один мавр, связанный дружбой с христианином, сумел доказать ему свою дружбу только тем, что пронзил его собственноручно шпагой со словами: "Прими смерть от меня, друг, лучше тебе быть убитым мною, чем кем-нибудь другим"... Истязания доходили до особой изуверской жестокости: жену насиловали на глазах мужа, дочь – на глазах матери, причем бесчестие не спасало от убийства. Три тысячи христиан погибло таким образом.

Подавление восстания было возложено на маркиза Мандехар, генерал-губернатора Андалусии. Это был искусный человек, и что было особенно редко в то время, человек гуманный; если бы он был хозяином положения, то восстание было бы скоро и успешно подавлено. Но человечность этого генерала возбудила негодование инквизиторов и советников Филиппа II.

Маркиз Мандехар не допускал грабежей, насилия над пленными женщинами и избиятия детей и стариков; деятельность его подверглась серьезной критике. Было решено, что всякий пленный мавр, будь то мужчина или женщина, как повстанец, обращается в рабство. Поэтому все пленные были проданы с публичных торгов.

Пленные женщины, отданные Мандехаром на поруки в свои семьи, были потребованы обратно и выданы, с честностью, особенно, по мнению современников, бросавшейся в глаза по сравнению с вероломством, неизменно сопровождавшим отношения христиан с неверными. Мавры поклялись, что выдадут женщин, отданных на поруки, и сдержали эту клятву. Все женщины были проданы в рабство вместе с остальной массой пленников.

Жалобы на гуманные действия Мандехары приняли такие размеры, что он решил заткнуть рот тем, кто обвинял его в излишнем милосердии. Осадив какое-то укрепленное место, он приказал уничтожить все население этого пункта. Старики, женщины, дети – все были избиты. Но этого оказалось мало, и ему назначили «помощника» - маркиза Лос-Велеса, человек жестокого и хладнокровного, прозванного маврами «Дьяволом с железной головой».

С этого времени все сражения превращаются в ужасающие бои, и восстание мавров было подавлено.

Еще во время войны королем и инквизицией было принято решение об изгнании морисков с их родных земель, и в 1579-м году 20 000 жителей долин Альпухарры были высланы в Кастилию. Не менее пятой части изгнанников умерло в пути от болезней и голода.

Инквизиция свирепствовала, приняв самые жестокие меры по истреблению морисков в 1580 - 1610-х годах. Но и этого было мало - мавры должны были быть изгнаны с земель Испании.

И в 1609 году король Филипп III подписывает указ, по которому мавры должны были покинуть Испанию в течение 6 лет. Всего за эти годы страну покинули около 275 000 человек.

Деятельность инквизиции в Испании достигла небывалого в других странах Европы размаха, прежде всего потому, что только в Испании инквизиция подчинялась королевской власти - благодаря стараниям Королей-Католиков. Жертвами «слуг церкви» стали миллионы людей, среди которых были и еретики, и свободомыслящие деятели науки.

### ***Инквизиция во времена Возрождения***

Особенно тяжело пришлось инквизиции во времена Возрождения, или Ренессанса, ибо сама культура Ренессанса разрушает единоличное владычество церкви над умами людей. Культура Возрождения учит человека верить в свои силы и обращаться к исследованию природы. Именно к эпохе Ренессанса относятся важнейшие открытия во всех областях науки.

Ренессанс - собственно «возрождение» - зарождается в XIV веке в Италии, а в других европейских странах - в конце века пятнадцатого.

В Испании формирование культуры Возрождения совпало по времени с падением Гранады и открытием Америки Христофором Колумбом, подъемом экономики страны и завоеванием вновь открытых территорий. Эти важные события подготовили и расцвет новой культуры в стране.

Но это не только время развития Ренессанса в Испании. Это еще и тяжелейшие времена преследования инквизицией инакомыслящих, что не могло не наложить отпечатка и на всю испанскую культуру.

Инквизиция старательно борется с малейшими проявлениями религиозного инакомыслия, в прямом смысле слова выжигая огнем появившейся в Испании протестантизм.

Протестантизм появился впервые в Испании в 1550 г. В 1570 году от него там не осталось и следа.

Первые зачатки протестантизма были занесены в Испанию Карлом V, который был не только королем Испании, но и германским императором. В рядах войска Карла V служило немало лютеран, которые не могли не рассказывать о своей вере братьям по оружию. Много дворян последовало за императором из Испании в Германию; там они слышали проповеди протестантских пасторов. Словом, новые знания так или иначе попадали в Испанию.

Кроме того, в страну стали приходиться миссионеры и проповедовать протестантизм. Во многих городах даже появились общины людей, принявших новую веру. Ересь распространялась с поразительным успехом. Во многих провинциях - Леон, Старая Кастилия, Логроно, Наварра, Арагония, Мурсия, Гранада, Валенсия - вскоре нее было уже почти ни одной знатной фамилии, среди которой не оказалось бы членов, тайно принявших протестантство. Никогда еще испанский католицизм не был в такой опасности.

И инквизиция стала действовать - по всей стране запылали костры, на которых сжигали людей только потому, что они посмели принять другую - хоть и христианскую - веру.

В 1557 году инквизиторам удалось арестовать бедного крестьянина из Севильи по имени Джулианило, что значит «Юлиан маленький». Юлиан действительно был очень мал ростом. «Маленький - да удаленький», ибо в бочках с двойным дном, наполненных французским вином, он несколько лет успешно провозил Библии и другие лютеранские богословские книги на испанском языке. Джулианило был выдан кузнецом, которому он дал Новый Завет. Может быть, ему и удалось бы спасти свою жизнь, если бы он выдал своих сообщников и единомышленников, но он был непоколебим.

Тогда между узником и его судьями началась борьба, не имеющая себе равных в анналах инквизиции. Сведения об этом мы находим в книгах историков того времени. В течение трех лет к несчастному тщетно применялись самые утонченные пытки. Обвиняемому едва давалось время передохнуть между двумя истязаниями. Но Джулианило не сдавался и в ответ на бессильную ярость инквизиторов, которым так и не удавалось вырвать у него признаний, распевал хулиганские песни о католичестве. Когда его после пытки, обессиленного и окровавленного, несли в камеру, то в коридорах тюрьмы он с торжеством пел народную песню:

*Побеждена монахов клика злая!  
Изгнанию подлежит вся волчья стая!*

Инквизиторы были столь напуганы мужеством маленького протестанта, что на аутодафе его, совершенно искалеченного пытками, несли с завязанным ртом. Но Джулиано и тут не унывал и ободрял сочувствующих ему жестами и взглядом. У костра же он встал на колени и поцеловать землю, на которой ему суждено было соединиться с Господом.

Когда же его привязали к столбу, то сняли повязку со рта, чтобы дать ему возможность отречься от своей веры, но он воспользовался этим именно для того, чтобы громко исповедовать свою религию. Вскоре костер запылал, но твердость мученика не оставила его ни на минуту, так что стражники пришли в ярость, видя, как человек крошечного роста бросает вызов Великой инквизиции и закололи его копьями, избавив его тем самым от последнего мучения.

Тем временем папа Павел IV и король Филипп II разжигали остывшее было рвение инквизиторов. В папская булле от 1558 года предписывалось преследовать еретиков, "кто бы они не были, герцоги, князья, короли или императоры". Королевским эдиктом от того же года приговаривались к сожжению на костре все, кто будет продавать, покупать или читать запрещенные книги.

Даже сам Карл V, уже ушедший в монастырь, накануне смерти нашел в себе силы прервать молчание с тем, чтобы рекомендовать бдительность и требовать применения самых крутых мер. Он угрожал встать из своей добровольной преждевременной могилы, чтобы лично принять участие в борьбе со злом.

Инквизиции вняли призывам своих руководителей и был назначен день истребления протестантов, но до последней минуты план держался в тайне. В один и тот же день, в Севилье, в Валладолиде и в других городах Испании, в которые проникла ересь, все заподозренные в лютеранстве были захвачены. В одной Севилье восемьсот человек было арестовано в один день. Помещений в тюрьмах не хватило, арестованных пришлось помещать в монастырях и даже в частных домах. Многие оставшиеся на свободе пожелали сами предаться в руки трибунала, чтобы заслужить снисхождение. Ибо было件件но, что инквизиция в очередной раз одержала победу.

Подобная же кровавая расправа с гугенотами-протестантами был учинена католиками несколько лет спустя во Франции в Париже с ночь на 24 августа 1572 года, когда отмечался праздник святого Варфоломея. По имени этого святого истребление гугенотов получило название Варфоломеевской ночи. Организаторами Варфоломеевской ночи стали королева-мать Екатерина Медичи и руководители католической партии Гизы. Они хотели уничтожить главарей протестантов и использовали для этого удобный предлог - свадьбу лидера протестантов Генриза Наваррского, на которую съехались многие его сподвижники. В ту ночь было убито около 30 000 человек!

Но вернемся в Испанию. В период с 1560 по 1570 год было устроено минимум по одному аутодафе ежегодно в каждой из двенадцати провинций Испании, находившихся в ведении инквизиции, т. е., всего не менее ста двадцати аутодафе исключительно для протестантов. Таким образом Испания избавилась от тлетворной ереси Лютера.

Однако, хотя протестантизм и был выжжен каленым железом, в XVI веке появилась оппозиция католицизму - прежде всего, движение так называемых «иллюминатов» - «просвещенных». Они искренне считали себя истинными католиками, но стремились утвердить приоритет личности в познании Бога. Официальной католической Церкви, которая отрицала малейшее значение личности в истории и религии, новая доктрина не понравилась - и в 1524 году большинство «иллюминатов» было сожжено на костре.

Гораздо большее распространение в Испании получили идеи Эразма Роттердамского, выдающегося деятеля Северного Возрождения, гуманиста, мыслителя и писателя. Будучи католиком, он осуждал алчность, распущенность и необразованность большинства католических священников и требовал возвращения к простоте ранней христианской Церкви - то есть требовал отказа от пышного культа, богатого украшения церквей, призвал к истинно добродетельной жизни, основанной на идеалах милосердия и сострадания. Но почти всех последователей Эразма в Испании ждал костер.

Произведения самого Эразма были в Испании под строгим запретом. Книги и Эразма, и других великих писателей подвергались строгой цензуре инквизиции. Даже знаменитого испанского драматурга Лопе де Вега (1562 - 1635) «ревнители веры» не оставляли без внимания, и его пьесы не раз подвергались кройке инквизиторскими ножницами, а иногда и вообще снимались с подмостков театров.

Контроль осуществлялся католической Церковью почти во всех областях искусства - в том числе и в живописи. Церковь была основным заказчиком произведений искусства. И одновременно ею же вводились запреты на некоторые сюжеты и тема. Так, было запрещено изображение обнаженного человеческого тела - кроме изображения Иисуса Христа на кресте и херувимов. От преследования инквизиции не спасал и талант - так, когда великий художник Веласкес изобразил обнаженную Венеру, его спас от «ревнителей веры» лишь сам король Испании, который ценил Веласкеса как прекрасного портретиста. А вот у не менее великого и известного Франциско Гойя не оказалось столь могущественного покровителя - ему после написания картины «Нагая маха», которая сейчас известна каждому образованному человеку, пришлось отправиться в эмиграцию во Францию. Только так Гойе удалось избежать гнева инквизиции. И случилось это - подумать только! - не в темное и мрачное Средневековье, а в 1812 году!

Да-да, инквизиция в Испании свирепствовала еще и в XIX веке, продолжая истреблять людей. На протяжении многих веков она господствовала в Испании, осуществляя свое правление по единой схеме «донос - следствие - пытки - тюрьма - приговор - аутодафе». Сменялись века, начинались и заканчивались войны, открывались новые земли, писались книги и картины, люди рождались и умирали, а инквизиция все правила свой кровавый бал католической веры.

Общий итог жертв инквизиции в Испании за период времени с 1481 по 1826 год составляет около 350 000 человек, не считая тех, кто был приговорен к тюремному заключению, к каторжным работам и к изгнанию.

Но в последние 60 лет своего существования инквизиция осуществляла преимущественно цензуру, так что Гойю вряд ли отправили бы на костер, хотя, как и многим другим деятелям культуры того времени ему грозила кратковременная ссылка в католический монастырь, высылка из крупных городов в провинцию или многодневное церковное покаяние.

### ***Агония инквизиции***

Смерть пришла к инквизиции во многом благодаря Наполеону, который в 1808 году в результате интриг и военных действий добился воцарения в Испании своего брата Жозефа. На стороне Наполеона оказались не только чиновники, аристократия и духовенство, недовольное гнетом инквизиции, но и многие деятели испанской культуры,

которые преклонялись перед французской литературой и искусством Просвещения.

4 декабря 1808 года через несколько месяцев после прибытия в Мадрид новый испанский король опубликовал указ об упразднении инквизиции, конфискации ее имущества и уничтожении архивов. В 1809 году роскошный мадридский дворец инквизиции был взят штурмом и разграблен отрядом польских уланов, служивших во французских войсках. Тем не менее дальше этого захвата дело не пошло - в провинциях Испании сражались патриоты, которые боролись за освобождение своей Родины от французских оккупантов под знаменами «святой религии». Поэтому когда в освобожденную от французов страну в 1814 году вернулся король Испании Фердинанд VII, его немедленно прозвали «Желанным». Но желанным монарх оказался злобным и не очень умным. В том же году он отменил принятые ранее законы и конституцию 1812 года недействительными и восстановил инквизицию.

Но вновь обретшая власть инквизиция не могла уже вернуть утраченных позиций - слишком сильным оказался нанесенный ей удар.

В первый день 1820 года испанский офицер Рафаэль дель Риго поднял восстание экспедиционного корпуса, который отправлялся для подавления национально-освободительного движения в испанских колониях. Через несколько месяцев он во главе восставших был уже в Мадриде. Король испугался и восстановил конституцию, а инквизицию отменил.

Революция победила, и ее руководители оставались у власти на протяжении трех лет. Но в 1823 году по решению Священного союза, созданного за несколько лет до этого главами России, Франции и Австрии, в Испанию вступили французские оккупационные войска и победили революцию. Риго был повешен, инквизиция восстановлена, на престол воссел в очередной раз Фердинанд.

Инквизиция, которую то упраздняли, то вновь учреждали, стала действовать в Испании намного осторожнее, но в 1826 году «не сдержалась» и потребовала крови очередной своей жертвы. Ею стал Каetano Риполь. В молодости он был священником, но после вступления в страну войска наполеона, отказался сана и стал сражаться против оккупантов. Он попал в плен, был этапирован во Францию, где повел долгие годы. Именно в плену он и увлекся просветительскими идеями французского писателя и философа Жан-Жака Руссо.

После возвращения в Испанию Риполь начал работать учителем, используя в своей работе новые методы воспитания детей, которых прочитал в книгу Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании». В частности, он проповедовал скептическое отношение к догмам католицизма.

Этого инквизиция стерпеть не могла, и в 1824 году Риполь был арестован, осужден как «упорствующий еретик» и передан светским властям, что когда-то означало смерть на костре. Однако в XIX веке подобное варварство было уже немыслимым, и Риполя повесили, а затем мертвого вместо гроба положили в мусорный ящик с нарисованным на нем языками пламени и так похоронили за пределами церковной ограды.

В мире подобное изуверство немедленно вызвало гневный отклик. О судьбе Риполя написали все газеты Европы.

Инквизиция сама подписала себе приговор. Даже король Фердинанд понял, что свершилось непоправимое - и отрекся от причастности к суду инквизиции, а затем приостановил деятельность этой организации.

Однако полностью инквизиция была упразднена лишь в 1834 году - уже после смерти короля - его молодой вдовой Марией-Кристиной.

Но конец европейской инквизиции пришел еще позднее - уже в XX веке, когда в 1908 году была упразднена «Римская и всеобщая инквизиция». Однако и тогда эта необыкновенно живучая - как некая мифическая гидра - организация вновь перевоплотилась в «Священную конгрегацию Святой канцелярии», которая по-прежнему оставалась верховным церковным судом и боролась со всякими проявлениями ереси. Вплоть до 1965 года - подумать только! - «Священная конгрегация» выпускала индекс книг, подлежащих запрету по рекомендациям папы Римского.

Конгрегация существует и в наши дни - хотя принципы ее деятельности и подверглись некоторым изменениям. Тем не менее в 1988 году ею, например, был отлучен от церкви французский архиепископ Марсель Лефевр, который отказался признать либеральные реформы, осуществляемые Ватиканом.

Католическая церковь в последние годы неоднократно просила прощения у народов и отдельных лиц по разным поводам - в том числе и за деяния инквизиции. Папа Иоанн-Павел II просил прощения за благословение крестовых походов и религиозных войн, за Варфоломеевскую ночь 1572 года, когда во Франции была осуществлена массовая резня протестантов-гугенотов, за разгул инквизиции.

Однако в деле инквизиции мало попросить прощения. Мы должны хорошо знать историю «священного суда» и постараться осмыслить ее опыт, ибо в XX веке было немало попыток взять на вооружение методы инквизиции в утверждении единомыслия. Так было во франкистской Испании, в фашистской Италии и нацистской Германии и, конечно, в нашей стране - прежде всего во времена диктатуры Сталина.

Изучение истории - и прежде всего истории инквизиции - поможет странам и людям избежать новых страшных диктатур и миллионов кровавых жертв.

Канторович Я.

### **Колдовство в России<sup>26</sup>**

История колдовства в России резко отличается от истории колдовства в Западной Европе.

Разнообразие элементов, наполнявших религиозную жизнь и питавших религиозную мысль на Западе – вся обстановка католицизма, с ее папством, инквизицией, теологией, с ее догмой греха и искушения, с ее таинственными сводами и мрачными оградами монастырей и соборов, с искусством, отдавшим себя на служение религиозным сюжетам – все это вызывало разнообразие и яркость представлений о сатане, его власти на земле и его похождениях среди людей. Кроме того Западная Европа наследовала богатый материал для демонологии от классического мира, на котором возникла цивилизация Запада – от язычества, которое со всеми своими богами, с водворением христианства сошедшими на землю и вступившими в борьбу с началами добра и света, послужило основанием демонологических понятий и сатанинского культа.

Совсем другое мы видим на Руси. И на Руси были распространены представления о дьяволе и о борьбе с ним. Но благодаря простоте внутреннего содержания Восточной Церкви, однообразию форм ее внешнего строя, слабому развитию философско-теологической литературы, бледности красок и однообразию жизненных элементов в складе древнерусской жизни – представления о дьяволе остались в бледных зачатках и в самых слабых очертаниях и не могли развиваться в ту стройную систему демонологических учений, каковую мы видим на западе.

"Древнейшие сказания, говорит Буслаев, распространенные на Руси, как национального, так и византийского происхождения, изображают беса в самых общих чертах, придавая ему только одно отвлеченное значение зла и греха. Фантазия, скованная догматом, боязливо касается этой опасной личности и, упомянув о ней вскользь, старается очистить себя молитвой. Самые изображения бесов в русских миниатюрах до XVII в. однообразны, скудны, не занимательны и сделаны как бы в том намерении, чтобы не интересовать зрителя"<sup>27</sup>.

Восточная церковь не считала своей задачей борьбу с дьяволом и не посвящала себя этой борьбе, как служению Богу. Поэтому и в народе не была выработана вера в организованный демонический культ, и народным воззрениям были совершенно чужды те демонологические понятия, которые вызывали на западе жестокое преследование колдовства. Как справедливо замечает В.Б. Антонович, "народный взгляд, допуская возможность чародейного, таинственного влияния на бытовые, повседневные обстоятельства жизни, не искал начала этих влияний в сношениях со злым духом; демонология не только не была развита, как свод стройно развитой системы представлений, но до самого конца XVIII стол., на сколько можно судить по процессам, совсем не существовала в народном воображении, даже в виде неясного зародыша. Народный взгляд

---

<sup>26</sup> Данная глава, рассказывавшая о ведовстве в России взята из книги: Канторович Я.А. Средневековые процессы о ведьмах. СПб., 1896.

<sup>27</sup> Ф. Буслаев. Бес. СПб., 1881

на чародейство был не демонологический, а исключительно пантеистический. Допуская существование в природе законов и сил, неведомых массе людей, народ полагал, что многие из этих законов известны личностям, тем или другим образом успевшим проникнуть или узнать их».<sup>28</sup>

Само по себе обладание тайною природы не представлялось, таким образом, делом греховным, противным учению религии. Поэтому преследование колдовства и ведьм не имели у нас того жестокого фанатического характера, какой приняли процессы о колдовстве на западе. Производившиеся у нас процессы по обвинены в колдовстве не имели ничего общего с процессами западными. Эти были большею частью обыкновенные гражданские иски, возбуждавшиеся против тех или других лиц (преимущественно женщин), обвиняемых в причинении вреда посредством колдовства. Колдовство таким образом играло лишь роль орудия для нанесения вреда другому, и вина обвиняемых вытекала не из греховного начала колдовства, а измерялась экономическим началом – степенью и количеством нанесенного ущерба. Никаких религиозных или иных причин для преследования колдовства в народном сознании не было. Дьявольская сила преследовалась не за свою греховность, а за то, что ею пользовались для нанесения вреда. Народ смотрел на колдунов, как на силу, умеющую вредить, и защищал себя от колдовского вреда или мстил за причиненный вред. Судьи принимали к своему решению дела о колдовстве как частные случаи, и были чужды каких либо фанатических представлений о необходимости искоренения колдовства во имя каких либо общих демонологических понятий. Поэтому у нас не было систематизированного преследования ведьм как на Западе; не было выработано никаких исключительных судопроизводственных порядков по делам о колдовстве, не было специальных законов о преступлениях колдовства, обвиняемые не пытались, не сожигались на костре. Дела оканчивались обыкновенно вознаграждением потерпевшего или уплатою штрафа в пользу церкви, церковною эпитимиею или очистительною присягою.

Ниже мы приведем некоторые процессы по обвинению в колдовстве, относящиеся к прошлому столетию, а теперь обратимся к историческому очерку развития колдовства в России. Из него мы увидим, что, не смотря на слабое развитие демонологических понятий, Россия, тем не менее, также заплатила тяжелую дань суеверию колдовства.

Чародейство известно в России в самый древний период. В летописях находим много рассказов о волхвах. Под 1024 годом рассказывается, что из Суздаля вышли волхвы и стали избивать "старую чадь", т. е. стариков и старух, говоря, что они портят урожай. Князь Ярослав велел схватить волхвов и иных из них прогнать, других предать смерти, говоря: "Бог наводит по грехом на куюждо землю гладом или мором, ли ведром, ли иною казнью, а человек не весть ничтоже". Во время голода в Ростовской земле в 1071 году пришли туда из Ярославля два волхва и стали преследовать женщин: мучить их, грабить и убивать – за то, что будто бы виновны в этом народном несчастье. Обыкновенно придя в какой либо погост, они называли лучших жен, т. е. более зажиточных женщин и утверждали, что одни из них задерживают жито, другие медь, третьи рыбу или кожи, жители приводили к ним своих сестер, матерей и жен; волхвы же, прорезавши у них за плечами кожу, вынимали оттуда жито, рыбу и т. д. и затем убивали несчастных, присваивая себе их имущество.

Отсюда волхвы пошли в Белоозеро, в сопровождении большой толпы народа, их последователей. Чрез некоторое время сюда пришел Ян, сын Вышаты, для сбора дани от имени своего князя Святослава. Белоозерцы рассказали ему, что волхвы тут убили много женщин. Ян вступил с волхвами и их последователями в борьбу, дело дошло до сечи, которая кончилась гибелью волхвов. При князе Глебе явился в Новгород волхв, который "многы прелсти, мало не всего града"; он хулил христианскую веру и хвалился, что перейдет перед глазами всех через Волхов. "И быст мятежь в граде, и вей яша ему веру и хотяху погубити епископа"; последний, взявши в руки крест, пригласил всех верующих стать возле него: "и разделившася на двое: князь бо Глеб и дружина его идоша и стаха у епископа, а людье вси идоша за волхва". Дело кончилось тем, что князь Глеб убил волхва топором, а

---

<sup>28</sup> В. Антонович. Колдовство. - В книге «Труды этнографической статистической экспедиции в Западный русский край, 1872. Т. 1.

люди разошлись; "он же – прибавляет летописец о волхве – погыбе телом и душою, предався дьяволу".

В Киеве в 1071 году явился какой-то волхв, который предсказывал страшные вещи: "яко на пятое лето Днепру потеши вспять и землям преступати на ина места, яко стати гречьской земле на русской, а русской на гречьской и прочим землям изменитися". Невежды по словам летописца, слушали его, а "верные" смеялись над ним, говоря: "бес тобою играет на пагубу тебе". По этому поводу летописец прибавляет от себя: "беси бо подъятокше на зло вводят, по семь же насмисаються, ввергыше и в пропасть смертную, научивше глаголати, яко же се скажем бесовское наущение и действо".

В древнерусских памятниках литературы находим весьма много указаний, в которых выразилась церковная точка зрения на существование злой силы в виде дьявола и его слуг – чародеев. Волшебство, чары, волхование – представлялись как реально существующие явления, и порицались церковью, как грех. Дела о чародейств находились в видении духовенства, которому была предоставлена юрисдикция этих дел. В "Церковном Уставе" святого Владимира имеется на этот счет указания, также в "Правиле" митрополита Иоанна II (1080 - 1089) и в "Уставе белечском" митрополита Георгия (XII в.). Из этих постановлений видно, что первоначально духовная власть смотрела весьма мягко на преступления колдовства и не требовала наказания греха чародейства смертью. По крайней мере до конца XII века чародейство не встречает строгого преследования со стороны духовного суда и воззрения нашего духовенства на чародеев отличаются весьма мягким гуманным характером.

Начиная с XVI в. отношение к чародеям изменяется, становится строже, как среди духовенства, так и среди народа. Отношение народа к чародеям выразилось между прочим в "Повести о волховании", написанной неизвестным автором для царя Иоанна Васильевича Грозного. В этой "Повести" доказывается необходимость строгих наказаний для чародеев и «в пример» выставляется один царь, который вместе с епископом "написати книги повеле и утверди и промять чародеяние и в весех заповеда после таких огнем пожечи". Это отношение к чародейству выразилось также в следующем народном предании, (относящемся к царствованию Иоанна Грозного). "При царе Иване Васильевиче Грозном расплодилось на Русской земле множество всякой нечисти и безбожия; долго горевал благочестивый царь о погибели христианского народа и решился наконец для уменьшения зла уничтожить колдунов и ведьм. Разослал он гонцов по царству с грамотами, чтобы не таили православные и высылали спешно в Москву, если есть у кого ведьмы и переметчицы; по этому царскому наказу навезли со всех сторон старых баб и рассадили их по крепостям, со строгим караулом, чтобы не ушли. Тогда царь приказал, чтобы всех их привели на площадь; собрались они в большем числе, стали в кучку, переглядываются и улыбаются; вышел сам царь на площадь и велел обложить всех ведьм соломой; когда навезли соломы и обложили кругом, он приказал запалить со всех сторон, чтобы уничтожить всякое колдовство на Руси на своих глазах. Охватило пламя ведьм, и они подняли визг, крик и мяуканье; поднялся густой черный столб дыма и полетело из него множество сорок, одна за другою: все ведьмы обернулись в сорок, улетели и обманули царя в глаза. Разгневался тогда царь и послал им вслед проклятие: чтобы вам отныне и до веку оставаться сороками. Так все они и теперь летают сороками, питаются мясом и сырыми яйцами; до сих пор они боятся царского проклятия и потому ни одна сорока не долетает до Москвы ближе 60 верст вокруг".

Как сильно было распространено в Московском царстве колдовство, показывает формула присяги, по которой клялись служилые люди в 1598 году в верности избранному на царство Борису Годунову: "ни в платье, ни в ином ни в чем лиха никакого не учинити и не испортити, ни зелья лихово, ни коренья не давати... да и людей своих с ведовством не посылати и ведунов не добывати на государское лихо... и наследу всяким ведовским мечтаньем не испортити и ведовством по ветру никакого лиха не насилати... а кто такое ведовское дело похочет мыслити или делати... и того поймати"...

В Архивах сохранилось множество ведовских дел, относящихся к XVI - XVII векам.<sup>29</sup> Почти все эти дела имеют характер государственных преступлений и касаются порчи кого либо из членов царской фамилии и вообще посягательства колдовскими

---

<sup>29</sup> Интересующихся отсылаем в последней главе в томе III книги Афанасьева "Поэтические воззрения славян на природу".

средствами на жизнь и здоровье государей. Очень часто к оговору в чародействе прибегали, как к лучшему средству отделаться от противников, в борьбе партий, вечно кипевшей вокруг царского трона. Не мало людей было замучено по этим колдовским делам. Вот несколько из них, которые мы заимствуем у Забелина ("Комета", 1851 г.).

В 1635 году одна из золотных мастериц царицы, Антонида Чашникова, выронила нечаянно у мастериц в палате, где они работали, платок, в котором был заверчен корень "неведомо какой". Этого было достаточно, чтобы возбудить подозрение. Донесли об этом государю. Государь повелел дьяку царицыной мастерской палаты Сурьянину Тараканову сыскать об этом накрепко. Дьяк начал розыск расспросом: "где мастерица Чашникова тот корень взяла или кто ей тот корень и для чего дал, и почему, она с ним ходит к государю и государыне в верх, т. е. во дворец". На эти вопросы мастерица Чашникова отвечала, что "тот корень не лихой, а носит она его с собою от сердечные болезни, что сердцем больна". Дьяк снова со всякою пригрозой начал допрос, словами: "если она про тот корень, какой он слово и где она его взяла и для чего дал и кто ей дал, подлинно не скажет и государю в том вины своей не принесет, то по царскому повелению, ее будут пытать накрепко". Эти слова сильно подействовали на бедную женщину, она повинилась и сказала, что в первом расспросе не объявила про корень подлинно, блудясь от государя и от государыни опалы, но теперь все откроет. "Ходит де в царицыну слободу, в Кисловку, к государевым мастерицам жонка, зовут ее Танькою. И она этой жонке била челом, что до нее муж лих; и она ей дала тот корень, который она выронила; и велела ей тот корень положить на зеркальное стекло, да в то зеркало смотреться и до нее де будет муж добр. А живет та жонка на Задвиженской улице".

Дьяк тотчас велел сыскать женку Таньку. Когда посланные за нею дети боярские поставили ее к допросу, она сказала, что зовут ее Танькою, а мужа ее зовут Гришка плотник и что отнюдь в Царицыну слободу, в Кисловку, ни к кому не ходит и золотной мастерицы Антониды Чашниковой не знает и иных никаких мастериц не знает. Поставили ее на очную ставку с Чашниковой и угрожали пытать накрепко и жечь огнем; но она продолжала отпираться. Дело было снова доложено государю и он повелел окольному Василию Стрешневу и дьяку Сурьянину Тараканову "ехать к пытке и про то дело сыскивать и мастерицу и жонку Таньку расспрашивать накрепко". Под пыткой мастерица и Танька все таки не признались и повторяли свои первые показания, между прочим Танька подтвердила, что она дала мастерице корень, который зовут обратим, вследствие просьбы ее, чтобы она ей сделала, чтобы ее муж любил. О судьбе этих женщин имеется в сыском деле следующее: "Сосланы в Казань за опалу, в ведовском деле, царицын сын боярский Григорий Чашников с женою, и велено ему в Казани делати недели и поденный корм ему указано давати против иных таких же опальных людей. Да в том же деле сосланы с Москвы на Чаронду Гриша плотник с женою с Танькою, а велено им жить и кормиться на Чаронде, а к Москве их отпустить не велено, потому что та Гришина жена ведомая ведунья и с пытка сама на себя в ведовстве говорила".

Лет через пять, в ноября 1638 году, случилось другое подобное дело. Одна из мастериц государыни Мария Сновидова сделала язвить на другую мастерицу Дарью Ламанову, обвиняя ее в том, что она на след государыни-царицы сыпала песок и что во время царского отсутствия из Москвы к ней в Троицкий монастырь приходила неведомо какая жена. Розыск опять поручен был окольному Стрешневу и дьяку Тараканову; они подвергли Ламанову пытке и допросу относительно следующих пунктов: "как та мастерица Дарья на след государыни-царицы сыпала песок и как она Дарья звала с собою за Москву-реку Степаниду Арапку к бабе; и та мастерица Дарья для ль государския порчи хотела итить к бабе или для иного какова дела, и кто с нею в том дели и какие люди в думе были, и в верх к ней, Дарья, в светлицу та ли баба, которая живет за Москвою-рекою, приходила или какая иная и для чего приходила"? Ламанова под пыткой повинилась: "В том де она перед государем и перед государыней виновата, что к бабе к ворожей подругу свою Степаниду Арапку за Москву-реку звала, а ту-де бабу зовут Настасьицею, живет за Москвою-рекою на вспольи; а спознала ее с нею подруга ее, золотная же мастерица Авдотья Ярышкина, для того, что она людей привораживает, а у мужей к женам сердце и ревность отымаешь; а наговаривает на соль и на мыло, да ту соль дают мужьям в естве и в питье, а мылом умывающца; да и над мужем де она Авдотья своим тож делала и у него к себе сердце и ум отняла: что она Авдотья ни делает, а он ей в том молчит. Да таж баба давала,

наговариваючи, золотной же мастерице, Анне Тяпкиной, чтобы муж ее, Алексей Коробанов, добр был до ее Аннинных детей". Послали за колдуньей, которая в распросе сказала, зовут ее Настасьицу, Иванова дочь, родом Черниговка, а муж у ней литвин, зовут его Янкою Павлов. На очной ставке ее признали за ту именно бабу, которая приходила во дворец к Дарье Ламановой. Но Настасьица во всем запиралась: "мастериц она никого не знает и в светлице не бывала". Ее велели "пытати накрепко и огнем жечь". "И послыша то, мастерица Дарья Ламанова учала винитца и плакать, а той жонке Настьке говорит, чтобы повинилась: помнишь ты сама. говорила она ей, как мне про тебя сказала мастерица Авдотья Ярышкина, и я по ее сказке к тем пришла и, ворот черной своей рубашки отодрав, к тебе принесла, да с тем же воротом принесла к тебе соль и мыло. И ты меня спросила, прямое ли имя Авдотья, и я сказала тебе что прямое, и ты в те поры той моей рубашки ворот на омошке, у печи сожгла, и на соль и на мыло наговаривала, а как наговорила и ты велела мне тот пепел сыпать на государской след, куда государь и государыня-царица и их царское дети и ближние люди ходят; и тебе де в том и от государя и от царицы кручины никакие не будет, а ближние люди учнут любить. А мылом велела ты мне умыватца с мужем, и соль велела давати ему ж в питье и в естве, так де у мужа моего сердце и ревностью отойдет и до меня будет добр. Да и не одна я у тебя была, продолжала Дарья: приходила и после того со мною ж к тебе Васильевна, жена Колодница, Семенова, жена Суровцева, ты им, наговора, соль и мыло давала".

Не смотря на эти улики, ворожея запиралась. Ее стали пытати еще раз и она не выдержала и призналась, что мастерицам Дарье Ламановой и ее подругам, которых знает, а иных и не знает, сожегши женских рубашек ворота и наговоря на соль и мыло давала и пепел велела сыпать на государской след, но не для лихова дела, а для того, как тот пепел государь и государыня перейдет, а чье в те поры будет челобитье и то дело сделается, да от того бывает государская милость и ближние люди к ним добры. А соль и мыло велела она давати мастерицам мужьям своим, чтобы до них были добры. И еще была она спрошена: "сколь она давно тем промыслом промышляет и от литовского короля к мужу ее, литвину Янке, присылка или наказ, что ей государя или государыню испортить, был ли; и чем она и какими лихими делы их государей портила; и давно ль она тому делу, что мужей привораживать, научилась и кто ее тому учил и муж ее про то ведает ли"? Колдунья отвечала: "что к мужу ее, к литвину Янке и к ней из Литвы от короля для государския порчи приказу и иного никакого заказу не бывало и сама она их государей не порчивала. А что она мужей привораживает и она только и наговорных слов говорит: как люди смотрятца в зеркало, так бы муж смотрел на жену, да не насмотрелся; а мыло сколь борзо смоецца, столь бы де скоро муж полюбил; а рубашка, какова на теле была, столь бы де муж был светел, да и иные де она не лихия слова наговариваема, чтобы государь и государыня жаловали, а ближние люди любили, а учила ее тому на Москве жонка Манка словеть Козлиха, а живет за Москвою-рекою у Покрова".

Тотчас отыскали и Манку Козлиху и поставили их с очей на очи. Манка запиралась и сказала, что ворожить не знает, а только и знает, что малых детей смывает, да жабы, у кого прилучитца во рте, уговаривает, да горшки на брюхо наметывает, опричь того и ничего не знает. Начали ее пытати накрепко и после третьего раза она повинилась и сказала, что она сама ворожить и Настасьицу ворожить учила. А ей Манке тое ворожбу оставила при смерти мать ее родная, Оленка. А как матери ее не стало, тому ныне седмой год. А ворожа она, в привороте на соль и на мыло и на зеркало наговаривала: как смотрятца в зеркало да не насмотрятца, так бы муж на жену не насмотрелся; а на соль: как тое соль люди в естве любят, так бы муж жену любил; а на мыло наговаривала: сколь скоро мыло с лица смоецца, столь бы скоро муж жену полюбил. А ворота рубашечные жегши, приговаривала: какова была рубашка на теле, таков бы муж до жены был. А жаба у кого прилучитца во рте, уговаривает. А инова она ничего лихова опричь того не знает и лихим словом. не наговаривает. Да и не одна она тем ремеслом промышляет: есть на Москве и иные бабы, которые подлинно умеют ворожить. Одна живет за Арбацкими ворота, зовут ее Ульянкою, слепая; а две живут за Москвою-рекою, одна в Лужниках, зовут Дунькою, а другая зовут Феклицей, в Стрелецкой Слободе.

Таким образом явились еще ворожеи, Улька, Дунька и Феклица, все слепые, которых розыскали и поставили на очную ставку с Манкой. Так как они запирались, то их стали пытати. Жонка Улька во время пытки призналась во всем и прибавила, что "не одним

этим промышляет, есть де за нею и иной промысл: у которых людей в торговле товар заляжет, и она тем торговым людям наговаривает на медь, а велит им тем медом умыватца, сама приговаривает: как пчелы ярые роютца да слетаютца, так бы к тем торговые людям да их товаров купцы сходились. И от того наговору у тех торговых людей на товары купцы бывают скорые". Другая ворожея Дунька слепая объяснила с пытки между прочим, что она, "у кого что пропадет, смотрит, и на кого скажут наверну и она, посмотря на сердце, узнает, потому что у него сердце трепещет". Третья ворожея, Феклица создалась только, что "грыжи людям уговаривает, а наговаривает на громовую стрелку, да на медвежий ноготь, да с той строчки и с ногтя дает пить воду; а приговариваючи говорит: как де ей, старой жонке, детей не раживать, так бы, у кого та грыжа, и болезни не было; да она ж у кого лучитца, на брюхи горшки наметывает".

Несмотря на жестокие пытки и сжение огнем, что повторялось по несколько раз, все эти жонки колдуньи ничего более не открыли. Между тем в январе 1639 года после непродолжительной болезни умер пятилетний царевич Иван Михайлович, а в марте 25-го дня умер новорожденный царевич Василий Михайлович. Эти несчастья в царской семье были приведены в связь с ворожкой мастерицы Дарьи Ламановой, посыпавшей пепел на след государыни-царицы, и 1-го апреля государь указал снова расспросить и пытать накрепко и мастерицу Дашку и ведунью женку Настьку. В указе сказано, что "с того времени как Дашка, по ведовству жонки колдуньи Настьки на след государыни сыпала пепел и от того времени до сих мест меж их государей скорбь и в их государском здоровья помешка... и она бы мастерица Дашка и ведунья жонка Настька сказали про то подлинно в правду, для чего она Дашка ведовский рубашечный пепел на след государыни царицы сыпала; а та ведунья Настька, что подлинно над тем пеплом наговорила и на государской след сыпать велела: над государем и над государынею и над их государскими детьми какое лихое дело не умышляли ль и их государей не портили ль, и детей их государских у них государей не отнимали ль, и совать их государский меж их государей своею ведовскою рознью к развращенью не делали ль, и детям их государским в их многолитном здоровье тем своим ведовским делом, порчею, лет не убавляли ль, и иного какого зла им государем и их детям не умышляли ль, и умысля что, не дели ль, про то б про все сказали вправду?"

Мастерицу Дашку и жонку ведунью Настьку подвергли новым пыткам и сжению огнем; кроме того допросили в пытке также остальных мастериц, подруг Дашки. Ничего нового однако не открыли. Вскоре после этих пыток колдуньи Настька и Ульянка слепая умерли. Прочие подсудимые были розданы приставам под стражу до окончания дела. В сентябре того же 1639 года всех прикосновенных к этому делу мастериц велено выслать из дворца и впредь в царицыне чину им не быть. Дарья Ламанова с мужем сосланы в Сибирский город Пелым, колдунья Манка Козлиха – в Соликамск, а Феклица слепая с мужем на Вятку, а Дунька слепая к Соли Вычегодской.

При царе Михаиле Федоровиче была отправлена в Псков грамота с запрещением покупать у литовцев хмель, потому что посланные за рубеж лазутчики объявили, что есть в Литве баба ведунья, и наговаривает она на хмель, вывозимый в русские города, с целью навести чрез то на Русь моровое поветрие.

В 1547 году, во время великого московского пожара, народная молва приписала это бедствие чародейству Глинских, родственников по матери молодому Ивану IV. По совету благовещенского протопопа Федора Бармина; бояр князя Федора Скопина-Шуйского да Ивана Федорова, царь приказал сделать розыск по делу. Бояре приехали в Кремль на площадь, к Успенскому собору, собрали черных людей и стали спрашивать:

– Кто зажигал Москву?

Толпа закричала:

– Княгиня Анна Глинская с своими детьми и с людьми волховала, вынимала сердца человеческие, клала их в воду, да тою водою, ездячи по Москве, кропила – и от того Москва выгорела!

На площадь явился и Юрий Глинский, родной дядя Ивана Васильевича; слыша такое ужасное обвинение, он поспешил укрыться в Успенском соборе, но озлобленная чернь бросилась за ним, убила его в самой церкви и поволокла труп на торговое место, где обыкновенно совершались казни.

Строгое отношение к чародеям выражается и в законодательных памятниках того времени, в которые начинают проникать постановления относительно строгого

преследования ведьм и колдунов. В Стоглаве наказания еще сравнительно мягки: для мирян высшим наказанием положено отлучение от церкви, а для клириков – извержение из сана. В одном из указов царя Ивана Васильевича Грозного 1552 года говорится, что те, которые будут "к чародем и ж волховом и к звездочетцом ходити волховати и к полям чародеи приводити, и в том на них доведут и обличены будут достоверными свидетели, и тем быти от царя и великого князя в великой опале, по градскими законом, а от святителей им же быти в духовном запрещении, по священным правилам". В Указе, данном царем Федором Алексеевичем при основании Московской Славяно-Греко-Латинской Академии в 1682 году, читаем: "а от церкви возбраняемых наук, наипаче же магии естественной и иных, таким не учити, и учителей таковых не имети. Аще же таковые учителя где обрящутся, и они со учениками, яко чародеи, без всякого милосердия да сожгутся; аще... отныне начнет от духовных и мирских всякого чина людей волшебные и чародейные и гадательные и всякие от церкви возбраняемые богохульные и богоненавистные книги и писания у себе коим ни буди образом, держати и по оным действовати и иных тому учити, или без писания таковая богоненавистная делеса творити или таковыми злыми делами хвалитися, яко мощен он таковая творити; и таковой человек за достоверным свидетельством без всякого милосердия да сожжется".

Котошихин говорит, что в его время мужчин за волшебство и чернокнижество сожигали, а женщин за волшебство живых по грудь закапывают в землю, отчего они умирали на другой или на третий день.

Также в "артикулах" воинского устава Петра Великого 1716 года сказано: "ежели кто из воинских людей найдется идолопоклонник, чернокнижец, ружья заговоритель, суеверный и богохульный чародей: оный по состоянию дела в "жестоком" заключении, в железах, гонянием шпицрутен наказан или весьма сожжен имеет быть".

Достоин замечания, что усиление веры в колдовство в России относится к тому времени, когда на западе эта вера стала ослабевать, именно к XVIII столетию. Таким образом мы видим тут, в отношении колдовства, тоже самое, что повторилось в отношении многих других явлений культурно-исторического развития России – переживание Россией западноевропейских задов.

Во второй половине XVIII столетия в народе существовало убеждение, что сожжение за колдовство – дело обычное и вполне законное. В июне 1758 года управляющий имением графа Тышкевича пишет к последнему: "Ясновельможный пане! С возвращающимися Клепацкими крестьянами доношу, что с вашею позволения сжег я шесть чаровниц; – три сознались, а остальные не сознались, потому что две престарелые, третья тоже лет пятидесяти, да к тому же одиннадцать дней они все просидели у меня под чаном, так, верно, и других заколдовали. Вот и теперь господская рожь в двух местах заломана. Я собираю теперь с десяти костелов воду и буду на ней варить кисель: говорят, непременно все колдуньи прибегут просить киселя; тогда еще мне работы. Вот и г. Епернети, по нашему примеру, сжег женщину и мужчину, войта четырех полков. Этот несчастный ни в чем не сознается, за то женщина созналась во всем и с великим отчаянием пошла на тот свет".

У нас также практиковалось "испытание водою", которое заключалось в следующем. Женщин, подозреваемых в причинении засухи, заставляли непрерывно носить воду из реки или пруда через поля и поливать ею кресты или образа (фигуры), выставляемые обыкновенно близ села или на раздорожья. Которая из женщин выносила это испытание, та избавлялась от подозрения в колдовстве. Также употреблялось, как на западе, топление женщин в воде. В Малороссии им обыкновенно привязывавши на шею камень и таким образом опускали в воду: если она тонула, ее считали невинной и вытягивали веревками вверх, а если она держалась на поверхности воды, ее признавали ведьмой и обрекали на смерть.

Вот некоторые дела об испытании водою, сохранившиеся в архивах судебных учреждениях XVIII столетия.

В 1709 году во время засухи в Подолии, мелкопоместные владельцы села Подфилипья, чтобы узнать виновниц бездождия, распорядились, чтобы все крестьянки, в виде первого испытания, носили ведрами воду из реки Збруча через поля и поливали ею крест, стоявший у дороги в значительном расстоянии от реки. Но так как все крестьянки исполнили это приказание и тем сняли с себя подозрение, то владельцы должны были искать виновниц между дворянками. При этом один из владельцев указал на дворянку,

которую следовало бы подвергнуть испытанию. Этой женщине он был должен значительную сумму денег, от уплаты которых уклонялся в течение двух лет; поэтому в его интересе было содействовать ее обвинению, или по крайней мере опозорить ее. С общего совета устроили на берегу реки Збруча нужные приспособления; созвали в это место всех жителей села и пригласили упомянутую дворянку. Когда она явилась, то крестьяне, по приказанию ее должника, бросились на нее, раздели до нога, связали особенным образом, установленным для подобного рода испытаний: большой палец правой руки привязали к большому пальцу левой ноги и тоже делалось на крест. Затем между связанными членами продета была веревка и несчастную принялись на блоках опускать в воду и подымать вверх. Так как при этом она тонула, то признана была общим собранием невинною.

В мае 1711 года на Волыни была сильная суша вследствие отсутствия дождя. Виновницами, конечно, считали женщин. Управляющий имениями одного князя приказал подвергнуть испытанию посредством воды женщин окрестных деревень. По испытании оказалось десять баб села Погорилец таких, которые не тонули. Их признали виновными и вследствие этого представили в Дубнинский магистрат для заключения в тюрьму, до решения дела. Магистрат, однако, отпустил их домой за поручительством мужей, с тем, чтобы они были представлены в суд по первому требованию судебных властей.

Как уже выше было замечено, у нас не было процессов ведьм в смысле организованного преследования, как на западе. Но единичные случаи преследования мнимых ведьм повторяются очень часто в течение XVIII столетия. Дела по обвинению в колдовстве рассматривались в обыкновенных судах и, как выше указано, возбуждались лишь по жалобе потерпевших, как гражданские иски о причиненном колдовством вреде. Суды не придавали этим делам никакого религиозного характера и присуждали только к вознаграждению потерпевшего или к очистительной присяге, которую должны были принять ответчики в знак своей невинности.

Заимствуем у В. Б. Антоновича некоторые дела из актов Киевского центрального архива, относящиеся к процессам прошлого столетия по обвинению в колдовстве и извлеченные им из книг градских и магистратских судов юго-западного края. Рассмотренные им дела Антонович распределяет по следующим группам – по цели, с которой колдовство производилось:

1) Самые многочисленные данные свидетельствуют о посягательстве посредством чародейства на жизнь, здоровье и рассудок, а также об излечении таинственными средствами различных болезней.

2) Другая группа фактов относится к применению колдовства с целью снискать или предотвратить любовь.

3) Далее следуют дела, касающаяся причинения вреда в хозяйстве или ремесле.

4) Группа фактов, свидетельствующих о прибегании к колдовству при разнообразных предприятиях.

5) Группа дел, заключающих факты о колдовстве, которым пользуются стороны при судебном процессе.

В 1716 году в магистрате города Выжмы (на Волыни) разбиралось дело по обвинению мещанки Ломазянки Супрунюками в том, что она таинственным образом причиняла смерть всем лицам, имевшим с нею тяжбу в суде.

В 1733 году в Овручском градском суде дворяне Ярмолинские обвинялись в том, что они похвалялись публично – посредством колдовства умертвить дворян Верновских и искоренить их род.

В 1739 году в магистрате города Олыки разбиралось дело по обвинению мещанки Райской в том, что будто она чародейством причинила смерть сыну мещанки Анны Шкопелихи.

В 1701 году Каменецкий мещанин, почтарь Судец, жаловался на гречанку Антошеву в том, что она желала причинить ему болезнь, посыпая порог его дома каким-то порошком. Магистрат освободил обвиняемую от ответственности, присудив ее лишь к принятию очистительной присяги.

В 1705 году Ковельский мещанин Трофим Григорьевич жаловался на соседа своего Михаила Максимовича о том, что обвиняемый с женою совершили такое преступление, какого и высказать нельзя". Преступление заключалось в том, что

Максимовичи, с целью повредить здоровью истцов вылепили из теста что-то круглое, в виде калача, и в собственном саду истцов повесили на дереве. По распоряжению магистрата отправлен был присяжный лавник освидетельствовать факт, и действительно нашел на вербе кругло-вылепленный калач из ржаного теста. Максимович не явился в суд к ответу и был заочно приговорен к уплате штрафа и судебных издержек.

В 1732 году в Дубенском магистрате разбиралось дело по жалобе солдата Степана Гембажевского на его соседку, мещанку Дембскую, что она причинила истцу семинедельную болезнь тем, что разложила на его заборе какое-то истолченное зелье. Обвиненная объяснила, что зелье это не имело значения, приписываемого истцом, что она только просушивала истолченную горчицу, приготовленную на лекарство больного ребенка. Магистрата определил, чтобы Дембская приняла очистительную присягу.

В 1747 году состоялся приговор Овручского магистрата по жалобе мещанина Опанаса Моисиевича, обвинившего мещанку Омельчиху в том, что она, желая причинить ему вред, вылила какой-то состав под его хлев. Обвиняемая объяснила, что она вылила "щелок" для того, чтобы там не было грязи. Магистрат определил, чтобы Омельчиха вместе с мужем приняла очистительную присягу и извинилась перед истцом, "а впредь если она осмелится выливать чтобы то ни было, доброе или злое, в чужую усадьбу, то безотлагательно будет наказана 50 ударами".

В редких случаях, когда какое либо народное бедствие возбуждало народное воображение, были случаи более жестокой расправы с теми, которых считали чародеями.

В 1738 году в Подолии распространилась моровая язва. Желая предохранить свое село от заразы, жители села Гуменец предприняли ночью крестный ход по своим полям. Между тем в соседнем селе Пржевраты, у дворянина Михаила Матковского пропали лошади. Матковский ночью же отправился на поиски и наткнулся на крестный ход. Жители Гуменец вообразили, что неизвестный им человек, ходящий ночью по полям с уздечкою, есть ни что иное, как олицетворение моровой язвы; подозревая, что он упырь, парубки бросились на Матковского, жестоко его избили, порвали на нем одежду и полумертвого оставили на земле. Едва возвратился Матковский домой, как из Гуменец прибежал посланный узнать, жив ли он. Узнав, что он вернулся и жив, жители Гуменец целою толпою, вооруженные ружьями, пиками, косами, цепями, пришли ночью в село Пржевраты и окружили дом Матковского. Разбив двери, они схватили Матковского и увели в Гуменец. Здесь у дома дворянина Кочковского собрались все жители села. Предварительно арестованному дали 50 ударов, допытываясь связи его с моровою язвою. Несмотря на уверение в невинности, большинством голосов ранили его сжечь; несколько лиц заявили впрочем сомнение в юридической правильности приговора. Некто дворянин Выпршинский протестовал, что дворянина нельзя жечь без приговора Городского суда. Тогда большинство потребовало от него, чтобы он дал запись о том, что он принимает на себя ответственность за все бедствия, могущие возникнуть вследствие оставления в живых Матковского. От этого Выпршинский уклонился, отговариваясь сначала отсутствием чернила, и наконец сказал: "Некогда мне писать – жгите"! Впрочем громада пришла в раздумье, боясь судебной ответственности. Но тут нашлись лица, выведшие ее из сомнения. Дворянин Скупский прискакал верхом на сборный пункт и крикнул: жгите скорее, я готов уплатить сто золотых, если за это будет штраф. Затем явился священник и, исповедав Матковского, объявил: "мое дело заботиться о душе, а о теле – ваше; жгите скорее". В толпе раздавался крик: "нужно жечь!" – и Матковского передали в руки экспертов. Один из них дворянин Лобуцкий вырезал пояс из сыромятной кожи, окружил им голову жертвы, заложив в уши под повязку камушки и затем сложив в узел пояса палку, стал его сильно стягивать. Другой Войтех Дикий замазывал свежим навозом рот Матковского, а дьяк Андрей Софопчук, намочив большую тряпку в деготь, обвязал глаза Матковского. После этого устроили костер из сорока возов дров и двадцати возов соломы, втащили на него Матковского и сожгли. После этого послали в дом Матковского за его одеждою и ее также бросили в огонь.

В XVII - XVIII веках было весьма распространено у нас кликушество, напоминающее во многом одержимость бесом на западе. Кликуша (от слова кликать) или, как в старину также называлась икотница – это женщина, испорченная, в которую вселился бес. В автобиографии протопопа Аввакума, имеется описание кликуши, которая когда "паде на нее бес, учала собакою лаять, и козою блекотать, и кукушкою куковать". Обыкновенно припадки случаются с кликушами во многочисленных собраниях, особенно в церквах. Кликуша

не может переносить запаха ладона, слышать евангелия, херувимской. Во время припадка она говорит от имени дьявола и его языком. Приписывая свою болезнь "порче", кликуша обыкновенно выкликает имя того лица, которое чародейством напустило на нее болезнь. В XVII столетии такие лица, имена которых кликуши выкликали, привлекались к суду по обвинению в чародействе и предавались пыткам, самих же кликуш только отчитывали для изгнания поселившихся в них бесов. В допетровский период погибло под пытками не мало людей, благодаря таким выкрикам кликуш. Кликуши нередко играли роль в борьбы партий при Московском дворе и ими часто пользовались для возведения обвинения в чародействе и устранения противников. Вследствие этого в XVIII столетии кликушество начинает вызывать против себя строгое отношение со стороны правительства. Петр и видел в кликушество притворное беснование, имеющее целью возведение клеветы на невинных людей. В 1715 году состоялся указ: "ежели где явятся мужеска и женска пола кликуша, то, с их имая, приводить в приказы и розыскивать" (т. е. допрашивать под пыткой). Указом 1716 года и духовным регламентом 1731 года на архереев возложена обязанность розыскивать кликуш и предавать их гражданскому суду. В 1731 - 1730 годах в одной волости обвинены были в икотном деле 232 человека, в том числе замужних женщин 116, вдов 5, малолетних девушек 26, мальчиков и женатых мужчин 84. Указ 1737 года, замечая, что "в Москве являются по церквам и монастырям кликуши, которым в той притворной жалости свобода дается, а сверх того над ними молитвы отправляются", подтверждает обязанность архереев разыскивать кликуш и за недонесение грозить им извержением из сана.

Обвинения лиц, выкликаемых кликушами, встречаются у нас еще во второй половине XVIII столетия. На это указывает любопытный указ Сената от 14 марта 1770 года по поводу поступившего на ревизию Сената приговора Яренской волостной канцелярии и Великоустюжской духовной консистории над лицами, обвиненными кликушами в том, что они их испортили. Вот этот указ, под титулом "О предостережении судей от неправильных следствий и решений по делам о колдовстве, и чародействе, и о наказании кликуш плетьюми, яко обманщиц":

Находить Правительствующий Сенат, к великому сожалению своему, с одной стороны закоснелое в легкомыслии многих людей, а паче простого народа о чародейственных порчах суеверие, соединенное с коварством и явными обманами тех, кои или по злобе или для корысти своей оным пользуются, а с другой, видит с крайним неудовольствием не только незаконные с ними, мнимыми чародеями, поступки, но невежество и непростительную самих судей неосторожность, в том, что с важностью принимал осязательную ложь и вещь совсем несбыточную за правду, следственно пустую мечту, за дело, внимания судейского достойное, вступили без причины в следствие весьма непорядочное, из чего сверх напрасного невинным людям истязания, не иное что произойти могло, как вящее простых людей в сем гнусном суеверии утверждение вместо того, что по долгу звания своего и на основании явных законов обязаны они стараться о истреблении оногo; при таковых обстоятельствах за нужно поставляет Правительствующий Сенат, для отвращения впредь подобных сему неистовств, а по этому для предостережения судей, приметить и изъяснить нижеследующие к сему случаю принадлежащие окрестности"... Далее Сенат вошел в подробное опровержение суеверия колдовства и между прочим признал "порчу людей посредством пущания на ветер даваемых якобы от дьявола червяков" за "пустую, смеха и презрения паче, а не уважения достойную баснь"; самые же доставленные червяки, по вскрытии в Сенате, оказались "не иное что, как засушенные простые мухи". Сенат постановил: отрешить судей от должности, начать следствие вновь, но над кликушами (наказание плетьюми), а не над теми, кого они выкликали.<sup>30</sup>

---

<sup>30</sup> В Уложении о Наказаниях 1845 года, было включено постановление: "Так называемые кликуши, который делают на кого либо наветы, утверждая, что он причинил им зло будто бы посредством чародейства, подвергаются за сей злостный обман заключению в смиренном доме на время от 6 месяцев до и года (по закону 1842 года кликуши наказывались плетьюми). Уложение о Наказаниях, изданное в 1885 году, удержало это постановление (ст. 937), заменив лишь заключение в смиренном доме тюремным заключением на время от 4 до 8 месяцев. Сенат (решением кассационного уголовного департамента 1874 года, № 432) разъяснил, что закон карает только злостный обман", т. е. только притворных кликуш, а отнюдь не действительных, которые, приписывая свои страдания действиям известного лица, оговаривают его в порче.

В литературных памятниках прошлого столетия имеются указания относительно заклинания и изгнания бесов. По всей вероятности такие заклинания у нас, как и на западе, производились, но ни по своему ритуалу, ни по личности беса, ни по последствиям борьбы с замиаемыми бесами – они не походили на заклинания, производившимся в странах католических.

Буслаев приводит повесть, составленную в начале XVIII в. и вошедшую в сказание об Иларионе Суздальском из книги иеромонаха Мефодия и из устных рассказов схимонаха Марка, самовидца и участника в многих событиях, в Житии преподобного Илариона описанных.

При державе благочестивейшего царя Алексея Михайловича вся Россия самодержца случилось в царствующем граде Москве вот какое дело в пищепитательнице патриаршей, на Куличках, что за Варварскими воротами, близ Ивановского монастыря. По действию некоторого чародея вселится там демон и живущим различные пакости творить, как поведал о том отец Марко, который в то время сам был вместе с Иларионом в тех богадельнях и все то видел своими глазами. Ни днем, ни ночью тот демон никому не давал уснуть, таская людей с постель и с лавок и всем в слух нелепости вопиял, и на печи, и на полатах, и в углах, стуча и гремя и нелепыми голосами крича, всех устрашал. Благочестивейший же царь Алексей Михайлович повелел духовного чина людям на отгнание того демона молитвы творить; но успеха не было, и демон еще свирепее укорял всех, и грехи всех явно рассказывал, обличая и стыдя, а иных даже бил и выгонял вон. Много раз принимались изгнать того беса, но не могли с ним сладить.

Тогда кто-то из приближенных возвестил царю о преподобном Иларионе, что он сподобился от Бога принять власть на изгнание нечистых духов. Благочестивый царь повелел преподобного перед себя призвать, потому что он был тогда в Москве. Посланные нашли Илариона где-то на пути, и позвали к царю, к великому испугу Илариона, потому что он подумал, не оклеветал ли его кто перед царем. Однако повиновался и пошел к царю. На преподобном была в то время овчинная шуба, личным поясом подпоясана, а сверх шубы суконная ряса, ветхая. Представ пред царя, он сначала отказывался от трудного подвига изгнать бесов из женских богаделен, но потом, в виде монашеского послушания, согласился, и в тот же день к вечеру отправился в богадельню, с монахами Марком и Иосифом, по прозванию Рябиком. А в то время в Москву съехались вселенские патриархи.

Пришедши в богадельню монахи по своему пустынно-жительскому обычаю стали петь вечернее пение и читать молитвы. Дьявол же, не терпя их пения, начал на полатах крепко стучать и нелепыми голосами кричать, укоряя Илариона бесстыдными речами: "Уж не ты ли, Калугере, пришел сюда выгонять меня? Поди-ка ко мне, переведайся со мною"! Но преподобный продолжал свое пение, никуда не озирался, между тем как демон все кричал: "Поди, Калугере, ко мне! Переведаемся со мною!" Когда же преподобный стал читать акафист Богородице, в умилении вознося свои руки к небу, ударяя ими себя в грудь, испуская потоки слез и припадая к земле; тогда дьявол молитвами преподобного, как огнем, опаляем, отскочил оттуда, яко стрела быстра, и умолк до тех пор, пока не кончилось чтение акафиста. Потом опять стали вопить нелепыми голосами, приговаривая: "Эй ты плакса! Еще расплакался! Иди же ко мне, переведаемся!" По совершении пения и правила, уже ночью, когда погасили огни, преподобный стал читать молитвы на изгнание беса, неутешно проливая слезы; а дьявол продолжал кричать громким голосом: "Э-эх, Калугере: Еще ты и в потемках расплакался!" И застучал на полатах крепко и, промолвив: "Я к тебе иду, к тебе иду"! – замолчал.

При этом монах Марко свидетельствует следующее: от страха хотел было я вон из кельи бежать, но преподобный ободрил меня на молитве крепко стоять и ничего не бояться, присовокупив: "Даже и над свиньями дьявол без повеления Божия власти не имеет." Дьявол же обернулся тогда черным котом и начал преподобному под колени подсакивать всякий раз, как он поклонится в землю. Мешая так преподобному молиться, дьявол хотел навести его на гнев и отклонить от молитвы. Но Иларион был незлобив. Подскочит к нему бес под колени, а он рукою его отбросит в сторону, и сотворит поклон. Отправив свое келейное правило, повелел он всем, перекрестя лице свое крестным знамением, лечь спать. Я же – присовокупляет отец Марко – под шубу глубоко от боязни спрятался.

На следующий день преподобный, совершив утреннее пение, вышел из богаделен по своим делам. Тогда дьявол сказывал богаделенным бабам о преподобном, как он хорошо перед Богом живет. "Как стал он во время акафиста плакать, то – говорил бес – устроил он меня, будто огнем опалил, так что я выбежал вон; а как молился он в потемках, я черною кошкою к нему подсакивал, мешать ему класть земные поклоны, думая его на гнев привести и уклонить от молитвы; но ничего не мог я успеть". И все это говорил окаянный бабам, а сам был невидим.

В то время одна баба положила ребенка в люльку и стала качать его. Дьявол же выхватил ребенка, взял невидимую силою самую бабу, положил в люльку и начал ее трясти, приговаривая: "Люли, баба! Люди, дурная!" Вдруг идет в богадельню сам преподобный; дьявол бросился от него в великом страхе, оставив ту бабу в люльке. Когда Иларион стал святить воду, бес начал страшно кричать и бросать белым камнем, так что вся богадельня потряслась; однако, по молитвам преподобного, никому вреда от того не учинилось. Преподобный совершал свое служение, никуда не оглядываясь, между тем как дьявол все вызывал его с ним переведаться. Наконец, окропляя иконы и стены святою водою, Иларион вступил с дьяволом в решительную борьбу и обращаясь в ту сторону, где он кричал нелепыми голосами, преподобный воскликнул: "Где еси ты, враже всякие правды? Аз раб Господа моего Иисуса Христа, от его имени гряду бороться с тобою; выходи же, окаянный!" И начал повсюду кропить водою, и на печи, и на полатах, и на лавках, и под лавками, и потолок, и стены. Дьявол же умолк и скрылся и не являлся целые три дня. Но потом опять очутился в богадельнях и опять стал кричать богаделенным бабам: "Хорошо этот монах перед Богом живет, нельзя мне приблизиться к нему!" Но когда воротился Иларион, дьявол уже стал не так дерзновенно подавать голос, видимо ослабевал, и говорил как-то немо. Преподобный говорил ему: "Все ли ты бесстыдствуешь, окаянный? Заклинаю тебя именем Божиим, поведай мне, где ты был в эти три дня, и где скрывался, когда я кропил святою водою?" – "Когда ты кропил – отвечал дьявол – в то время я под платьем на шесте сидел, а как там не мог усидеть, перескочил я на шесток, потому что там ты забыл окропить: там и сидел я до сих пор и отдыхал". Иларион опять спросил: "А камень белое где берешь?" – С белого города – отвечал дьявол. – "Как твое имя?" – спрашивал Иларион. – "Имя мне Игнатий" – отвечал бес: княжеского рода; я телесен, живу по плоти. Мамка послала меня к демону, и тотчас же взяли меня демоны". Потом Иларион стал его изгонять из богаделен, но он не шел, говоря, что не сам он здесь вселился, но был послан, и потому не может уйти. Однако, мало-помалу, стал говорить немо и, ослабевая, исчезал.

Однажды, в отсутствие Илариона, мимо той богадельни шли попы, и став под окном, начали заклинательную молитву читать. Дьявол же, застучав и как бы устремляясь на них, стал нелепыми голосами кощунствовать. "Ох вы, пожиратели!" – кричал он: "сами пьяны, как свиньи – меня ли вам выгнать!" – Другой раз стали богаделенные "абы между собою браниться из-за того, что многие пропажи между ними бывают. Демон же перекликался их устами. Одна скажет: "Отдай мыльцо!" – а другая ей в ответ: "Свиное рыльцо!" И так сначала окаянный научил их воровству, а потом сам же и обличал их. Еще раз как-то монах Иосиф Рябик спал в той богадельне на полатах, но ложась, забыл лицо свое перекрестить. Дьявол же дерзнул поцеловать его в губы и громко воскликнул, обращаясь к самому Илариону: "Я поцеловал в уста дьякона вашего, что на полатах лежит: долгие у него волосы, но студеные губы!" – "Как ты смел, окаянный, на это дерзнуть?" – спрашивал Иларион. – "А я узнал, что он не перекрестясь заснул" – отвечал дьявол.

И боролся Иларион с тем дьяволом пять недель, и наконец совсем изгнал его от богаделенных баб; и пожив в богадельнях десять недель, возвратился в свой монастырь, в духовной силе, яко царев храбрый воин, и во бранях победитель крепкий от супостата же отнюдь не преодоленный, нечистым духом страшный и всему миру преславный.

Верование в колдовство и ведьм весьма распространены в народе и в настоящее время. В особенности они распространены в Малороссии; тут в каждом селе имеется одна или несколько ведьм, о проделках которых отлично известно всякому в селе. В народных представлениях о черте и о ведьмах нет ничего таинственного. Черт представляется более комичным существом, чем грозным, более добродушным, чем злобным. Колдуны и ведьмы – обыкновенные люди, живут среди людей, всем в деревне известны и с ними входят в постоянные сношения и даже обращаются к ним за помощью и советом во всех трудных случаях жизни.

Существуют два вида ведьм: ведьмы прирожденные и ведьмы ученые. Первые обладают таинственной силой ведовства от природы, вторые научаются обладать этой силой от первых или непосредственно от черта, отдавая ему взамен свою душу. Природные ведьмы, а также ведьмачи или упыри могут оказывать добро людям и к ним люди обращаются, чтобы исправить зло, нанесенное учеными ведьмами.

Вот образ ведьмы по представлениям народной фантазии: пожилая женщина, чаще старуха, высокая, тонкая, худая, костлявая, несколько горбленная, растрепанные или выбившиеся из-под платка волосы, большие, с сердитым выражением глаза, желтые или серые, косой из под насупленных бровей взгляд, всегда в бок, а никогда прямо в глаза другому человеку; в зрачках "мальчики" головою вниз; рот широкий, губы тонкие, подбородок выдавшийся вперед, руки длинный. У прирожденной ведьмы всегда небольшой хвост и черная вдоль спины полоска велась от затылка до плеча.<sup>31</sup>

Большая часть приводимых ниже рассказов о ведьмах заимствована вами из этой статьи г. Иванова, которым они собирались в течение 14 лет при посредстве учителей и учительниц сельских училищ Купянского уезда Харьковской губернии

По народным верованиям ведьмы (и у нас, как на западе, колдовством занимаются преимущественно женщины) способны причинять людям всякое зло: они доят по ночам чужих коров, причем выдаивают их до крови и тем портят их; скрадывают с неба дождь и росу, которые они уносят в завязанных сосудах с собою и хранят в своих домах, чем причиняют засуху, или наоборот, вызывают дождь, град, чем уничтожают посеы и производят голод; также они делают "закрутки" или "заломы" на нивах, которые они "закручивают", с целью причинить смерть хозяину нивы или чтобы перетянуть к себе чужое хлебное зерно. Им также приписывается моровое поветрие и скотские падежи. Ведьмы умеют превращаться в разных животных и в различные неодушевленные предметы. Они также сосут кровь у людей в особенности у парней и девушек и тем причиняют им смерть.

Между ведьмами есть чаровницы, которые разным зельем и приговорами причиняют людям зло, вмешиваясь в частные дела человека, расстраивая семейное счастье, отнимая любовь или, напротив, заставляя влюбиться в нелюбимую особу, расстраивая здоровье, причиняя смерть и т. д. Но чаровницы могут также действовать на пользу человека, давать во всем удачу, успех, освобождать своими чарами от угрожающих опасностей и т. д.

Способность ведьм к превращениям, по народным рассказам, безгранична. Ведьма может принять вид иглы и копны сена, мухи и лошади, медленно ползущего бревна и быстро несущегося вихря. По некоторым верованиям, превращениям подвергается не тело ведьмы, а душа ее, тело же ее остается дома бездыханным в то время, когда блуждающая душа меняет свой образ, являясь людям в разных видах. Так, однажды солдат перевернул тело ведьмы, ушедшей на свой промысел, головою туда, где лежали ноги; возвратившаяся с ночных походов душа ее начинает летать вокруг да около, "то курвою, то гуською, то мухою, то пчелою", чтобы как-нибудь попасть в свою телесную оболочку, однако не может войти в нее, пока наконец тело не было приведено в то положение, в каком его оставила душа, когда ушла странствовать.

Ведьмы прибегают к превращениям, чтобы отводить глаза, морочить людей. Зато им достается, когда они попадутся в руки народа. Лет 30 тому назад в Купянске жила старуха с совершенно обезображенным шрамами лицом, про которую рассказывали, что она ведьма и что с ней был следующий случай. Поздно вечером вез крестьянин по Колонтаевской улице на мельницу рожь в мешках, видит – бежит за санями большущая крыса да все старается вспрыгнуть на мешки. Сколько не отгонял ее мужик от саней, не мог прогнать, так вместе с крысой и доехал до мельницы. Рассказал здесь мирошнику о чудной крысе, а то ему и говорит: "Знаю я, что это за крыса! Надоела она мне хуже горькой редьки. Постой, не будет больше таскаться сюда". Взял да поймал эту крысу. Внес ее в сукновальню, бросил в ступу и приказал ударить пестом три раза, а потом выбросить за греблю. На утро нашли около гребли женщину, всю окровавленную, с страшно изуродованным лицом и перебитой рукой. Это и была старуха с шрамами на лице.

Вера в оборотней очень распространена. Существует масса народных рассказов о превращениях в собак, кошек, свиней.

---

<sup>31</sup> П. Иванов. Народные рассказы о ведьмах и упырях. - в книге: Сборник Харьковского историко-филологического общества, 1891 г. Т. III.

Очень часто ведьма принимает вид клубка, это еще опаснее, чем если она принимает вид собаки. Клубок, под видом которого скрывается ведьма, катится обыкновенно, пересекая путь пешеходу и попадая ему под ноги и нанося ему удары в различные части тела. У одних людей доила ведьма корову; пошли они к знахарю, просить их горю пособить, посулили ему за это кусок полотна. Знахарь пришел вечером, нашел в загороде в плетне дырку и сел около нее; как стемнело, видит – лезет в дырку что-то, он и схватил, а оно обратилось в клубок. Знахарь отнес этот клубок к себе домой и прибил его к стене гвоздем. Наутро смотрит – висит не клубок, а женщина за губу прибитая. Стала она просить знахаря отпустить ее и пообещала никогда уже не ходить доить чужих коров, а ему предложила три куска полотна. Он отпустил ведьму и получил от нее три куска полотна да еще от хозяев коровы еще один кусок.

Ведьма может превращаться в разные неодушевленные предметы – в иголку, яблоко, копну сена. Однажды ведьма превратилась в копну сена, передвинулась чрез дорогу, приблизилась к стоявшей тут корове и стала ее доить. Корова заметив, что около нее сено, стала щипать и есть. Выдоивши корову, копна сена поползла назад домой. На следующий день утром встали дети и видят, что у матери вырваны на голов все волосы – это корова ей ночью повыщипала волосы. Корова на утро издохла.

Хозяйка коровы пришла в хату к ведьме и видит, что та варит кашу с молоком. Она ее спрашивает: "Где ты взяла молоко, у тебя ведь нет коровы?" Ведьма ответила, что купила. Тогда хозяйка, придя домой, содрала с коровы шкуру, разрежала живот и нашла там волосы ведьмы.

Существует также масса рассказов о волкулаках, т. е. оборотнях, принимающих образ волка. Это или колдун, принимающий зверинный образ, или простой человек, чарами колдовства превращенный в волка. В последнем случае волкулаки представляются существами незловредными, а страждущими, несчастными, заслуживающими полного сострадания. Они живут в берлогах, рыскают по лесам, воют по волчьим, но сохраняют человеческий образ. Наоборот, колдуны, принимающие образ волка, крайне опасны: они наводят голод, высасывают кров из людей и скота, причиняют смерть. Большею частью волкулаки – это мертвецы, которые при жизни занимались колдовством и умерли без покаяния; после их смерти в их тело входит дьявольский дух, одушевляет его и вынуждает под различными образами причинять всевозможные несчастья человеку. Народная фантазия яркими красками рисует образ волкулака: желтоватое, изрытое глубокими морщинами лицо, всклокоченные, стоящие дыбом волосы, красные налитые кровью глаза; покрытые кровью до локтей руки, железные зубы, черные, как смоль, голубоватые усы и отвисшая кожа на теле – вот внешний вид волкулака.

Ведьмы обязательно должны участвовать на сходках шабаша, которые происходят на лысой горе в Киеве и куда они летают обыкновенно на метле или кочерге, чрез дымовую трубу. Эти полеты ведьм на шабаш считаются актом, вменяемым дьяволом им в обязанность, от которой они никак не могут освободиться. Вот один рассказ, в котором с наивностью и добродушием выражается народное воззрение на эти обязательные полеты ведьм на шабаш. Одна женщина пришла к своей соседке, старухе, слывшей ведьмою, вечером под пасху, когда ведьмы обыкновенно летают на шабаш. Начали звонить в церквях, старуха стала одеваться. Соседка спрашивает ее: "До церкви одягаетесь, бабусю?" – "Ни, моя дочко, не до церкви, а треба лититы". – "Куда, бабусю?" – "Луче и не пытой, треба; хочь ни хочь, а треба." – "А вы б, бабусю, пошли до церкви, Богу помолились, так вам ничего и не вдияют". – "Ни, мое сердце; не можно: не полечу, сами являтьця, озьмуть мене и горе буде мипи! Треба лититы". – "А можно мини поглядить, яко вы, бабусю, политите?" – "Чом ни можно, – можно". Вышли в сени; старуха стала под бовдур и вдруг, как дым, вылетела из трубы.

По общепринятому мнению, ведьма, когда умирает, то страшно мучится и так стонет и корчится, что при виде страданий ее ни у кого не хватает духа оставаться в хате. Она до тих пор не умрет, пока не просверлят дыры в потолке или в стене над дверью. После смерти распространяется от трупа страшный смрад и труп в тот же день разлагается. Погребают женщин, слывших ведьмами, по обыкновенному христианскому обряду, как и прочих умерших естественною смертью крестьянок, но иногда хоронят их поздно вечером. Это бывает тогда, когда родственники умершей, боясь посещения ее из могилы, просят священника прочитать над нею "заклятии молитвы", а потому желают, чтобы было

поменьше народа при исполнении этого обряда. Часто ведьма после смерти приходит по ночам к своим домашним и занимается хозяйством, как при жизни. Чтобы избавиться от этих ужасных посещений ведьмы, ее прибивают к гробу колом или по крайней мере осиновым колком прибивают крышку к гробу.

В народе крепко держится поверие, что умершие могут оставлять могилы и являться среди людей. В особенности распространена вера в упырей, т. е. ведьмачей или ведьмунов. Упыри встают из могил, по ночам, ходят в разных видах, пьют кровь из детей, вступают в связь с девками и женами.

По мнению Афанасьева, автора книги "Поэтические воззрения славян на природу", упыри – это злобные блуждающие мертвецы, которые при жизни своей были колдунами, вовкулаками, и вообще людьми, отверженными церковью, каковы: самоубийцы, опойцы, еретики, богоотступники, и проклятые родителями. Упыри и упырицы бывают виновниками чумы и других эпидемических болезней, засухи, неурожаев и вообще, всяких общественных бедствий. Вот один рассказ об упыре. В одном селе жили два кума-ведьмача; один из них умер и был по общепринятому порядку похоронен, как обыкновенно хоронят крестьян. Через несколько дней после похорон оставшийся в живых ведьмач вспомнил о своем умершем куме и сказал: дай, пойду, проведу кума. Сказано – сделано. Пришедши на кладбище он отыскал могилу кума, наклонился над нею и крикнул в отверстие, которое было в могиле: "Здоров, кум!" – "Здоров"! – отвечал ему из могилы голос. – "Я тебя, кум, пришел проведать" – "Спасибо, кум!" Долго переговаривались они; между тем наступили сумерки, стемнело, в хатах зажглись огни. Выходит из могилы ведьмач и предлагает своему куму отправиться вместе в деревню, как только обоснут люди. Долго ходили они по деревне, отыскивая такую хату, где бы окна не были на ночь осенены крестным знаменем. Наконец нашлась хата, хозяйка которой забыла перед сном перекрестить окна, в эту хату они и вошли. Мертвый пошел в кладовую, принес оттуда хлеба и меду, сел за стол и поужинали. Все хозяева хаты спали крепким сном и, конечно, не видели и не слышали, что делается у них в хате. Между тем упырь заметил, что в люльке лежит грудной ребенок, поэтому, когда поужинав они вышли из хаты и прошли улицу до конца, он сказал своему товарищу: "Эх, кум, что мы сделали: мы забыли в хате погасить свечу! побудь тут, я пойду погасить". Воротился мертвец в хату, а живой, догадываясь, зачем он воротился, пошел вслед за ним, подошел к окну и видит: кум наклонился над колыбелью и сосет из младенца кровь. Потом вышел мертвец из хаты, подошел к куму и сказал: "А теперь, куме, отвыды до могилы мене". – "Ни, куме, я не хочу йты туды с тобою". – "Чего"? – "Боюся." – "Не бийся, куме, я для тебе не злодий, ходим, брате, ты взяв мене з гроба, ты и одвыды". Делать нечего: пришлось живому куму идти с мертвым до могилы. Пришли к могиле, мертвый и говорит: "Ходим вже зо мною в могилу, мини все буде веселить"! Схватил кума за полу да и тянет за собою в могилу. Но кум был на стороже: отполосовал ножом часть полы, а тут к счастью, запели петухи, и кум-мертвец скрылся в могилу. Тогда живой кум побежал в деревню, собрал народ и рассказав все, что в эту ночь с ним случилось. Пошли на кладбище, разрыли могилу, вынули гроб, видят, что мертвый лежит лицом вниз, взяли осиновый кол и забили ему в затылок. Когда вбивали кол, мертвец проговорил: "Эх, куме, куме! не дав ты мини на свити пожыты!»

Вот случай народной расправы с упырем, сообщенный в «Киевской Старине» (1890 г. Т. XXVIII) на основании акта, извлеченного из документов о гайдамаках, судившихся в Кодне пред военно-судной комиссией. Во время поветрия в 1770 г, когда оно проникло в Войтовку, между крестьянами последней возникли частые толки о том, что по селу что-то ходит, отворяет окна и "надыхуе" чрез них в хаты, отчего народу мрет больше, чем бы мерло без этого. Несколько человек из громады, в виду таких толков, поставили себе целью выследить виновника народного бедствия. Вскоре на одном из их сборищ было заявлено некоторыми из присутствовавших, что они видели ходящего по селу упыря, что на упыря этого с остервенением нападали собаки, а скот при виде его стремительно убегал. Доследили при этом и во что был одет упырь: он был в белой рубахе и синих суконных штанах, от колен подштукованных белым сукном. А в таком одеянии, как всем было известно, ходил обыкновенно приходский войтовский поп, о. Василий. Тогда у всех явилось подозрение, что ходит по селу по ночам не кто иной, как поп. Обратились с вопросом об этом к самому батюшке, – но он категорично отрицал возводимое на него обвинение. Тогда спросили попадью, ходит ли батюшка ночью по селу и она тотчас заявила, что ходит и что у него бывает по ночам его уже умершая сестра вместе с другими мертвецами, причем все

они толкуются с шумом по комнате и "клацают ртами, как будто что едят". В виду такого показания сделали очную ставку попадьи с попом, ее мужем, требуя, чтобы она сказанное ею повторила в его присутствии. Она повторила, добавив: "не запирайся, попе, бо сама правда, що ты ходишь по селу в ночи". Это подтвердила и попова кухарка. После этого участь попа была решена. Тринадцать человек, выбранные громадой, сперва пошли и выкопали на кладбище яму, а затем явились к попу и в то время, как он вышел из приходского дома, кинулись на него и стали бить дрючьями. Избив его до полусмерти, достали носилки, положили его на них и отнесли к выкопанной яме. Там пробив его осиновым колом от плеча к плечу "на вылет", бросили в яму, и не слушая мольбы попа, заживо закидали его землей. Поветрие после этого, по показаниям участвовавших в убийстве, затихло, хотя не совсем. На суд попал только один участники убийства, 26-летний крестьянин села Войтовки Деско Ковбасюк, остальные умерли от поветрия. Кодненская военно-судная комиссия отпустила его без наказания, вероятно потому, что был убит схизматический поп.

В 1727 году 6 июля в город Решетиловку Полтавской губернии явился некий Гаврило Мовчаненко, уроженец села Стасовец, и заявил себя упырем и говорил, что дождя в Решетиловке нет потому, что там много ведьм. Народ привел его в ратушу и потребовал от сотника, чтобы он, кого упырь покажет ведьмами, велел в воду топить. Хотя сотвик и не допустил топления ведьм, но, "невозможши народ унять" и уступая принуждению, велел при всем народе допросить упыря. На этом допросе упырь показал: родом он из села Стасовец, волшебству учился в Зенькове у Ивана Голи-Постолы, живущего близ Гордня Тягни-шкуры. Наука волшебства состояла в мазаньи под плечами "неяким зельем". В Зинкове он находился три года и знает там трех ведьм, с которыми он вместе волшебствовал. В Решетиловке он указал на четырех ведьм. Показания упыря произвели сильное волнение в народе, и сотник боясь бунта и угрожаемый, что его убьют, если он не даст топить указанных ведьм, донес обо всем этом полтавскому наказному полковнику. Для унятия бунта была выслана из Полтавы помощь. Упырь и 4 решетиловские обывательки, объявленные им ведьмами, были доставлены в Полтаву для допроса. При допросе Мовчаненко назвал себя волшебником и на очной ставке с Мариєю Пещанскою, Мариєю Пустуваровою, Мотрею Гуринкою и вдовою Ефимьею Сорочихою, показал, что все они ведьмы, что Пустуварова ночью, сделав его конем, ездить на нем и погоняет его коленом, что Иван Гомо-Постолы, Зеньковский житель, родимый упырь, переказал ему упырство, и с того времени ведьмы, узнав, что он упырь ездят на нем в Киев. Обвиняемые ведьмы показали, что ничего про то не ведают. Когда же упырь был спрошен вновь и под "батожным боем", то сознался, что "в безумии опорочил" этих жен и что в "новомесяч припадает ему в голове замешанье", вследствие которого три раза он был близок к смерти. Полтавский полковой суд узнавши "явную его Мовчаненко плутню и обману", приговорил опороченных жен освободить с под караулу и отпустить их в дома их по прежнему, о чем, всему урадово-решетиловскому товариству и посполитству и кому того ведати надлежит объявить дабы всяк, ведая о таком вымышленного обманщика и неполного ума человека потворе, впредь оному и подобным ему лживцам весьма не доверял".

Мы не имели в виду в какой либо системе и всесторонности охватить все проявления народной фантазии в отношении колдовства. Такая задача была бы нам совершенно не под силу и исполнение такой задачи требовало бы сложных исследований и объемистой работы. Не можем не высказать тут сожаления, что наша литература так бедна исследованиями по этому вопросу, что нашими учеными обществами и лицами, занятия которых ближе всего соприкасаются с этой областью народоведения, ничего до сих пор не сделано для организации таких исследований. Если не считать двух-трех монографий, двух-трех статей, разбросанных по различным журналам и газетам – в нашей литературе совершенно не разработана область народных верований в колдовство. Между тем эта область представляет огромный интерес – не только культурно-исторический и этнографический, но и юридический, в виду возникающих у нас время от времени на почве этих верований судебных дел о колдовстве и фактов народной расправы с ведьмами. В виду этой последней точки зрения мы и считали нужным сделать в общих и кратких чертах характеристику народных верований в колдовство и теперь перейдем к изложению некоторых дел о колдовстве, разбиравшихся в наших судах в течение текущего столетия.

В 1824 году общество крестьян деревни Аксеновки чрез своего выборного донесло управляющему местной удельной конторой, что крестьянин Андрей Копалин, живущий мельником на мукомольной мельнице, по народным слухам, имея за собою колдовство, портит людей, "садить икоты под названием кликуш и выпускает другие болезни, как то: грыжи, вздутие живота, боль в пояснице и проч. Управляющий конторой, принимая в уважение рапорт крестьян", просил суд произвести законное расследование возводимого на Копалина подозрения. Копалин в колдовстве не признался. На повальном обыске крестьяне показали, что Копалин, "имеет за собою колдовство и чародеяние" и выпускает порчи под названием кликуш и грыжи, отчего в волости будто бы многие крестьяне уже померли и что поэтому держать в селении Копалина они не согласны. В числе обвинителей Копалина явился между прочим родной его племянник Евдоким, "одержимый болезнью и не в полном разуме". Когда с ним "случалось", он кидался при людях на своего дядю мельника, называл его отцом и "выговаривал", что тот впустил ему в утробу воробья с золотыми перышками. Крестьянин Иван Мысов уверял, что Мельник напустил ему на правую ногу болезнь с большою опухолью, под названием грыжа. Крестьянин Рычков удостоверил, что жена его от порчи Копалина "подвержена такой икоте, что почасту и вовсе ума лишалась". Во время припадков она бьется об землю, не щадя жизни своей. При встречах с мельником порченная кидается ему в ноги и вопит, обнимая его колена: не троньте моего батюшку"! Таких больных, кликуш, испорченных Копалиным, оказалось в волости не менее 17-ти. Каждая из них заявляла, что Копалин испортил ее по злобе на мужа, брата или отца. Молодой крестьянин Урентов показал, что вскоре после свадьбы его 17-летняя жена Марья сделалась больна икотой и со временем эта болезнь стала так тяжела, что она уже более не встает с постели. Порчу эту Копалин напустил на нее единственно за то что на свадьбе молодая не подала ему вина. Старуха Ларионова жаловалась, что ее 23-летний сын с глазу Копалина "начал скучать и болеть сердцем и расходится оная болезнь по всей его утробе". У других также "с глазу" оказывается ломота во всех членах, в руках и в ногах.

Вологодский советный суд первоначально порешил "передав дело воле Божией, наказать Копалина в селении прутьями, дав ему 70 ударов. Но спустя 8 лет дело это опять было возбуждено по следующему поводу. Крестьяне нескольких смежных волостей, как видно неудовлетворенные взглядом суда на дело, составили приговоры об удалении из общества, с ссылкой на поселение в Сибирь, Андрея Копалина, его свояченицу, жену Прасковью Копалину и еще троих крестьян, водившихся с ними, "за зловредные действия их порчею людей, напусканьем кликуши или икоты, от которой порчи страждут люди". Департамент уделов, не утвердив эти приговоры, передал дело для нового судебного расследования.

Прасковья Копалина, по свидетельству крестьян, кроме порчи девок и жонок, изобличалась еще в том, что "для привлечения в дом свой кого либо из мужчин для сожития с нею, источала из разных частей тела своего кровь и клала оную в муку, дабы таковую лепешкою приворожить к себе молодого мужчину".

Следователь при вторичном расследовании дела пригласил местного штаб-лекаря "для исследования в истине болезни одержимых". Врач после тщательного осмотра дал следующий отзыв: "таковые люди одержимые истерическими припадками, а не порчею или напусканьем на них посредством чародейства икоты иди кликуш".<sup>32</sup>

Старинное народное верование, что для прекращения моровой язвы необходимо отыскать виновницу ее распространения и сжечь или закопать живую в землю, со временем перешло в другое верование, по которому для уничтожения мора самовернейшее средство – похоронить живую вообще какую либо старуху. Такое поверье до сих пор не вывелось в некоторых местностях России. В 1855 г. оно даже было осуществлено жителями деревни Окопович Новогрудского уезда, во время свирепствовавшей тогда холеры. Когда двое крестьян упомянутой деревни везли хоронить своих только что умерших детей, то к печальной процессии по дороге присоединилось еще несколько человек крестьян, и между прочими сотский и старуха крестьянка Манькова. Манькову уговорили идти на похороны сотский и некоторые из крестьян. Они задались целью вместе с умершими детьми похоронить и ее, так как были уверены, что самый верный способ прогнать холеру состоит в том, чтобы закопать в землю живую старуху и что это

---

<sup>32</sup> "Неделя". 1879 г. №№ 7 - 8

средство уже испытанное. Манькову действительно похоронили вместе с детьми. Но холера не прекратилась и похитила всех участников преступления, за исключением одного крестьянина Козакевича, на которого и обрушилось наказание. Козакевич, по решению Минской уголовной палаты был признан виновным в убийстве с обдуманном заранее намерением и был приговорен к наказанию плетьюми и ссылке в каторжные работы на 12 лет

33

В 1864 году в Старобельском уезде Харьковской губернии в селе Белявке, принадлежащей помещику Штенгеру, в волостное правление явился крестьянин той же волости и принес жалобу, что соседка его, будучи во вражде с ним, испортила его корову, которая чрез это и околела; с тем вместе добавил он, что соседка его ведьма и что он просит правосудия волостного правления. Жалоба крестьянина была выслушана волостным старшиною и присутствовавшими с ним в правлении стариками. Чтобы не впасть в ошибочное решение столь трудного обстоятельства, старшина и все сборище, после долгого обсуждения дела, остановились на том заключении, что необходимы доказательства более ясные к обличению вины подозреваемой преступницы и для этого предложили жалующемуся крестьянину отыскать знахаря, который один только может обнаружить виновного. На расстоянии четырех верст от сл. Белявки, в сл. Варваровке, принадлежащей графине Клейст-Мос, отыскан был знахарь и привезен в беляевское волостное правление. При сборище народа, интересующегося всегда подобного рода событиями, знахарь спрошен был: кто извел корову крестьянина? Он подтвердил вполне обвинение хозяина коровы и удостоверил, что соседка его действительно ведьма. После этого крестьяне схватили бедную женщину, подвергли ее исследованию, не имеется ли у нее хвост; избили ее и присудили уплатить сосуду за погибшую корову. Также семья ее подверглась преследованию: не было ни ей, ни мужу, ни детям житья в селении, их встречали бранью, укорами в колдовстве и провожали свистом. По отсутствию владельца, беззащитная семья терпела всякие несправедливости, пока в конец решилась обратиться к мировому посреднику.

В № 46 "Недели" за 1875 год помещена корреспонденция, в которой рассказывается, что крестьяне одного села в Полесье по совету стариков и старосты задумали испытывать ведьм водою и просили помещика, чтобы он позволил покупать баб в его пруде. Дело остановилось только вследствие того, что помещик не дал пруда для этой надобности. Тогда крестьяне порешили осмотреть женщин через повивальную бабку, думая, что у которой окажется хвост, та и есть ведьма. Староста и сотские приказали мужьям гнать баб в корчму и мужья волей-неволей исполнили это. Ревизовала повитуха по очереди и, выпуская на улицу, кричала стоявшему караулу (староста с сотским): пустить, не ведьма! Оказалось три ведьмы; их посадили под арест и написали донесение становому. Письмоводитель станового напугал толпу, уверив, что по закону ведьм нужно жечь. Дело окончилось взяткой с мужиков.

В 1877 году крестьяне села Рябухи Дмитровской волости заподозрили в чародействе жительницу этого села крестьянку Акулину Чумаченкову. Вследствие этого, 23 августа по приглашению старосты, сотского и волостного писаря, крестьяне собрались в экстренное собрание и потребовали Чумаченкову для допроса. Так как она не сознавалась, то судьи при каждом задаваемом ей вопросе подвергали ее следующей пытке. Привязав веревку за большой палец одной ноги, привешивали обвиняемую к потолку и она, висая вниз головою, в конце концов призналась в том, что она занимается чародейством и "испортила" казака седа Демения Педько. При этом она оговорила в соучастии еще одну женщину Варвару Чузенкову. Дело было передано судебному следователю.<sup>34</sup>

В 1885 году летом в деревне Пересадовке Херсонской губернии был случай расправы крестьян с тремя бабами, которых они сочли за колдуний, держащих дождь и производящих засуху. Женщин этих насильно купали в реке и они избежали печального для себя конца тем, что указали разъярившимся крестьянам место, где будто бы они спрятали дождь: староста с понатыми вошел в избу одной из колдуний и там по ее указанию, нашел в печной трубе замазанными два напильника и один замок. Волнение улеглось, хотя дождя все-таки не было.

<sup>33</sup> Ефименко, Суд над ведьмами. - В журнале: Киевская Старина, 1883 г., Т. XI.

<sup>34</sup> Киевлянин, 1877. № 132.

13 октября 1879 году временное присутствие Новгородского окружного суда в г. Тихвине, с участием присяжных заседателей, разбиравло дело о сожжении солдатки Игнатъевой, слывшей за колдунью. Обстоятельства этого дела заключались в следующем: 4 февраля 1879 годв в деревне Врачево Деревской волости Тихвинского уезда была сожжена в своей избе солдатская вдова Аграфена Игнатъева, 50 лет, слывшая среди местного населения еще со времени своей молодости за колдунью, обладавшую способностью "портить" людей. По выходе замуж, Игнатъева около 12 хоть жила в Петербурге и года за два до своей смерти возвратилась на родину. Когда крестьяне слышали, что Игнатъева переселяется в деревню Врачево, то стали говорить среди местного населения, что снова пойдет "порча" и высказывалось мнение, что лучше всего взять Аграфену, заколотить в сруб и сжечь. Как колдуньи, Игнатъевой боялись все в деревне, и старались всячески ей угождать. Так как она по своему болезненному состоянию не могла работать, то все крестьянки из страха пред ее колдовской силой старались снискать себе ее расположение и оказывали ей всякие услуги, как то: работали за нее, отдавали ей лучшие куски, мыли ее в бане, стирали ей белье, мыли пол в ее избе и т. д. С своей стороны, Игнатъева, не уверяя положительно, что она колдунья, не старалась разубеждать в этом крестьян, пользуясь внушаемым ею страхом для того, чтобы жить на чужой счет. Глубоко вкоренившееся в крестьянах убеждение, что Игнатъева колдунья, находила себе поддержку в нескольких случаях нервных болезней, которым подверглись некоторые крестьянки той местности вскоре после возвращения Игнатъевой. Происхождение всякой такой болезни народ связывал с каким-нибудь случаем мелкого разлада или ссоры между заболевшей крестьянкой и Игнатъевой. Так, однажды Игнатъева приходила в дом Ивана Кузьмина и просила творогу, но в этом ей отказали, и вскоре после того заболела его дочь Настасья, которая в припадках выкликивала, что испорчена Игнатъевой. Кузьмин ходил к Игнатъевой и кланялся ей в ноги, прося поправить его дочь. Но Игнатъева ответила, что Настасьи не портила и помочь не может. Такою же болезнью с припадками была больна и крестьянка Мария Иванова. Наконец в конце января 1879 г. заболела дочь кр. Ивана Иванова, Екатерина, у которой ранее того умерла от подобной же болезни родная сестра, выкликивавшая пред смертью, что она испорчена Игнатъевой. Екатерина Иванова была убеждена, что ее испортила Игнатъева за то, что раз она не позволила своему маленькому сыну идти к Игнатъевой расколоть дров. Так как Екатерина выкликала, что испорчена Игнатъевой, то ее муж отставной рядовой Зайцев подал жалобу уряднику, который и приехал во Врачево для производства дознания, за несколько дней до сожжения Игнатъевой. В воскресенье 4 февраля в деревне Врачево происходил в доме крестьян Гараниных семейный раздел и к Гараниным после обеда собралось много гостей. Один из крестьян Никифоров обратился к собравшимся с просьбою защитить его жену от Игнатъевой, которая будто бы собирается ее испортить, как об этом выкликала больная Екатерина Иванова. Тогда Иван Андреев Коншин вызвал Ивана Никифорова в сени и о чем-то советовался с ним, и затем, возвратившись в избу, стал убеждать крестьян в необходимости, до разрешения жалобы, поданной уряднику на Игнатъеву, обыскать ее, заколотить в избе и караулить чтобы она никуда не выходила и не бродила в народе. Все бывшие у Гараниных крестьяне, убежденные, что Игнатъева колдунья, согласились на предложение Коншина и для исполнения этого решения Иван Никифоров отправился домой и принес гвозди и кроме того несколько лучин. Затем все крестьяне в числе 14 человек отправились к избе Игнатъевой.

Войдя в избу, они объявили Игнатъевой, что она "не ладно живет", что они пришли обыскать ее и запечатать, и потребовали от Игнатъевой ключи от клетки. Когда пришли в клетку, то Игнатъева отворила сундук и стала подавать Коншину разные пузырьки и баночки с лекарствами. Эти лекарственные снадобья, найденные в сундуке Игнатъевой, окончательно убедили крестьян, что она действительно колдунья. Ей велели идти в избу, и когда она туда направилась, то все крестьяне в один голос заговорили: "надо покончить с нею, чтобы не шлялась по белу свету, а то выпустим – и она всех нас перепортит". Решили ее сжечь вместе с избой, заколовив окна и двери. Никифоров взял доску, и накрепко заколотил большое окно, выходившее к деревне. После этого Коншин захлопнул дверь и зажженной лучиной зажег солому, стоявшую у стены клетки, другие крестьяне зажгли висевшие тут веники, и огонь сразу вспыхнул. Услышав треск загоревшейся соломы, Игнатъева стала ломиться в дверь, но ее сначала придерживали, а потом подперли

жердями и заколотили. Дым от горевшей избы был замечен в окрестных деревнях и на пожар стало стекаться много народу, которого собралось человек триста. Крестьяне не только не старались потушить огонь, но, напротив, говорили: "пусть горит; долго мы промаялись с Грушкой!" Иван Иванов, который в тот день приходил в Врачево к своей больной дочери Екатерине, узнав, что Игнатьева заколочена в горевшей избе, стал креститься и бегать около избы, говоря: "Слава Богу, пусть горит; она у меня двух дочек справила". Вскоре пришел брат Игнатьевой, Осип. Он бросился к дверям, но сени были в огне и туда нельзя было попасть; он подошел к окну, желая оторвать прибитое полено, но крестьяне закричали на него, чтобы он не смел отрывать полена, потому что "миром заколочено и пусть горит". Игнатьева, видя неминуемую смерть, пробовала было спастись в незаколоченное окно, выходившее на огород, но окно оказалось слишком тесным, и крестьяне на всякий случай поспешили заколотить и это окно. Так как дым и огонь ветром относил на реку, в сторону от избы, на крыше которой лежал толстый слой снега, то, крестьяне решили спихнуть крышу; несколько крестьян принялись за это и один из них разворотил жердью бревна на потолке, чтобы жар скорее проник в избу. После этого огонь обхватил всю избу, потолок провалился и исчезла всякая возможность спасти Игнатьеву. Пожар продолжался всю ночь и на следующий день на пожарище была только развалившаяся печь и яма с испепелившимися остатками костей Игнатьевой.

К ответственности были привлечены 17 человек. На суде подтвердились все обстоятельства дела; подсудимые и свидетели чистосердечно рассказали все подробности дела – что Аграфену все считали колдуньей, что она многих испортила и что решили ее сжечь. Между прочим во время судебного следствия с свидетельницей Екатериной Ивановой (вышеупомянутой больной) случился ужасный припадок. Она вдруг грохнулась о пол и в течение четверти часа ее страшно ломало и поднимало от полу по крайней мере четверти на полторы. Судорожные движения были настолько сильны, что трудно было понять, как она не повредила себе руки и ноги и в особенности как осталась целою голова, которую Иванова буквально колотила об пол. Выражение лица было страшное. Глаза то открывались, блистая каким-то адским огнем, то снова закрывались и в это время лицо искажалось до невероятности. Крик Ивановой похож был на какой-то дикий вопль отчаяния. Эта сцена произвела весьма тяжелое впечатление как на присяжных заседателей, в ногах у которых валялась Иванова, так и на публику-крестьян.

Присяжные отнеслись весьма снисходительно к подсудимым, в которых они видели не обыкновенных преступников, а несчастных, сделавшихся жертвою глубоко вкоренившегося в их среде предрассудка. Суд приговорил только троих к церковному покаянию, а остальных оправдал.

15-го декабря 1895 года Кашинский окружный суд с участием присяжных заседателей разобрал в городе Мышкине Ярославской губернии дело о колдунье, подробности которого заключаются в следующем.

В конце ноября 1893 года крестьянка Ольга Брюханова внезапно заболела нервным расстройством, причем стала подвергаться припадкам сильной тоски, конвульсивным судорогам и то отрывисто выкрикивала, то смеялась, то плакала. Не умея объяснить себе этих явлений, бывших последствием развитого в сильной степени состояния "большой истерии", муж Брюхановой, Петр, и мать ее, Капитолина, а равно и сама она, относили причину болезни к колдовству, "порче", как они выражались, и за исцелением стали обращаться к ворожеям и бабкам; когда же те никакой пользы не принесли, больную стали как можно чаще водить в церковь, но от этого припадки только усиливались, больная кричала, билась, так что приходилось ее держать. Вполне уверенная в том, что она "испорчена", Брюханова, находясь в нехороших отношениях с своей свекровью Марьей Марковой, неоднократно высказывала мужу и другим родственникам свое предположение о том, что ее "испортила" свекровь. Чтобы с достоверностью узнать, кто "испортил" его жену, Петр Брюханов, по совету знахарок, на первый день Пасхи, 17-го апреля 1894 г., облил святой водой церковный колокол и, собрав ту же воду в пузырек, дал в тот же день из него выпить жене во время бывшего с ней припадка и решительно спросил, кто ее "испортил". Та ответила: "Твоя мать". Тогда Брюханов отправился за соседями и пригласил к себе в дом Андрея Виноградова, Владимира и Федора Грязновых и их семейства, чтобы все убедились, кого "выкликают" его жена. Когда все собрались, он вторично дал жене выпить воды из пузырька и, окропив всех присутствовавших святой водой, опять предложил жене тот же

вопрос о "порче". Та твердо и подробно ответила, что на Введениев день (21-го ноября) 1893 года свекровь дала ей в рюмке водки "порчу", которую сама она взяла от сестры своего мужа Марьи Артемьевой вместе с 100 руб., каковые зарыла затем у себя дома в погреб. После этого решено было потребовать в избу Марью Маркову.

Она пришла вместе с мужем своим, дряхлым стариком, Никитой Артемьевым. Петр Брюханов в третий раз дал жене "святой воды" и снова предложил вопрос о том, кто ее "испортил", на что получил такой же, как и прежде, ответ, после чего Ольга Брюханова, при виде стоявшей перед ней свекрови, сильно переменялась в лице, вскочила, "точно ее вихрем подняло", запела что-то и в конвульсивных судорогах бросилась на 70-ти-летнюю старуху, повалила ее на землю, стала ее таскать за волосы и наносить по всему телу побои, требуя, чтобы она "отделала порчу". К ней присоединился Петр Брюханов и вместе с женой стал бить свою мать ногами, куда попало. Все присутствовавшие молча смотрели на это, когда же Никита Артемьев порывался защитить свою жену, Виноградов сел к нему на колени и не допустил встать с места, а Влад. Грязнов в это время придерживал дверь. Наконец, Виноградов предложил затащить Маркову в погреб, чтобы она откопала 100 рублей, в которых была "порча", и с этой целью принес веревку, надел старухе на шею и потащил ее к погребу, куда вместе с Грязновыми и втолкнул ее, после чего дали ей в руки косарь, требуя, чтобы она откопала "порчу". Наконец, когда Маркова совершенно ослабела, ее оставили в покое. К этому времени стал собираться народ из соседней деревни Петрушино, где уже от мальчишек узнали, что в Синицах "бьют колдунью". Из вновь пришедших кто-то посоветовал Петру Брюханову накалить железный засов, чтобы прижечь ведьме пятки. Петр разложил на дворе костер, но в это время Марья Маркова упала с завалинки, на которой сидела, и скончалась. Ольга Брюханова, находясь все время в сильном истерическом припадке, плясала, хлопала в ладоши и кричала: "Сейчас разделают, разделают!" (снимут порчу). Привлеченные в качестве обвиняемых все упомянутые лица, не отрицая самого факта совершения преступления, утверждали, что сами они, кроме Ольги, никаких побоев старухе не наносили, не имея намерения лишить ее жизни, а хотели лишь, чтобы она "отделала порчу", которую, по их мнению, действительно, причинила Марья Маркова. Все они, по их словам, были "словно околдованные", так что совсем потеряли рассудок.

Ольга Брюханова была подвергнута судебно-медицинскому испытанию в Ярославской земской больнице и признана совершившей преступление в состоянии умоисступления, вследствие чего уголовное преследование ее по настоящему делу было дальнейшим производством прекращено.

На судебном следствии все свидетели единогласно показали, что побои наносила только Ольга Брюханова, остальные не помогали, но и не мешали. Далее было установлено, что слух о "порчи" Марковой Ольги держался в деревне всю зиму; что и в соседней деревне Горохове появилась "порченная" и молва приписывала "порчу" той же Марье Марковой; что "порчи" вообще, случаются нередко и, по народному верованию, кого больная выкликает, тот и "испортил". Далее выяснилось, что Ольга Брюханова была всегда женщина здоровая, родила 3-х детей и сама их выкормила; но что действительно с Введеньева дня она внезапно заболела. Покойная Марья Маркова была женщина хорошая, но и Петр был хороший сын и никто из подсудимых не был во вражде со старухой.

Эксперт, уездный врач Ковалев, признал побои тяжкими, угрожающими опасностью жизни; смерть Марковой, по мнению эксперта, последовала от кровоизлияния к мозгу, бывшего в свою очередь результатом ударов твердым предметом в голову покойной. Далее, на вопросы защиты, эксперт высказал мнение, что сильный припадок большой истерии действует заразительно на окружающих, что обвиняемые, будучи сами нормальными и здоровыми людьми, по всей вероятности, однако, находились в состоянии психического оцепенения и едва ли сознавали, что они делали.

Суд приговорил: Петра Брюханова в 6 годам каторжных работ; Виноградова к 4-х летней каторге, а Грязновых к ссылке на поселение в места не столь отдаленные – с лишением всех подсудимых всех прав состояния.

Приговор произвел огромное впечатление. Подсудимые, бывшие на свободе были немедленно взяты под стражу. Огромная толпа мужиков, баб и детей с рыданиями и воплями провожала их через весь город до стен тюрьмы.

Московский корреспондент "Нового Времени", Old Gentleman, в одном из своих талантливых фельетонов (1895 г., № 7036) рассказывает о следующем факте народной

расправы с колдуньей, имевшем место 25 сентября 1895 года в Москве в самом центре города - на Никольской улице.

"Одна из наиболее чтимых московских святынь – часовня святого Пантелеймона на Никольской. В ней и около нее всегда толпа. По ночам часовня заперта, но ранним утром, далеко до рассвета, в ней служитя молебен; затем чудотворная икона вывозится в город для служения молебнов в частных домах. Тогда в часовню собирается особенно много народа – все больше мещан и крестьян. Так было и в ночь 25-го сентября. Часовня еще не была отперта, а около нее уже толпилось человек триста. Между ними находились крестьянский мальчик Василий Алексеев и какая-то простая женщина, одержимая припадками – не то истерического, не то эпилептического свойства. Возле этой пары стояла крестьянка Наталья Новикова; она разговорилась с мальчиком и подарила ему яблоко... Мальчик куснул яблоко, – и надо же быть такому несчастью, чтобы как раз вслед затем с ним случился истерический припадок. На крик Алексеева прибежал с ближайшего поста городской и отвез больного в приемный покой. Толпа, конечно, всполошилась:

– Отчего был крик? В чем дело?

Наталья Новикова и женщина, сопровождавшая Алексеева, вероятно, успели тем временем повздорить, потому что вторая из них принялась объяснять народу происшедший случай таким ехидным образом:

– Мальчика испортила вот эта баба. Дала ему яблока, а яблоко-то было наговорное. Едва он закусил яблоко – как закричит! и почал выкликать...

Суеверная сплетка быстро обошла толпу и подчинила ее себе. На Новикову глядят со страхом и ненавистью. Слышны голоса:

– Ведьма!

– Мальца заколдовала!

– Пришибить – и греха не будет...

На Новикову начинают нажимать; она струсила и решила лучше уйти подальше от греха: народ – зверь, с ним не сговоришь. Пока она пробиралась к Проломным воротам, толпа рычала, но не кусалась; со всех сторон ругательства, отовсюду свирепые взгляды, но ни у кого не хватает мужества перейти от угроз к действию... В это время кто-то громко и отчаянно крикнул:

– Братцы... бей колдунью!

И в ту же минуту Новикова была сбита с ног и десятки рук принялись молотить по ней кулаками... Молотили с яростью, слепо, не жалея, на смерть... И, не случись на Никольской в ту пору опозднившегося прохожего, чиновника Л. Б. Неймана, Новиковой не подняться бы живой из-под града ударов. Г. Нейман бросился в толпу:

– Что вы делаете? С ума сошли?

– Бей колдунью!

– Этот – что тут еще?!

– Вишь, заступается...

– Заступается? Видно, сам из таких... бей и его!

– Уйди, барин! Не место тебе здесь... Наше дело, не господское...

– Бей! бей! бей!..

Господин Нейман, обороняясь, как мог, протискался, однако, к Китайскому проезду, где подоспел к нему городской, чтобы принять полуживую Новикову: она оказалась страшно обезображенной, защитника ее тоже, выражаясь московским жаргоном, отделали под орех...

И над сценой этой средневековой расправы ярко сиял электрический фонарь великолепной аптеки Феррейна, и повезли изувеченную Новикову в больницу мимо великолепного Политехнического музея, в аудитории которого еженедельно возвещается почтеннейшей публике то о новом способе управлять воздухомплаванием, то о таинствах гипнотизма, то о последних чудесах эдиссоновой электротехники. И, когда привезли Новикову в больницу, то, вероятно, по телефону, этому чудесному изобретению конца XIX века, дали знать в дом обер-полицмейстера, что вот-де в приемном покое такого-то полицейского дома лежит женщина, избитая в конце века XIX-го по всем правилам начала века XVI..."

## ИСПОЛЬЗОВАННАЯ И РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. М., 2003.  
Амбелен Р. Драмы и секреты истории. М., 1993.  
Арну А. История инквизиции. М., 1924.  
Баткин Л.М. Данте и его время. М., 1965.  
Бутми Н.А. Каббала, ериси и тайные общества. СПб., 1914.  
Бутромеев В.П. Детский Плутарх. Средние века. М., 2000.  
Герои и битвы. М., 1995.  
Григулевич И.Р. Инквизиция. М., 1976.  
Гулиа Н.В. Занимательная физика. О чем умолчали учебники. М., 2003.  
Добиаш-Рождественская О.А. Эпоха крестовых походов. Пг., 1918.  
Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.  
Канторович Я.А. Средневековые процессы о ведьмах. СПб., 1896.  
Карсавин Л.П. Монашество в средние века. М., 1992.  
Католицизм. - М., 1991.  
Кац Я. Евреи в средневековой Европе. Иерусалим, 1992.  
Керов В.Л. Народные восстания и еретические движения во Франции в конце XIII - начале XIV века. М., 1986.  
Ковалевский П.И. Психиатрические эскизы из истории в 2-х тт. М., 1995.  
Кудрявцев А.Е. Испания в средние века. Л., 1937.  
Ли Ч. История инквизиции в средние века. СПб., 1911.  
Лившиц Г.М. Реформационное движение в Чехии и Германии. Мн., 1978.  
Лозинский С.Г. История папства. М., 1986.  
Лозинский С.Г. Святая инквизиция. М., 1927.  
Мадоль Ж. Альбигойская драма и судьбы Франции. СПб., 2000.  
Мельвиль М. История ордена тамплиеров. СПб., 1999.  
Мишле Ж. Ведьма. М., 1912.  
Орлов М.А. История сношений человека с дьяволом. М., 1997.  
Осокин Н.А. История альбигойцев и их времени. М., 2000.  
Офм Л.Х. История христианского монашества. СПб., 1993.  
Парнов Е.И. Трон Люцифера. М., 1991.  
Плавский З. Испанская инквизиция. Палачи и жертвы. СПб., 2000.  
Протестантизм. - М., 1990.  
Райцес В.И. Жанна д'Арк: факты, легенды, гипотезы. Л., 1982.  
Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002.  
Рубцов Б.Т. Ян Гус. М., 1958.  
Сед де Ж. Тайна катаров. М., 1998.  
Смирнова Е.Д. и др. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Минск, 1999.  
Сперанский М. Ведьмы и ведовство. М., 1906.  
Средневековье в эпизодах и лицах. М., 1941.  
Тюменев А. Евреи в древности и в Средние века. Пг., 1922.  
Шарпантье Л. Тайны тамплиеров. М., 1998.  
Шпренгер Я., Инсистерис Г. Молот ведьм. М., 1992.  
Шустер Г. История тайных союзов в 2-х тт. М., 1997.  
Хаксли О. Луденские бесы. - М., 2000.